

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ Х І.

ВЪ Университетской Типографіи.

у Н. Новикова.

1787.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

Продолженіе.

Тишина и щастіе возвратили въ село Уединенное радость, игры и веселія. Сей споль пріятный день былъ самой пошбъ, въ кошорой надобно было праздновашь наступленіе Мая. Положили, чшобы сему празднику бышъ на господскомъ дворбъ, и сб неперпбніемъ ожидали часа, въ кошорой ему начашься надлежало. Лишь полько вспали избъ за-стола, вдругб услышали игру волюнокб, дудокб и гудковб. Поспбшно вышли на дворб, кошорой уже былъ наполненб скорморохами и всбми молодыми поселянами. Мальчики въ праздничныхб кафшанахб окружали лежащую на землб березку, и держались за веревки, за кошерыя надлежало ее въ назначенное время поднпшъ.

Какъ скоро данъ былъ знакъ, потчасъ явилась толпа молодыхъ дѣвокъ, несущихъ корзины съ цвѣтами; онѣ осыпали ими березку. Одна привязываетъ къ ней пучекъ цвѣтовъ, другая вплскаетъ въ нее вѣнокъ: въ одинъ мигъ вся березка была украшена черемховыми и другими изъ полевыхъ цвѣшковъ сплсненными вѣнками. Тогда два мужика среднихъ лѣтъ приближаются важно; у каждого въ рукѣ по склянкѣ вина: они лютъ вино на корень дерева. Послѣ сего пьютъ *за здравіе Господина*. Пётръ вмѣсто отца долженъ былъ ошблагодарить добрыхъ крестьянъ. Онъ выступаетъ величаво, кланяется имъ, беретъ стаканъ, до половины налишой виномъ, и выпиваетъ его съ ошмѣнною пріятностію. Въ то же время березку поднимаютъ, и посадивши ее, мальчики и дѣвки берутся за руки и пляшутъ около дерева, воспѣвая похвальныя пѣсни Веснѣ. Пётръ, Елисавета и Каперина вмѣшались въ пляску, и пѣли отъ всего сердца съ прочими пѣвцами. Послѣ того играли въ *веревки* и въ *перебѣжки*, чѣмъ праздникъ и кончился.

Петръ, будучи удивительно по своимъ лѣтамъ проворенъ и силенъ, весьма ошличился въ сей послѣдней игрѣ, въ которой

порой можно показатъ проворство, обгоняя другихъ въ бѣгу; искусство, проводя и обманывая непріятеля своего; добросовѣстность, осуждая самаго себя въ случаяхъ сомнительныхъ; наконецъ храбрость и великодушіе, подвергая свою свободу на вырученіе плѣнныхъ своей стороны. Недоставало только къ сему прекрасному дню вечерней повѣспи; но Госпожа Добролюбова обѣщала имъ рассказывать ее на другой день, и, ложася спать, уговорились между собою встать до зари, чтобы успѣть подолбе гулять въ полѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при первыхъ солнечныхъ лучахъ дѣшней разбудили. Спустия четверть часа, прислали ихъ звать, и въ то же время вышли изъ замка, взявши съ собою одного только Ивана.

Походивши съ часъ мѣсто, дѣши почувствовали, что онѣ еще не завтракали. Въ то время были онѣ верстахъ въ четырехъ отъ села; голодъ заставилъ ихъ поискать въ ближайшей деревнѣ, отъ которой были онѣ только въ 50 саженьяхъ, купить молока. Иванъ указалъ на одну избу, и всѣ съ радостію и поспѣшностію пошли за нимъ. Пришли къ избѣ, гдѣ къ удивленію нашли великой шумъ, большую радость и большое со-

браніе крестьянѣ, которые всѣ были въ праздничныхъ кафтанахъ. Хозяинѣ, за-жипочной, мѣльникѣ, на канунѣ того дня выдалѣ дочь за мужѣ, и сіе-то было причиною всего пиршества. Госпожа Добролюбова съ дѣвѣми своими вышла на лугѣ; шамѣ тѣли онѣ на праву, а спустя минушю, молодая принесла имѣ чашу сливокѣ и сипной хлѣбѣ. Елисавета, которой что-то мать пошептала на ухо, сняла съ себя большой золотой крестѣ, и надѣла его на шею молодой крестьянкѣ, въ то время, какѣ она наклонялась къ ней, чтобы поставитѣ передѣ нес чашу сливокѣ. Молодая покраснѣла, и, смотря на Госпожю Добролюбову, отговаривалась отѣ принятія сего подарка; но Госпожа Добролюбова сказала ей: отказавшись отѣ подарка, ты, душенька, опечалишь Елисавету; пожалуй возьми его и скажи своему бапюшкѣ, что я зову его со всемѣ его домомѣ въ Воскресенье къ намѣ обѣдашь. Молодая, восхищенная симѣ предложениемѣ, а особливо неперпѣниемѣ показать собранію свой золотой крестѣ, побѣжала потѣ же часѣ, забывши поблагодаритѣ Елисавету. Но вскорѣ она пришла съ отцомѣ своимѣ, и по многократномѣ благодареніи возвратились они
вѣ

въ избу. Мамушка! сказала Елисавета, я съ этой стороны похожа на васъ: я очень люблю крестьянъ; какъ мила молодая! какой крошкой видъ! какъ она хороша, когда краснѣетъ! да къ помужь она попчивается такими хорошими сливками и хлѣбомъ! Какое сдѣлали вы эшимъ добрымъ людямъ удовольствіе, позвавши ихъ въ Воскресенье къ намъ обѣдать! Я увѣрена, что они долго будутъ благодарить щасливой случай, приведшій насъ къ нимъ въ избу Это приключеніе, перервала Госпожа Добролюбова, напоминать мнѣ одинъ анекдотъ, чипанной мною въ нашей Исторіи „Ахъ, мамушка! разскажете намъ эшотъ анекдотъ.“ — Охотно.

Царь Иванъ Васильевичъ иногда передѣвался, чтобы вѣрнѣе знать, что думаетъ народъ о его правленіи. Въ одинъ день, прогуливаясь около Москвы, вшелъ онъ въ деревню, и, прихворясь упомянутымъ и успалымъ, попросилъ въ ней ночлега. Плащъ его было все изодрано, и все на немъ показывало нищету. Въместо того, чтобы надъ нимъ сжаались и впустили его въ избу, вездѣ ему отказывали. Будучи исполненъ негодованія на жестокость сихъ злыхъ обывателей, го-

шовъ онъ былъ изъ деревни вытши, какъ примѣшилъ, что оставалась еще изба, у которой онъ не стучался: изба эта была самая бѣдная и самая маленькая изъ всей деревни. Царь подходитъ къ ней, и тихо стучится у воротъ; въ то же время приходитъ хозяинъ и спрашиваетъ его, что ему надобно. Я умираю отъ голода и уснулосни, отвѣстствуетъ Царь: не можешь ли ты меня впустишь переночевать? Ахъ, другъ мой! сказалъ крестьянинъ, взявши его за руку: тебѣ будетъ очень спокойно; я въ великой заботѣ: жена моя въ родахъ; вопль ея помѣшаетъ тебѣ уснуть; однако войди; по крайней мѣрѣ ты укроешься отъ спужи, и мы раздѣлимъ съ побою нашъ ужинъ. Крестьянинъ вводитъ Царя въ маленькую избу, набитую дѣшми: въ одной колыбели лежали двое вмѣстѣ въ крѣпкомъ снѣ; прехлѣпная дѣвочка, лежащая на рогожкѣ подлѣ своихъ братьевъ, также спала; а старшія двѣ сестры, стоя на колѣняхъ, со слезами молились Богу о разрѣшеніи отъ бремени своей матери, которая лежала въ чуланѣ, и которой вопль и спенаніе были слышны. Побудь здѣсь, сказалъ крестьянинъ Царю: я пойду принесу тебѣ поужинать. Говоря сіе, онъ вышелъ. Минуту

нушу спуся, возврашлся и принесъ съ собою меду, ржаного хлѣба и яицъ. Вотъ все то, что у насъ есть, сказалъ онъ: опужинай съ моими дочерьми, а я пойду къ женѣ. За доброе швое дѣло, за хорошій швой приѣмъ, сказалъ Царь, Богъ сдѣлаетъ шбя щаспливымъ. Другъ мой! перервалъ мужикъ: молись Богу, чтобы жена моя шолько щаспливо родила; вотъ все, чего желаю. — „Такъ шы почяпаешь себя благополучнымъ?„ ... — Благополучнымъ! да посуди самъ: у меня пятеро дѣшей, копорья всѣ, слава Богу! здоровы; жена, копорую я люблю, опецъ и мать, копорые шакже здоровы; а шруды мои досташочны для пропишанія всѣхъ ихъ. — „Опецъ и мать живутъ съ шобою?„ — Конечно; они шамъ около жены. — „Да эша изба очень мала!„ ... Она довольно велика, пошому что всѣхъ насъ помѣщаетъ. Выговоря сіи слова, мужикъ пошелъ къ женѣ, копорая черезъ часъ родила благополучно. Доброй крестьянинъ, восхищенной отъ радости, принесъ ребенка своего къ Царю. Вотъ уже и шестаго родила она мнѣ! дай ему Богъ здоровья, шакъ какъ и прочимъ! Посмотри, примолвилъ онъ, какъ онъ шолстъ и здоровъ! Царь взялъ младенца на руки,

и смотря на него съ нѣжностію, сказалъ: по лицу умѣю я многое опгадывать. Лице эпова младенца весьма щасливо, и я ударился бы объ закладъ, что онъ будетъ очень богатъ. Мужикъ улыбнулся. Въ сіе время дѣвочки подошли, для облобызанія новорожденнаго, котораго бабушка опять унесла. Дѣвочки пошли за нею, а мужикъ, посплавъ на полъ рогожку, просилъ спранника лечь съ нимъ на нее. Черезъ минушу мужикъ крѣпко заснулъ. Небольшая лампада изливала во всей комнатѣ слабой свѣшъ. Царь, поднявшійся не много, окинулъ взоромъ окружавшіе его предметы, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на мужика и на шрехъ спящихъ его дѣшей. Во всей избѣ было глубокое молчаніе. Какая тишина! сказалъ Царь: какое спокойствіе! Простой и добродѣтельной человекъ! какъ онъ покойно спитъ на рогожѣ! Ни угрызеніе совѣспи, ни подозрѣніе, ни чеспоблюбивыя предпріятія, не нарушаютъ его покоя. Сонъ его сладокъ; ибо онъ происходитъ отъ невинности. --- Подобныя сему размышленія занимали Царя во всю ночь. Какъ скоро день наступилъ, мужикъ пробудился, а Царь, прощаясь съ нимъ, сказалъ ему: я возвращаюсь въ Москву; мнѣ знакомъ
тамъ

памѣ предобродѣтельной человѣкѣ; я ему о себѣ поговорю, и увѣренъ, что соглашу его окрестить новорожденнаго своего младенца. И такъ общай мнѣ дожидаться меня къ крещенію. Я возвращусь сюда по крайней мѣрѣ черезъ три часа. Хотя мужикъ и не весьма полагался на сіе обѣщаніе, однако изъ снисхожденія согласился на то, чего прохожій отъ него требовалъ. Послѣ сего увѣренія Царь поспѣшнѣе пошелъ.

Три часа прошли, и мужикъ, не видя возвращающагося прохожаго, собрался со всею своею семьєю нести ребенка въ церковь. Онъ уже готовъ былъ итти со двора, какъ вдругъ услышали великой шумъ, отъ лошадей и колясокъ производящій. Мужикъ смотритъ въ окно, и видитъ улицу полную верховыхъ и прекрасныхъ колясокъ. Онъ узнаетъ Царскую гвардію. Тотчасъ приглашаетъ онъ всю свою семью смотрѣть, какъ ѣдетъ Царь. Всѣ выходятъ полпою и спановятся предъ ворошами. Нѣсколько колясокъ пробѣзжаетъ одна за другою, и наконецъ Царская останавливается противъ самой избы добраго крестьянина. Въ сіе время гвардіонцы распалкиваютъ и отдаляютъ кучу крестьянъ, коихъ при-
вле-

влекла шуда надежда увидѣшь своего Государя. Опворяющѣ у коляски дворцы; Царь выходитѣ, видитѣ своего хозяина, и, подходя къ нему, говоритѣ: я тебѣ обѣщаль кума, и пришелѣ исполнить мое обѣщаніе. Подай мнѣ своего ребенка, и поди за мною вѣ церковь. Мужикѣ стоишѣ неподвижно, смопришѣ на Царя сѣ радостію и удивленіемѣ. Онѣ разсмаприваетѣ великолѣпное Царское платье, сіяющіе каменья, коими оно покрыто, и пышную свиту, его окружающую. Не можешѣ онѣ никакѣ узнать того спранника, сѣ которымѣ провелѣ ночь на рогожкѣ. Царь наслаждается нѣсколько времени крайностію его удивленія; послѣ того продолжаетѣ: вчерась исполнилѣ ты должности, предписываемыя намѣ Закономѣ и чловѣчествомѣ; нынѣ я пришелѣ исполнить наипрѣятнѣйшую Царскую должность, а именно наградить добродѣтель. Я оставлю тебя вѣ помѣ состояніи, которое ты любишь, и косто невинности и пишинѣ завидую я. Но я дамѣ тебѣ то, вѣ чемѣ у тебя недоспашокѣ. Ты будешѣ имѣть многочисленныя епада, богатые огороды, и шакую избу, вѣ которой тебѣ можно будетѣ сѣ удобностію угощать прохожихѣ. Я беру на себя

себя постараться о щастіи новорожденнаго, пошому что ему предсказывалъ я, при- молвилъ Царь улыбаяся, *великое богатство*. Вмѣсто отвѣща, крестьянинъ, будучи разпроганъ благодарностію и весь въ сле- захъ, пошелъ по своего ребѣнка, и при- несши, положилъ его къ спопамъ своего Государя. Царь, пронупой симъ поступ- комъ, взялъ дитя и понесъ его самъ въ церковь. Онъ его крестилъ. Послѣ того, не хощѣвши лишить его маперняго мо- лока, принесъ его опять въ его избу, сказавши, что возметъ его къ себѣ уже тогда, когда его ошымутъ отъ груди. Царь исполнилъ вѣрно всѣ свои обѣщанія. Онъ взялъ на себя воспитаніе дитяи, коего возросилъ въ своемъ дворцѣ и сдѣлалъ щаспливымъ, а добродѣтельнаго крестьянина со всею его семьею осыпалъ благодѣянiями. — „Ахъ! воскликнулъ Петръ: какъ же, думаю, раскаявались злые крестьяне, опказавшіеся принять переодѣшаго Царя!„ — Раскаяніе нака- зало ихъ за ихъ жестокость. Спыдъ бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ дур- наго поступка. Какъ злыя люди не по- мыслятъ объ этомъ? сказала Катерина. — „Злое сердце упушаетъ весь естественной свѣшъ разума.,, — Какъ жалки злыя! —

„По-

„Почему въ Сади, Персидскомъ Стихо-
шворцѣ, одинъ мудрецъ возсылаетъ такую
молишву: „Великій Боже! смилуйся надъ
„злыми; ибо Ты все сдѣлалъ для до-
„брыхъ, сдѣлавши ихъ добрыми.“

Проговоря сіи слова, Госпожа Добро-
любова вспала, вышла изъ избы, и пошла
съ дѣтьми своими домой. Дорогою все
говорили о Царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Ма-
пушка! сказала Каперина: мнѣ бы хотѣ-
лось, чшобы вы обѣщали рассказывать
намъ какую нибудь историческую повѣсть
при всякой прогулкѣ нашей. — „Ахъ!
въ самомъ дѣлѣ, мапушка.“ — Подлин-
но, мапушка! это очень хорошо. —
Разумѣю; такъ вамъ надобно ежедневно
рассказывать *исторію поутру, а другую*
послѣ ужина. Мнѣ кажется, что вы очень
много на мою память надѣбесесь. — И
на вашу любовь, мапушка; да мы и не
ошибаемся. — „Я вижу, что мнѣ надо-
бно будетъ поддержать эту довѣренность.“
Тутъ всѣ дѣти бросились обнимать Гос-
пожу Добролюбову. Возвратившись до-
мой, Госпожа Добролюбова пошла съ до-
черьми въ свой кабинетъ, а Петръ по-
шелъ въ свою горницу съ Своемысловымъ.
Послѣ обѣда Госпожа Добролюбова, имѣя
нужду писать письмо, оставила дѣтей
сво-

своихъ въ залѣ съ Своемысловымъ. Тогда былъ часъ отдохновенія. По прошествіи четверти часа Госпожа Добролюбова возвратилась. Она увидѣла Елисавету и Катерину сидящихъ въ уголку и читающихъ. Что вы читаете? спросила она ихъ. — „Книгу, копорую намъ дала приборщица ваша.“ — Въ состояніи ли она выбирать книги для чтенія вашего? да сверхъ пого можете ли вы брать книги безъ моего спроса? — Я говорилъ уже это имъ, перервалъ Своемысловъ, копорой на другомъ концѣ залы игралъ съ сосѣднимъ дворяниномъ въ шашки; но онѣ меня не послушались. Петръ умѣе ихъ; онѣ смотрѣли на нашу игру, и читаетъ Академическое ежемѣсячное изданіе Однако, продолжала Госпожа Добролюбова, обращаясь къ своимъ дочерямъ, какую читаете вы книгу? — — „Машушка это *тысяча одна ночь.*“ — Волшебныя сказки! какъ можете вамъ нравиться такое чтеніе? — „Виновата, машушка: однако я признаюсь, что волшебныя сказки меня забавляютъ.“ — Да почему же? — „Потому что я люблю чудесное и чрезвычайное; разные превращенія, хрустальные, золотые и серебряные дворцы, . . . все это, кажется мнѣ,

хорошо,, — Да ты знаешь, что все это выдумка? — ,,Конечно, мапущка; это сказки.,, — Какъ же и одна эта мысль не производишь въ тебѣ опъ нихъ оп-вращенія? — ,,За то вишь меня шѣ повѣсти, которыя вы намъ рассказываете, сударыня, въ тысячу разъ болѣе занимаютъ; я бы цѣлой день слушала ихъ, а чтение волшебныхъ сказокъ скоро бы мнѣ наскучило.,, — Ежели ты любишь чудесное, то можешь гораздо лучше удовольствоваться вкусомъ свой полезнымъ чтениемъ. — ,,Какъ это, мапущка?.,, — Одно швое невѣжество уверяетъ тебѣ, что рѣдкости и чудесное въ однѣхъ только сказкахъ существуютъ. Природа и искусство представляють столько же удивительныя явленія, какъ и самыя чудеснѣйшія приключенія въ *тысячи одной ночи*. — ,,Ахъ, мапущка! это такъ говорится.,, — Ничего не бывало; и чтобы вамъ это доказать, то облыываюсь сочинить такую сказку, какой ни удивительнѣе, ни чудеснѣе вы не слышали, хотя все будетъ истинно. Тутъ Петръ оставилъ шашки и Академическое ежемѣсячное изданіе, и, подошедши къ Госпожѣ Добролюбовой, спросилъ: какъ, мапущка! не уже ли это возможно? — ,,Вы сами бу-
деше

деше пому судьями. Я выдумаю лица и мѣста, — А все *чудное будетъ истинно?* — „Да, все то, что будетъ вамъ казаться *чудомъ, очарованіемъ*, почерпнуто будетъ въ самой Природѣ; будетъ шакое, что уже подлинно было, или и шеперь еще есть. — Это невѣрояпно. — Да я увѣрена, мапушка, что въ сказкѣ вашей не будетъ *ни хрустальнаго дворца, ни алмазныхъ столповъ*. — „Ешьли вы хопише, то въ моей сказкѣ будутъ *хрустальные дворцы, алмазные столпы, и даже цѣлой серебряной городъ*. — Какъ! безъ помощи волшебства, безъ очарованія, безъ колдовства? — „Безъ колдовства, безъ очарованія и безъ волшебства. Вы услышите въ ней еще гораздо удивительнѣйшее. — Я не могу опомнисья опѣ удивленія — Ахъ, мапушка! съ какою неперпѣливостію желаю, чшобы сказка ваша была написана! — „Мнѣ надобно по крайней мѣрѣ при недѣли для сочиненія ее; надобно мнѣ прочесть многія сочиненія Натуральной Исторіи, и нѣсколько путешествій. — Какъ! въ этихъ поучительныхъ книгахъ находятъ удивительнѣйшія вещи, нежели въ *тысячи одной ночи?* Да какъ же не бросающъ вовсе волшебныхъ сказокъ? —

„Для того, что къ разумѣнію ихъ надобны нѣкоторыя предварительныя знанія, которыя пребуяшъ прилѣжности къ ученію.“ — Но можно ли намъ будетъ безъ предварительныхъ знаній разумѣть вашу сказку, мапушка? — „Можно, пошому что я не буду упошреблять ученыхъ словъ: я вамъ представлю дѣйствія, не изъясняя причинъ; почему и увѣрю васъ, что естльи бы вы не были упреждены, шо сказка моя показалаь бы вамъ подлинною волшебною сказкою.“ — Надобно будетъ при недѣли се дожидаться! — „А до тѣхъ поръ вечернихъ сказокъ не будетъ, такъ какъ и Историческихъ повѣстей въ упренія прогулки.“ — Боже мой! — „Будьте справедливы. Не запрещала ли я вамъ, Каперина и Елисавета, заглядывать въ такія книги, которыя вы достанете не отъ бабушки, или не отъ меня?“ — Это правда; да мы и должайшее наказаніе заслуживаемъ.

Чтобы утѣшиться за вечернія повѣсти, дѣти провели въ шотъ день всѣ часы отдохновенія въ саду. Къ вечеру Госпожа Добролюбова сошла къ нимъ сама, и Каперина, показывая ей грядку съ гіациншами, въ восторгѣ вскричала: все это мое! — Ахъ, мапушка! вы сдѣ-

сдѣлали благополучною Катю вашу, давши ей эту прелестную часпичку земли! ешьли бы я при этомъ не забывала никогда, что не должна васъ ослушиваться, то была бы совершенно щасплива. Ахъ, мапушка! вы такъ же добросердечны, какъ попъ мудрецъ, кошорой молился за злыхъ: попросите Бога, чтобы Онъ исправилъ меня отъ моей вѣтренности и любопытства, и чтобы не одинъ изъ моихъ гяциншовъ не завялъ. — „И такъ садъ пвой тебѣ не наскучаетъ?“ — Нѣтъ, мапушка: онъ мнѣ день ото дня болѣе нравится. — „Не удивляюсь; невинныя склонности долговременны. Скучаютъ иногда Царскимъ вѣнцемъ, но не скучаютъ никогда садикомъ, въ кошоромъ сами работаютъ. Діоклишанъ, будучи упрашиваемъ прежнимъ соправителемъ своимъ, Максиміаномъ, принявъ съ нимъ опять Императорскую Корону, кошорую они оба съ себя давно сложили, вмѣсто отвѣта написалъ къ нему: „Другъ мой! „пріѣзжай посмотришь прекрасной лашукъ, кошорой я посадилъ въ Салонскомъ саду моемъ,“ (*) — Что же бы

Б 2

онъ

(*) Hist. de Charlemagne, par Mr. Gaillard, T. I. p. 287.

онъ сказалъ, естли бы у него были мои гіацинты! — „Однакожь берегись, чтобы слишкомъ къ своимъ цвѣтамъ не приспрасишься; не надобно давать ничему исключительнаго преимущества, и всякое излишество дурно.„ — Какъ, мапушка! не уже ли склонность къ цвѣтамъ можетъ премѣниться въ спрасъ? — „Человѣкъ можетъ все употребить во зло, какъ скоро перестаетъ слушаться разсудка своего и умѣряетъ свои прихоти. Повѣрише ли вы, что есть такія сумасбродныя люди, копорыя плащяшъ по 1000 и по 1500 рублей за одну цвѣточную луковку?„ — Какое дурачество! — „Я видѣла много гіацинтовъ въ Гарлемѣ, копорыя такіхъ денегъ споили. (*), — Да отъ чего

(*) Одинъ славной охотникъ до цвѣтовъ въ Голландіи сказывалъ мнѣ, что заплащилъ 1360 рублей за луковицу, при молвивши, что плащяшъ еще и гораздо дороже. Любители цѣнятъ дорого шолько шесть родовъ: *гіацинтъ*, *тюлпанъ*, *аврикулу*, *геоздику*, *ранинкулъ*, и *анемонъ*. Гіацинтъ есть одинъ изъ лучшихъ; но чѣмъ простибе краски его, шѣмъ онъ рѣже. О Ранинкулѣ думаюшъ, что онъ къ намъ привезенъ изъ Сиріи

чего же цвѣты такъ дороги? — „Опѣ мѣлочной разборчивости охотниковъ; наприм. они ищутъ все рѣдкаго; они хотятъ, чтобы у гіацинта на стебелькѣ было пятнадцать, двадцать, или по крайней уже мѣрѣ двѣнадцать цвѣточковъ; чтобы цвѣточки были велики, коропки, гладки; листочки широки; и проч.„ — Такъ они щипаютъ цвѣточки и мѣряютъ листья? Такіе охотники мо- ложе еще меня. Полуторапысячные ихъ цвѣты пахнутъ не лучше моихъ; а пре- краснѣйшими кажутся только тогда, ко- гда на нихъ вблизи и съ примѣчаніемъ смотришь. Маленькой свой цвѣтничокъ цѣню я не дешевле прекраснѣйшей Гарлем- ской гряды. — „Ты хорошо дума- ешь.„ —

Тутъ доложили Госпожѣ Добролю- бовой, что кто-то ѣдетъ къ нимъ на дворъ. Приѣхалъ Господинъ Чвановъ съ

Б 3

своею

Сиріи во время Святой войны. Госпо- динъ Башельеръ привезъ въ прошедшемъ вѣкѣ Анемонъ изъ Америки. Полагаютъ, что Гіацинтъ привезенъ изъ мыса До- брой Надежды; прекраснѣйшій Гіацинтъ есть Офиръ: онъ желшой съ пурпуро- выми внутри пятнами.

своею женою и дочерью. Госпожа Добролюбова еще съ ними не видалася, хотя они и были съ сосѣди: потому что они проживали всю зиму въ городѣ. Въ Апрель мѣсяцъ была она у нихъ, думая, что они возвратились; но не нашла ихъ въ деревнѣ, и они прѣѣхали заплапнуть ей визитъ. Господинъ Чвановъ былъ лѣтъ сорока, и довольно хорошій имѣлъ видъ. Гордяся симъ преимуществомъ и шѣмъ, что въ молодости своей нѣсколько разъ съѣздилъ въ Петербургъ, презиралъ онъ совершенно всѣхъ уѣздныхъ Дворянъ; съ женою своею обходился безъ всякаго уваженія, а съ дочерью равнодушно. Почитая себя выше всего его окружающаго, почиталъ за несчастіе жить только съ низшими себя, и утѣшался только шѣмъ, что преимущество его передъ ними было очевидно и вообще всѣмъ примѣпно. Не обходявшись почти никогда съ благородными и знающими людьми, совсѣмъ не зналъ онъ правилъ обхожденія, думая при томъ, что знаетъ ихъ совершенно. Онъ выдавалъ себя за волокиту, говорилъ цѣлыми строками изъ романовъ и сказокъ, коихъ Сочинители, вмѣсто явленій *большаго свѣта*, описываютъ однихъ художественныхъ людей.

Сей родъ учености былъ причиною того, что Господинъ Чвановъ со всѣми обходился коропко и вольно, говорилъ спраннымъ языкомъ, и дѣлалъ непріятныя и наглыя ужимки. Жена его не имѣла ни одного изъ сихъ пороковъ; она была проспосердечна и любезна; хопя и пренебрегалъ ее мужъ ея, однакожь она любила его до крайности, и по слѣпой спраспи почисала его спранныспи за пріятность. Крошкая, скромная, опкровенная и чувствительная дочь ея, Софія, говорила мало, опвѣщспвовала съ спыдливостію, часто красѣла; но замѣшашельспво ея никакъ не было смѣшно, и все въ ней было кстапи.

Госпожа Добролюбова съ дѣтьми своими вошла въ гостиную, гдѣ былъ уже Господинъ Чвановъ съ женою и дочерью. Чвановъ, желая понравиться Московской Барынѣ, не показывалъ никогда сполько глупости и хвасповспва. Послѣ первыхъ учпивоспей сказалъ онъ: я не думаю, сударыня, чшобы мы могли ласкать себя надеждою видѣть васъ въ здѣшнихъ мѣспвахъ и въ будущую зиму. — „Я надѣюсь ворошиться въ Москву не прежде, какъ черезъ полтора года.“ — Вы

надѣтись! это самое учтивое выраженіе, сударыня! — „Я очень люблю деревню.“ — Однако надобно признаться, что проживши въ столицѣ, не пріятно жить въ уѣздѣ. Но кспаша, сударыня, спросишь у васъ, каковъ Г. Правосудовъ? — „Вы о братѣ моемъ изволише спрашивать?“, — Такъ, сударыня; я его очень довольно зналъ: мы съ нимъ бывали на самыхъ веселыхъ вечеринкахъ . . . онъ *былъ элуповатъ* въ то время дѣло его съ Незнаевымъ надѣлало много шума онъ послѣ того женился, а женидба нашу братью очень училъ. — „Онъ очень щаспливъ, потому что имѣетъ весьма любезную жену.“ — Да, я знаю, что она очень богата. Ко мнѣ пишушь, *что какой-то строй ея дядюшка свалился и оставилъ ей десять тысячъ рублей дохода.* Этошъ дядя былъ честной человекъ; въ уѣздѣ шакіе не родятся. — „Невѣстка моя весьма жалѣетъ о своемъ дядѣ. Хорошій родственникъ есть шаконъ драгоценной и вѣрной другъ.“ . . Старой дядя самой скучной пріятель, и по справедливоспи надобно каждому жить въ свою очередь. Молодые люди были бы весьма сожалѣнія достойны, ештли бы шарики не умирали. ---

Но

Но Прямиковъ, сударыня, всели такъ любилъ *Шампанскос*? — „Дядя мой? Я право не знаю.“ — У него былъ загородной домъ прекрасной Вы еще такъ молоды, что не можете поминъ Госпожи Милловзоровой въ самой лучшей ея порѣ. Въ мое время была она наипрекраснѣйшая особа; у нее была ложа въ шеап-рѣ Тутъ Госпожа Добролюбова начала говорить съ Госпожею Чвановою, и спаралась сдѣлать разговоръ общимъ. Господинъ Чвановъ, увидѣвши Елисавету и Кашерину, вскричалъ: какія красотики! какія черты! какой станъ! какіе глаза! Безъ сомнѣнія онъ не на то сошворены, чшобы имъ въ уѣздѣ оспашься; эшо было бы похищеніе, *предательство*, естльи бы лишиль ихъ споліцы. Копорой годѣ вашей дочери? спросила его Госпожа Добролюбова. Жена эшо знаетъ, отвѣтствовалъ съ неуваженіемъ Господинъ Чвановъ; я всегда эшо забываю. Госпожа Добролюбова оборотилась къ его женѣ и хвалила Софію. Похвалу сію слушала мать съ чувствительнымъ удовольствіемъ, а Господинъ Чвановъ, съ холоднымъ и разсѣяннымъ видомъ, разкрывалъ между шѣмъ иѣкопорыя лежація на каминѣ книжки. Подошедши опять вдругъ къ хозяйкѣ,

сказалъ: какъ вы думаете, сударыня, о ссѣдѣ нашемъ, Чудинъ? можно ли повѣришь, чѣобы онъ молодость свою провелъ въ Москвѣ? Таково дѣйствіе уѣзда; въ немъ перяютъ шу ловкосъ, копіорую пріобрѣтаютъ при Дворѣ и въ споллицѣ; мы должны казаться вамъ, сударыня, весьма загубѣлыми. — Сіи послѣднія слова, произнесенныя спраннымъ голосомъ, прѣбовали комплименпа, но напрасно. Госпожа Добролюбова довольствовалась опдашь справедливосъ достоинствамъ и разуму Господина Чудина. Послѣ того она говорила о помѣ и о другомъ; и спустя четвершь часа, Господинъ Чвановъ сдѣлалъ своей женѣ знакъ, по копорому она вспала и опкланялась. Выходя изъ дому, Госпожа Чванова и ея дочь говорили, что Госпожа Добролюбова весьма любезна; но Господинъ Чвановъ съ сухимъ и недовольнымъ видомъ велѣлъ имъ молчашь, сказавши, что Госпожа Добролюбова была вовсе лишена разума, догадки и понкоспи.

Боже мой! сказалъ Петръ своей матери: какъ Господинъ Чвановъ спранный! — „Чпозъ такое ты въ немъ находишь?“, — Я не могу эпова изъяснить;

яснить; но онъ смѣшенъ. Вѣ его ухваткахъ, улыбкѣ и ужимкахъ есть что-то чрезвычайнос. Кажется, что онъ это дѣлаетъ нарочно. Къ тому же онъ и говоритъ не очень хорошими рѣчьми. — „По чему?“, — Наприм. онъ все говоритъ *столица*, вмѣсто того, чтобы сказать *Москва*. Онъ говоритъ *Шампанское* вмѣсто того, чтобы сказать *Шампанскѣе вино*. — „Примѣчанія свои справедливы, только очень мѣлочны. Правда, что такой образъ выраженій называютъ дурнымъ; а какъ надобно съ обычаемъ соображаться, то я вамъ и запретила употреблять всѣ такія выраженія. Однако вы должны признаться, что обычай въ семъ случаѣ, такъ какъ и во многихъ другихъ, не основанъ ни на разумѣ, ни на вкусѣ. Говоритъ: я люблю *Шампанское*, я живу въ *столицѣ*, или я люблю *Шампанское вино*, я живу въ *Москвѣ*, въ самомъ дѣлѣ все одно. И надобно быть очень легкомысленнымъ, чтобы крипиковать съ важностію пѣхъ людей, которыя употребляютъ необыкновенныя выраженія; безразсуденъ бы былъ пошль человекъ, которой бы захопѣлъ надъ ними смѣяться. Можно съ великимъ знаніемъ обычаевъ быть глупцомъ: вы не однажды въ пещни вашей

вашей жизни въ этой истинѣ увѣришь. Можно также безъ всякаго знанія обычаевъ имѣть высочайшія дарованія, великой духи и даже пріяпность и ловкость; потому что истинныя пріяпности производящъ опъ разума и нрава. И такъ не прилагайше никогда важности къ малымъ вещамъ, а слѣдовательно и къ тому, что только наружно и суешно. Надобно судить челоука по разуму его и душѣ, а не по плашью, наружному виду, и обращенію. Ежели обхожденіе пристойно, ежели видъ скромнѣ и воздержнѣ, то какая нужда до выраженій, или до выбора и разположенія словъ? „ — Правда, мапушка, что я уже опъ многихъ нашихъ сосѣдей слыхалъ слова *Бургонское и столица*, однакожь такія выраженія казались мнѣ въ самомъ дѣлѣ неспоющими примѣчанія. Я даже не имѣлъ желанія надѣ ними посмѣяться. Признаюсь же вамъ, что Господинъ Чвановъ казался мнѣ очень спраненъ. — „Поищи хорошенько причину этова различія: можетъ бытъ и есть какая.„ — Я опгадываю ее, вскричала Елисавета: онъ хочетъ показатъ, что знаетъ то, о чемъ и понятія не имѣетъ; онъ хотѣлъ увѣришь мапушку, что онъ очень любезенъ,

НО . . .

но . . . — „Точно такъ: онъ имѣетъ пре-
быванія вовсе неосновательныя; а ничто
иное не дѣлаетъ человѣка столько смѣ-
шнымъ. Онъ никогда не жилъ въ свѣтѣ,
а хочешь увѣришь, что знаетъ все его
обыкновенія. Онъ читалъ нѣкоторыя
сочиненія, въ которыхъ чаялъ найсти вѣр-
ное описаніе большаго свѣта и его обы-
чаевъ; и, положась на писателей, въ этомъ
несвѣдущихъ, сдѣлалъ онъ все тѣ стран-
ныя привычки, которыя вы въ немъ
видите. „

Но онъ конечно не находилъ, ма-
тушка, въ печатной книгѣ, чтобы въ обы-
чаѣ было, говоря съ женщиною о ея братѣ,
называть его просто по фамиліи. — Онъ
сказалъ вамъ, спрашивая у васъ о дядюшкѣ:
каковъ Правосудовъ? — „Не сомнѣвай-
тесь; онъ конечно такую невѣжливость
находилъ въ печатныхъ книгахъ. — Болѣе
всего пронуло меня то, что онъ гово-
рилъ на щепѣ пепушки. — „О смерти
ея дяди? „ — Это мнѣ показалось ужа-
сно! — „И это все перенялъ онъ изъ
печатныхъ книгъ. Онъ читалъ въ нихъ,
что весьма много такихъ людей, ко-
торыя въ присутствіи почтенныхъ Гос-
пожъ, и даже, желая имъ понравиться,
обна-

обнаруживающѣ подобныя чувствованія, и обращаютѣ такія отвращительныя рѣчи къ самому наследнику, видя его въ глубокомѣ шраурѣ. „ — Возможно ли? Но не уже ли въ книгахѣ выдающѣ такихѣ людей за любезныхѣ? — „Нѣтъ, объ нихѣ говорятѣ, что они презрительны; но между тѣмѣ даютѣ чувствовать, что они имѣютѣ нѣкоторую ловкость и разумѣ, и предспавляютѣ ихѣ кружащими головы всѣхѣ людей, и привлекающими сердца молодыхѣ и почтенныхѣ особѣ. „ — Но это не возможно. — „Конечно такѣ; и такія описанія, благодаря Бога! вовсе химерическія. Мірѣ не сполько развращенѣ, чтобы находить *пріятность и ловкость* въ томѣ, кто бы съ такою грубостію показывалѣ презрѣніе къ благоприсойности; но такая крайность глупости и развраща не была бы перпима и самыми неразборчивыми людьми. „ — Но откуда же Писатели взяли такія ложныя мысли? — „Я вамѣ это нѣкогда скажу; нынѣ же вы не будете въ состояніи понять исполкованія, которое бы я могла вамѣ сдѣлать. Я написала небольшую сказочку для вашего юношества; она называется *дѣвѣ славы*. Въ ней найдете вы отвѣстѣ на вашѣ вопросѣ. „

прось., — Юношество наше еще не такъ скоро придетъ; на примѣрѣ, мапушка, на которомъ году спану я юношею? — „На пятнадцатомъ или на шестнадцатомъ году, ежели ты до тѣхъ поръ будешь себя хорошо вести., — Ежели буду себя хорошо вести! Я это разумѣю: чшобы войти въ лѣта юношества, надобно сдѣлаться умнѣе; это спрашно . . . — „Да; пошому чшо надобно, первое, оставишь всякую лѣнь, всякую вспыльчивость., — *Дѣв славы!* какое странное названіе! Ну, мапушка, ежели я не буду и принащати лѣшъ лѣнивъ и вспыльчивъ, шо пожалеете ли вы мнѣ ее шогда прочешъ? — „Нѣшъ, пошому чшо разумъ швой не будетъ еще сполько зрѣлъ, чшобы понять ее., — Въ этой сказкѣ, мапушка, вы опорочиваете шѣ сочиненія, которыя такъ дурно описываютъ людей? — „Ошгадай, должна ли я ихъ опорочивать? помни, чшо надобно всегда воздерживаться ошъ такой критики, которая имѣетъ предметомъ бездѣлицы. И такъ разсмотри сперва пошому, чшо я вамъ о такихъ сочиненіяхъ сказывала, могутъ ли, или не могутъ онѣ быть опасны., — Впервыхъ, я вижу, чшо онѣ были очень вредны для Господина

Чва-

Чванова, кошорой подумалъ, что все написанное въ нихъ правда, и кошорой, чшобы прослышь моднымъ чловѣкомъ и кружиль головы, подражаешъ языку спранныхъ людей. — „Впрочемъ кромѣ того, что подвергаешься опасности перенять дурной обычай и разныя спранности, происходитъ изъ сего чпенія еще большее зло: а имянно то, какъ мы уже и прежде сказали, что представишь себѣ мѣръ гораздо превращѣйшимъ, нежели каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть, и будешь думать (чего никогда не существовало), будпо бы порокъ можешъ нравиться безъ всякой прикышки, и будпо бы наглое и грубое развращеніе можешъ имѣть прелести и соблазнять большую часть людей, и сердца непорочныя и добродѣтельные. — Ну, мапушка, теперь я вижу, что вы кришиковали. — „По тому болѣе, что въ такихъ сочиненіяхъ есть еще *гораздо соблазнительнѣйшія явленія*; вы увидите нѣкошорое описаніе ихъ въ моей сказкѣ. — Ахъ! какъ бы мнѣ хотѣлось знать эшо! расскажите намъ, мапушка, что нибудь изъ эпова. — „Ты бы не могла бышь пронупа крайностию невѣрояшя. — Ахъ, нѣтъ! попому что все невѣрояшное уже забавляешъ меня. —

„Эшо

„Это все не то разположеніе, котораго я шебѣ для чтенія моей сказки желаю.“ — Ну, такѣ надобно будетѣ дожидаться. Но вы конечно, машушка, не говорили о шѣхѣ выраженіяхѣ, которыя пронули брата; пошому что вы нашли его замѣчанія слишкомѣ мѣлочными. — „Я принуждена была говорить о нихѣ вѣ доказательство, что эша мнимая картина міра есть полько вообразительная. Не должно ли доказать, что такіе Писатели не знали міра? И могу ли я эго сдѣлать лучше, какѣ доказавши, что они вовсе не знаютѣ его обычаевѣ?“, — Эшо справедливо: слѣдовательно вы вѣ эшой сказкѣ запретите намѣ читать всѣ такія книги? — „Нѣтъ; напрошивѣ шого я пишу ее для шого полько, чтобы вы нѣкоторыя изѣ нихѣ могли читать не полько безѣ опасности, но и сѣ пользою.“ — Какѣ, развѣ есть изѣ нихѣ и хорошія? — „Вы будете читать многія, вѣ которыхѣ находятся полько сказанные мною шеперь недоспатки. Впрочемѣ увидите вы вѣ нихѣ шрогательную чувствительность, хорошія правила, разумныя мысли, восхищающія картины и почти всегда острой, тонкой и натуральной разговорѣ. Какая жалость, что

Авторъ съ такимъ высокимъ достоинствомъ описалъ міръ только по такимъ твореніямъ, которыя онъ имѣлъ право болѣе другихъ презирать! Спрашиваясь только съ своимъ сердцемъ и разсудкомъ, подошелъ бы онъ гораздо ближе къ истинѣ.

Теперь поговоримъ о женѣ Г. Чванова и о Софіи, сказала Госпожа Добролюбова. Каковы онѣ вамъ показались? — „Жена Г. Чванова для меня любезна, а дочь ея кажется мнѣ очень мила.“ — Ты справедливо думаешь: онѣ вѣжливы, скромны, непришворны; а такими свойствами можно всякому и во всякой землѣ нравиться. — „Я разговаривала диконько съ Софією; она отвѣчала мнѣ съ такимъ снисхожденіемъ, съ такимъ ласковымъ видомъ что жѣ бы она была, еспли бы получила хорошее воспитаніе!“, — Но скажи мнѣ пожалуй, что называешь ты хорошимъ воспитаніемъ? — „Машушка да наше“, — Благодарствую за похвалу; но я не похвалы, а описанія отъ себя пребую. — „Хорошее воспитаніе состоить въ томъ, чтобы имѣть много знаній Софія, какъ она мнѣ сказывала, не знаетъ музыки, не умѣетъ рисовать и никогда танцовать не

не училась. „ — Помнишь ли ты Госпожу Худославою? — „Помню, сударыня; пшшушка не хощла ея къ себѣ пригласить на шощъ обѣдѣ, кошорой она для васѣ давала. „ — Такѣ шощо. Всѣ говорятѣ о ней очень худо: однакожь она поестѣ чрезвычайно, танцуешѣ хорошо, играешѣ на многихѣ инструментахѣ и имѣешѣ *много знаній*: слѣдовашельно, по швоему мнѣнiю, она совершенное воспитанiе получила. — „Нѣшѣ, нѣшѣ! пошому чшо она не честна. „ — И шакѣ ты чувствущешѣ шеперь, чшо блестящее и наружное шолько воспитанiе не естѣ воспитанiе хорошее? — „Конечно, машушка. „ — Не штысячу ли разѣ я вамѣ сказывала, чшобы не цѣнишь дорого шѣхѣ вещей, кошорья вѣ самомѣ дѣлѣ никакѣ не важны? Вѣ знанiяхѣ и дарованiяхѣ много средствѣ къ добру; чѣмѣ болѣе ихѣ имѣешѣ, шѣмѣ болѣе имѣешѣ прiятностей, ловкости и способовѣ нравиться другимѣ и бышь довольнымѣ самимѣ собою: но ловкость и прiятности безѣ добродѣтели могутѣ ли содѣлать насѣ шчастливыми? -- Конечно нѣшѣ, опшвѣчалѣ Пешрѣ: пошому чшо надобно бышь уважаему и любиму всѣми честными людьми, чшобы назвашѣя подлинно шчастливымѣ

Танцованіе, рисованіе и музыка, не могутъ сдѣлать насъ достойнѣе ни уваженія, ни любви. — „Слѣдовательно эпо — только суешныя пріятности, однако несравненно менѣе суешныя, нежели красота и наружныя прелести; ибо сверхъ великаго удовольствія, ими намъ доставляемаго, и пріобрѣтеніе ихъ стоить немалого труда. Почему и справедливо предполагаютъ, что молодой особѣ, имѣющей много знаній, надлежало бытъ послушною, прилѣжною и постоянною. Въ такомъ видѣ и шотъ достоинъ нѣкошораго уваженія, кто знаетъ хорошо музыку, умѣетъ рисовать и проч.“ — А науки, мапущка? — „Все то, что можетъ просвѣщать разумъ, разпространять мысли, должно приводить въ совершенство нашъ разумъ, и дѣлать насъ лучшими. Читаешь много, знаешь Географію и многіе языки, Геометрію и проч. всѣ такія познанія должны просвѣщать разумъ; слѣдовательно науки не суешны.“ — Конечно нѣтъ, потому что онѣ дѣлаютъ насъ почтеннѣйшими. По этому онѣ и гораздо выше шѣхъ знаній, которыя только что пріятны? — „Нѣтъ сомнѣнія; и передъ ними должно давать преимущество только качествамъ сердца.

Теперь скажите мнѣ, естли бы вы встрѣтились гдѣ нибудь съ молодою одо-бою безъ всякихъ знаній, незнающею никакого иностраннаго языка и правилъ наукъ, но любящею чтеніе и работу, нѣбывающею никогда праздною, впрочемъ скромною, честною, всегда учпивою, неприпворною и воздержною, недовѣряющею самой себѣ, но желающею и пребующею совѣповѣ и соединяющею благоразуміе и молчаливость съ откровенностію: отвѣтспвуй, Каперина, сказала ли бы пы, что эпа молодая особа не получила хорошаго воспитанія? — „Виновата, ма-пушка; ежели Софія, какъ я думаю, все эшо имѣетъ, то увѣрляю васъ, что воспитаніе ея почитаю хорошимъ.„ — Истинная цѣль, которую долженъ имѣть наставникъ, или главной предметъ, долженспвующій занимать его, есть шотъ, чшобы исправлять пороки своего воспитанника и нравъ его. Ежели сдѣлаетъ его добродѣтельнымъ и миролюбивымъ, то онъ исполнитъ благородную свою должность. — „Понимаю; но ежели бы воспитанникъ при добродѣтеляхъ своихъ могъ еще имѣть знанія и бытъ ученымъ, такъ бы воспитаніе было совершеннѣе: а эшо, кажется, очень возмо-

жно,, — Конечно; я ласкаюсь и надѣюсь, что вы будете нѣкогда тому доказательствомъ. Впрочемъ я могла бы наименовать вамъ многихъ молодыхъ особъ, которыя къ качествамъ сердца, къ разуму и наукамъ присоединяютъ въ себѣ и приличные знанія, не щипая *Дельфины*, *Эглантины* и любезной *Евгеніи*. — „Ахъ, машушка! я во всю жизнь свою не забуду эпова разговора. Я буду всегда помнить, что *уваженіе* надлежитъ имѣть только къ существеннымъ достоинствомъ; я уже не стану болѣе почитать блистательнаго воспитанія совершеннымъ; п. е. пакиммъ, которое дѣлаетъ достойнымъ и добродѣтельнымъ „ — Изъ всего эпова узнали вы еще то, что нѣжная мать во отдаленнѣйшемъ уѣздѣ, безъ достатка и безъ учителя, можетъ съ помощію разума дать своей дочери хорошее воспитаніе. Для эпова потребны ей только любовь, терпѣніе и небольшая хорошая библіотека.

Ввечеру послѣ сего разговора, Петрѣ и сестры его вздумали за ужиномъ на щепѣ Г. Чванова смѣяться. Госпожа Добролюбова сдѣлала имъ за то строгой выговоръ. Я думала, сказала она имъ, что вы опытомъ доказали довѣрен-

ренность свою ко мнѣ, а теперь вижу, что приписанное мною вашей нѣжности было дѣйствию одного вашего лукавства. — „Ахъ, мапушка!“, — Весьма натурально, да и нужно спрашиваться съ своею матерью, открывать ей свои мнѣнія и чувства, чтобы узнать, хорошо ли видишь и справедливо ли судишь. И такъ хорошо сказывать мнѣ откровенно, что вы думаете о приѣзжающихъ сюда людяхъ, лишь только бы замѣчанія ваши не слишкомъ были мѣлочны; но ежели скажутъ въ разговорѣ такое, что покажется вамъ противъ благоприсойности, то я вамъ всегда позволю сообщать мнѣ ваши замѣчанія. Эта вольность будетъ довѣренностию; но когда вы позволите себѣ и съ другими говорить такъ искренно, то это будетъ нескромность, или злословіе. — „Ахъ, мапушка! мы виноваты.“ — И очень виноваты. Злословіе, этогъ гнусной порокъ, въ дѣяхъ особливо страненъ, отвращителенъ и ненавистенъ. Не только въ ваши лѣта, но и въ восьмнадцатъ и дватцатъ лѣтъ, въ состояніи ли еще человекъ судить, рѣшить и осуждать? Въ такія лѣта не имѣютъ еще голоса въ обществѣ. Какъ можно найти общее уваженіе, ежели окажешься въпренымъ,

нымъ, нескромнымъ, или лукавымъ? Когда бывашь еще самъ не опытенъ, по имѣешь великую въ снизхожденіи другихъ нужду. А кто же будетъ таковъ въ разсужденіи молодой, неразсудительной и злой дѣвушки? Предавшись злословію, перяетъ она всѣ плѣняющія прелести ея лѣтъ, и доказываетъ, что не имѣешь ни понятія, ни разума, ни правилъ.

Сіе наставленіе произвело въ Петръ и его сестрахъ еще большее впечатлѣніе, какъ Гж. Добролюбова объявила, что сей проступокъ еще опдалаетъ *вечернія повѣсти*. — А на сколько же времени, мапушка? спросили дѣти съ сожалѣніемъ. — Теперь я спану трудиться надъ тою чудесною сказкою, копорую вамъ обѣщала. — „А до конца ея мы еще ничего не услышимъ?“, — Нѣтъ; повѣсти рассказывать начнемъ опять чрезъ двѣ недѣли. — „Ахъ какая долгая опсрочка!“, — Надобно жалѣть о причинѣ ея; вы знаете, что ропнаніе можетъ продлить наказаніе. — „Ахъ, мапушка! можно ли намъ ропсать? Мы чувствуемъ, что вы очень справедливы; а раскаяніе, насъ болѣе всего мучитъ.“, — Тутъ пролили дѣти нѣсколько слезъ,
но

но нѣжныя ласки любезной родительницы облегчили споль чувствительное наказаніе.

Между тѣмъ Госпожа Добролюбова принялась за обѣщанное сочиненіе, и 15 Юня объявила, что сказка ея окончана и переписана. Радость отъ того была несказанная, однако не мало и вздыхали, помня, что еще долго не услышатъ ее; но различныя увеселенія наиприятнѣйшаго времени года дѣлали сей недостатокъ сносно. Вишни начинали краснѣть, а въ рощахъ можно было уже брать землянику. Петръ перенималъ у Николая лазить по деревьямъ; часто принашивалъ онъ отшуда съ шоржесшвомъ гнѣзды съ пшеницами. Щаслива была та изъ его сестръ, которой сей даръ назначался. Какая была радость! какая благодарность! Но при семъ жалѣли о участи *общей матери*, лишенной своихъ дѣтей; однако гнѣзды оставляли у себя и покупали клѣпки. Занимались плетеніемъ проспниковыхъ корзинокъ, чтобы рвать въ нихъ всѣ полевые цвѣты и всѣ лѣсныя ягоды. Сіи различныя упражненія не мѣшали обработывать сада; жонкили и гвоздики заня-

ли мѣсто гіацинтовѣ. На сиренѣ не было цвѣтовѣ: но какѣ можно было жалѣть о томѣ! ибо распускались розы.

Вѣ одно утро, какѣ Госпожа Добролюбова прогуливалась съ Своемысловымѣ и своею семьею подлѣ дѣтскаго сада, Каперина попросила позволенія пойти по-смотреть своихѣ розановѣ. Она побѣжала туда, и нашла прекраснѣйшую изѣ своихѣ розѣ совсѣмѣ разпустившеюся. Она хочетѣ ее сорвать, чтобы опнести къ своей мамери; но нѣтъ съ ней ни ножика, ни ножницѣ. Корешекѣ толстѣ и покрытѣ длинным иглами, а у Каперины нѣтъ ни искусства ни силы. Вдругѣ вздумала она обернуть свою руку полою плащя своего; и думая, что тонкое и легкое полою защититѣ ее отѣ иголѣ, берется смѣло за корешекѣ. Но вдругѣ закричала изо всей силы, съ поспѣшностію выдернула окровавленные свои пальцы, и такѣ толкнула кустарникѣ, что половина листьевѣ съ прекрасной розы спала. Увидѣвши сіе, Каперина заплакала. Не смотря на свою боль, она все еще занимается любимымѣ кустарникомѣ; опасается, чтобы отѣ каплющей изѣ ея пальцевѣ крови не завялѣ цвѣтокѣ; опни-

мастѣ

маестъ свою руку, но находитъ нѣкоторое удовольствіе надъ осыпавшеюся розою проливать слезы.

Тутъ Гжа. Добролюбора, поблѣднѣвшая и препенущая, вбѣгаетъ въ садъ; Студентъ и дѣти вбѣжали за нею. Она услышала крикъ своей дочери. Каперина, увидя свою мать, заспыдилась и бросилась въ ея объятія. Разказавши все приключеніе, примолвила она: ахъ, мамушка! это была прекраснѣйшая изъ моихъ розъ, и я вамъ ее назначала. — „И такъ не излишняя нѣжность была причиною этого ужаснаго крика, коимъ меня испугалъ?“, — Мамушка! мнѣ кажется, что я не такъ громко закричала. — „А мнѣ кажется, что я отъ роду такого пронзительнаго вопля не слыхала.“ — Это отъ того, что вы узнали голосъ. — Ахъ, мамушка! вы еще насилу на ногахъ стоите; сядѣмте . . . — „Ну, слава Богу! я этимъ довольна: ты плакала только о своей розѣ, которую хотѣла отдать мнѣ; это заслуживаетъ похвалу.“ — Мамушка! — „Что, другъ мой? отъ чего у тебя такой безпокойной видъ?“, — Мамушка отъ того, что я нѣсколько и
отъ

опѣ бѣли поплакала. — За сіе искреннее признаніе Каперину нѣжно ласкали и хвалили. Будь искренна и люби правду, сказала Гж. Добролюбова. Не терпи никогда похвалы, основанной на заблужденіи. Низко и несправедливо пользоваться похвалою, не заслуживши ее. Великая душа довольна добромѣ, ею сдѣланнымѣ, а не похвалою, за него получаемою.

Правда, сказалѣ Своемысловѣ, что Каперина имѣетѣ опѣ природы такую опкровенность, которая очень похвальна. Желательно бы было, чтобы она была только помужественнѣе. По счастью, опвѣчала Каперина, это еще дѣвушка не очень нужно. Правда, продолжалѣ Своемысловѣ, что женщина, не имѣя силы мущины, не можетѣ имѣть и храбрости его. Да она и не на то сотворена, чтобы владѣть шпагою, или предводительствовать войсками. Почему и можетѣ, не безчести себя, не имѣть мужества. Однако ждали она слишком пруслива, но достойна сожалѣнія. Не пребываютѣ опѣ нея храбрости геройской, но не прощающѣ же ей и слабости. Сверхъ того, примолвила Гжа. Добролюбова, ждали пыла-

плачешь отъ шипа, то чтожь бы ты сдѣ-
 лала, когда бы у тебя вырывали зубъ?
 и какъ бы ты перенесла другія болѣзни,
 необходимыя почти въ жизни человѣче-
 ской, наприм. жестокою болью головную,
 колошье, судорогу? — „Мамушка! мнѣ
 бы очень хотѣлось бытъ мужеспвенною.“ —
 Это отъ тебя зависитъ. — „Какъ!“, —
 Подражай своему брату, научайся пер-
 пѣтъ безъ ропоса: вопѣ и вся пайна. —
 „Но это очень прудно.“ — Никакъ:
 съ нѣкоторымъ себѣ принужденіемъ, ты
 легко до эпова дойдешь. Жалунся, уве-
 личиваемъ мы сами свои спраданія; а
 принуждая себя о нихъ не говоритъ,
 забываемъ ихъ. На примѣрѣ, когда мы
 гуляли, тебѣ очень захотѣлось пить: ка-
 кую пользу принесло тебѣ, что ты спо-
 разъ повпоряла: *какъ мнѣ хочется пить!*
Боже мой, какъ мнѣ пить хочется! я *уми-
 рая отъ жажды!* Ты была очень скучна,
 всѣмъ намъ надоѣла, не брала никакого
 участія въ разговорѣ, и всѣ твои скуч-
 ныя жалобы ни капли воды тебѣ недо-
 спавили. — „Правда, что это дурная
 во мнѣ привычка; всего же болѣе меня без-
 покритъ, мамушка, то, что я вамъ
 наскучила. Естли бы я видѣла васъ спра-
 ждущую, то бы я не скуку чувспвовала.“ —

И мнимое и дѣйствительное спраданіе свое я съ побою раздѣляю, потому что я своя мать: слѣдовательно жалобы твои мнѣ и наскучили и огорчительны были. Но если бы ты была мнѣ дочь, то онѣ бы произвели во мнѣ къ тебѣ одно только презрѣніе; потому что о легкихъ болѣзняхъ сожалѣютъ только тогда, когда ихъ съ перпѣливостію переносятъ. — „Я обѣщаю вамъ, матушка, исправиться.“

Дней пять или шесть спустя, Катеринино наказаніе кончилось, и Гжа. Добролюбова, обѣщала прочесть ввечеру написанную ею сказку. Послѣ ужина съ поспѣшностію вышли въ залу, и Гж. Добролюбова, сѣвши подлѣ маленькаго сподлика, вынула изъ кармана пепрадь. Прежде нежели начну читать, сказала она, должна я вамъ напомнить, что обязалась рассказывать вамъ только чрезвычайныя вещи, но припомѣ возможные, которыя покажутся вамъ невѣроятными; но которыя, не смотря на то, или уже были, или быть могутъ; однимъ словомъ, такія явленія, которыхъ подлинное или прошедшее событіе совершенно доказано. Въ семъ сочиненіи выдумала я только приключенія, то есть,
одну

одну ту часть сказки, которая вѣроятною покажется. Но все то, что вамъ покажется чудеснымъ, все, что будетъ вамъ напоминать волшебныя сказки, съесточно истинно и естественнo. — „Какъ это хорошо! невѣроятная правда! это гораздо пріятнѣе такой правды, которая всякому понятна.“ — „Какъ, мамушка! надобно будетъ вѣрить тому, чего мы не будемъ понимать? — „Не спыдись эпова, другъ мой. Это обыкновенная участь какъ ребенка, такъ и человека разумнаго и любопытнаго. Познанія наши такъ ограничены, что не можемъ понимать всѣхъ шѣхъ истиннѣ, которыя уже доказаны. Весьма бы безразсудно, было вѣрить какому нибудь произшествію единственно для того, что оно чудесно; безразсудно бы также было утверждать, что такая-то вещь не можетъ существовать, потому что при первомъ взглядѣ кажется непонятною. Станемъ оспергаться, чтобы не принять за правду заблужденій; но не предадимся также и тому суешному высокомерію, которое съ презрѣніемъ и безъ разсмѣрнія отвергаетъ все то, чего слабой разсудокъ нашъ понять не можетъ.“ — Все чудесное въ вашей сказкѣ, мамушка, достаточнo

почно доказано; слѣдовашельно мы можемъ всему слѣпо вѣрить: этова только я и хочу. — „А мнѣ бы хотѣлось разумѣть: располкуете ли мнѣ все, машушка?“, — Я тебѣ изъясню то, что знаю, что есть весьма мало. Я не ученая; сверхъ того повторяю вамъ, что есть множество явленій, которыхъ и учинѣища люди изъяснить не могутъ. — „И такъ при каждомъ чудесномъ произшествіи, машушка, будете вы перерывать ваше чтеніе, чтобы дѣлать намъ изъясненіе?“, — Никакъ; вы сами чувствуете, что такія перерывки опіяли бы у моей сказки всю ея пріяшность. Я сдѣлала примѣчанія, которыя мы прочтемъ послѣ со вниманіемъ. Теперь готовы ли вы меня слушать? такъ я начну. — „Гоповы, гоповы, машушка!“, — Тутъ всѣ придвинули свои стулья къ Госпожѣ Добролюбовой, которая, взявши бумагу свою въ руки, начала читать вслухъ слѣдующую сказку.

II.

АЛЬФОНСЪ и ДАЛИНДА,

или

*Волшебство Искусства и Натуры, нраво-
учительная сказка.*

„Не только по обработаннымъ на-
„шимъ полямъ гуляя, или проходя всѣ
„земли, людьми населенныя, можно по-
„знать всѣ великія дѣйствія различности
„Натуры, но и проходя отъ горящихъ
„песковъ жаркаго пояса къ ледянымъ го-
„рамъ полюсовъ, и проч. „

Г. Бюфонъ.

Альфонсъ, Герой моей повѣсти, родился
въ Португалліи. Донъ Рамиръ, его
отецъ, обязанъ былъ одному случаю сво-
ими чинами и богашествомъ. Произшедши
изъ бѣдной фамиліи, но будучи рожденъ
съ гибкимъ нравомъ, хитростію и често-
любіемъ, умѣлъ онъ опредѣлиться ко
Двору, найши себѣ памъ единомышлен-
никовъ, усилилъ свою сторону и сдѣ-
лался любимцемъ своего Короля. Молодой
Альфонсъ былъ воспитанъ въ Лиссабонѣ,
въ великолѣпномъ домѣ своего отца. Бу-

дучи однороднымъ сыномъ сильнѣйшаго и богатѣйшаго человѣка въ государствѣ, былъ окруженъ подлою лестію съ самой еще колыбели и испорченъ въ дѣтствѣ своемъ. Донъ Рамиръ, заняшой великими предпріятіями и придворными хитросыями, не могъ быть и хорошимъ придворнымъ и бдительнымъ опцомъ, и принужденъ былъ поручить чужимъ рукамъ воспитаніе своего сына. Альфонса учили языкамъ, Исторіи, Географіи, Математикѣ, Музыкѣ и рисованію. Всѣ выхваляли удивительныя его дарованія и разумъ; однако Альфонсъ выучился только рисовать цвѣты и играть очень несовершенно на цитрѣ. Сего уже было довольно для прельщенія всѣхъ придворныхъ Дамъ; Альфонсъ же увѣрялъ ихъ сверхъ того, что онъ былъ глубокой Геометръ, изящной Физикъ и великой Химикъ. Онъ говорилъ се отъ добраго сердца. Его надзиратель, учителя, слуги и многочисленныя прислужники отца его, споль часто называли его чудомъ въ природѣ, что онъ уже болѣе въ томъ и не сомнѣвался. Онъ почивалъ себя не токмо по своимъ дарованіямъ, красотѣ и ученію первымъ молодымъ человѣкомъ при Дворѣ, но думалъ еще, что и знатность произхожденія

нія его не уступалъ ни въ чемъ великости его богатства; ибо со времени своего случая Донъ Рамиръ въ праздные часы сочинилъ пышную поколѣнную роспись, въ которой происхожденіе свое вывелъ изъ баснословныхъ временъ Лузовыхъ (*). Сей плодъ Донъ Рамировыхъ досуговъ ослаблялъ только его сына. Придворные и всѣ Дворяне не очень вѣрили *древнимъ предкамъ*, которыхъ только тогда находятъ, когда бывають въ случаѣ. Но Альфонсъ, будучи гордъ, легко повѣрилъ всему, и не почиталъ никого выше отца своего и себя, кромѣ Государа своего и Принцовъ Царскаго Дома. Впрочемъ Альфонсъ, упоенной щеславіемъ, исполненной невѣжества, надмѣнности и чванства, испорченной пышностію, лестью и случаемъ, не совсѣмъ былъ безъ достоинствъ. Онъ былъ храбръ, имѣлъ чувствительное сердце и разумъ. Пре-

Г 2

вращ-

(*) Португальцы назывались въ старину *Лузитанцами*; названіе, которое, по нѣкоторому баснословному преданію, получили они отъ *Луза*, или *Лизаса*, одного изъ своихъ Королей, сына или шоварища Вакхова.

врагнность, или непостоянство счастья гонявило ему наиболее полезное наставление,

Донъ Рамиръ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ хитрости: новая хитрость перемѣнила его судьбу. Онъ пришелъ въ немилость, и былъ лишенъ всѣхъ своихъ чиновъ. Альфонсу въ то время было семнадцать лѣтъ. Сіе превращеніе лишало Донъ Рамира не только того, что могло ласкать его гордость, но похищало у него припомъ и большую часть его богатства; а онъ былъ изъ числа тѣхъ низкихъ честолюбцевъ, которые жалуются и о почестяхъ и о жалованьи. Сверхъ того онъ былъ долженъ. Несчастье его сдѣлало его заимодавцевъ столько же безпокойными и докучливыми, сколько они до того были скромны и терпѣливы. Для удовольствованія ихъ надобно было продавать деревни, и продать ихъ гораздо дешевле того, чего онъ спойли. Наконецъ изъ всего своего имѣнія Донъ Рамиръ могъ только сберечь великолѣпной Лиссабонской замокъ. Правда, что въ семъ замкѣ были еще величайшія сокровища, состоящія въ картинахъ, мебелихъ, серебрѣ и наиболее въ дорогихъ камняхъ; но Донъ Рамиръ принужденъ былъ

былъ наконецъ распаться и съ симъ великолѣпнымъ жилищемъ, и ожидалъ только благополучнаго къ тому случая, какъ ужасное приключеніе увѣнчало всѣ его нещастія. Онъ еще не объявлялъ своему сыну, что обстоятельство его принуждали его продать свой домъ и удалиться въ провинцію. Наконецъ рѣшился онъ поговорить съ нимъ о своемъ состояніи, и въ одно утро велѣлъ его къ себѣ позвать для открытія ему своего сердца.

Когда они оспались одни, Донъ Рамиръ сказалъ: Альфонсъ! скажи мнѣ, какое дѣйствіе произвело въ тебѣ мое нещастіе и потерю моего богатства? — Батюшка! отвѣщивовалъ Альфонсъ: я во все время вашего случая слышалъ, что ни чье правленіе Минесперствомъ не было столь славно, какъ ваше; что народъ вамъ дивился и любилъ васъ: почему и думалъ, что любовь народа и слава должны васъ утѣшать въ несправедливомъ нещастіи. Сверхъ того у насъ было множество друзей. Какъ скоро вы захопите ихъ принимая, то они всѣ возвращаются; въ томъ не сомнѣвайтесь. Нугнесъ, Донъ Альваръ и многіе другіе, которыхъ я видѣлъ, мнѣ въ потѣ клялися; они даже

сказывали мнѣ, что многіе изъ нихъ показываютъ, будто бы они отъ васъ удалились для того только, чтобы вамъ лучше впайнѣ служить. Наконецъ у васъ остается еще великое богатство, знаменитѣйшее происхожденіе; что бы зависъ ни соплесала, но вы пребудете всегда первымъ Господиномъ въ государствѣ

... Ты обманываешься, Альфонсъ! перебилъ Донъ Рамиръ не уже ли ты не знаешь, что имя отца моего было вовсе не извѣстно? Нѣтъ, продолжалъ Альфонсъ, я это знаю; но знаю и то, что старья грамоты, которыя вы за нѣсколько лѣтъ передъ симъ отыскали, равняютъ насъ съ самыми знатыми людьми въ Португалліи: вы сами, бапюшка, изволили мнѣ это сказывать, показывая мѣ драгоцѣнныя грамоты, которыя лежатъ въ ящичкѣ въ кабинетѣ вашемъ. При сихъ словахъ Донъ Рамиръ вздохнулъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ по спранныму щеславію купилъ родословную, и только со времени нещасія своего почувствовалъ, сколько такой негодной обманъ презрительнъ и бесполезенъ. Наконецъ онъ увидѣлъ то, что ласкашество до тѣхъ поръ отъ него сокрывало, то есть, что кромѣ его сына,

сына, всѣ знали его произхожденіе, и смѣялися надъ его пустыми въ разсужденіи сего шребованіями. Онѣ бы весьма хотѣлъ отккрыть глаза Альфонсу; но не могъ рѣшиться сдѣлать ему въ споль низкой лжи признаніе. Въ семѣ спраданіи онѣ молчалъ, какъ вдругъ зашряся и увидѣлъ, что Альфонсѣ качается. Донѣ Рамиръ блѣднѣетъ и вспаешъ. Спасайтесь, бапюшка! закричалъ Альфонсѣ: облокопипесь на мою руку; пойдеше Проговоря сіи слова, онѣ сѣ поспѣшностію уводитъ своего опца. Въ самое шо время слышатъ они тысящу разныхъ голосовъ; они бросающа кѣ лѣстницѣ; часть полу отккрывается подѣ ногами Альфонсовыми; чшобъ и опца не уронитъ сѣ собою, оставляетъ онѣ его руку, и упадая сѣ обломками обрушившейся стѣны, исчезаетъ изъ глазъ испуленного Донѣ Рамира.

Альфонсѣ, легко ушибшійся, вспаешъ и видитъ себя въ первомъ жильѣ и въ кабинетѣ своего опца. Среди окружающахъ его развалинѣ представляются глазамъ его два ящичка: въ одномѣ лежали всѣ драгоцѣнные опца его каменья; а въ другомѣ родословныя, котора нѣкогда Донѣ Рамиръ весьма ува-

жалѣ. Альфонсѣ не задумывается; желая по крайней мѣрѣ въ семѣ ужасномѣ приключеніи спасти по, что кажется ему драгоценнѣйшимѣ: хватаетѣ онѣ пошѣ ящикѣ, въ кошоромѣ находяпся бумаги. Тогда бросаетѣ къ дверямѣ, входитѣ въ садѣ; но безпокоясь обѣ участи своего отца, хотѣль онѣ съ опасностію своей жизни войти опять въ домѣ, какѣ услышалѣ его голосѣ, и минушу спустя, увидѣль его на другомѣ концѣ сада. Не безѣ труда дошелѣ онѣ до него. Земля, по кошорой онѣ шелѣ, подобно волнуемоуся морю, по опускалася, по въздымалася подѣ его ногами. Слухѣ его пораженѣ подземнымѣ шумомѣ, подобнымѣ реву кипящихѣ валовѣ, ударяющихѣ о камни. Альфонсѣ шатаетѣся, падаетѣся, встаетѣся, падаетѣся опять, и не могши удержатѣся на ногахѣ, ползаетѣся, капаетѣся и съ усиліемѣ тащитѣся. Онѣ видитѣся со всѣхѣ сторонѣ землю разверзающуюся и дѣлающую длинныя борозды, изѣ коихѣ быстро вылетаютѣ блистающіе огни и тонкій пламень, подымающіеся на въздухѣ и исчезающіе. Небо мрачно; блѣдныя молнія пронизаютѣ черныя тучи, его покрывающія; громѣ гремитѣся, разрываетѣся. Альфонсѣ видитѣся грозную молнію надѣ

надъ головою, а отверзтый адъ подъ ногами. Часто думая уже дойти до отца своего, былъ новымъ потрясеніемъ отъ него удаляемъ. Лице его покрыто потомъ, волосы же и платье пескомъ и пылью. Но и въ семъ ужасномъ состояніи онъ все еще не покидаетъ дражайшаго своего ящичка; онъ представляетъ себѣ, что Донъ Рамиръ съ воспоргомъ его приметъ. Сія мысль поддерживаеиъ его бодрость и силы. Наконецъ уже онъ только въ двухъ шагахъ отъ отца своего, простирающаго къ нему свои руки. Родитель мой! восклицаетъ Альфонсъ: посмотри на ящикъ! --- Это мои каменья? перерываетъ съ поспѣшностію Донъ Рамиръ. Нѣтъ, нѣтъ! ошепталъ Альфонсъ: я умѣлъ выбратьъ лучшее: я спасъ ваши грамоты.

При сихъ словахъ изумленной Донъ Рамиръ возводитъ глаза на небо. Я жестоко наказанъ, сказалъ онъ, за мое странное щеславіе. Болѣе сего не могъ онъ ничего выговорить; слезы лилися у него изъ глазъ ручьями. Альфонсъ, будучи столько занятъ и встревоженъ, что не могъ понять смысла сихъ словъ, остаеиъся въ своемъ заблужденіи, и подошедши ближе къ Донъ Рамиру, повергася въ его объятія Минутная

пищина позволила имъ разсмотрѣть печальные предметы, ихъ окружавшіе. Они сидѣли напрошивъ пола разрушеннаго своего замка. Сей великолѣпной замокъ, не болѣе еще десяти лѣтъ существовавшій; сей новой замокъ, столько блестящій за день передъ симъ, есть ничто иное, какъ развалина! При видѣ сихъ повалившихся кровель, сихъ раздробленныхъ пиласпровъ и колоннъ, подумали бы, что одно время было въ состояніи произвести столь великую перемѣну; кажется, что для разрушенія столь великолѣпнаго и столь швердаго строенія надобны были вѣки, а вмѣсто того сіе ужасное разрушеніе есть дѣло нѣсколькихъ минушъ! Сей садъ, превосходное произведеніе искусства и Природы, представляетъ теперь только спранный изображеніе безпорядка. Оспалась только безобразная куча песку, грязи и изсохшихъ листьевъ. Нынѣшнимъ еще упрямъ удивлялись здѣсь прекрасному водопаду, но его уже нѣтъ! На мѣстѣ сей искусствомъ произведенной горы, стоившей несмѣтной суммы, видна теперь только ужасная бездна. Куда дѣвались сіи лимонныя рощи, сіи мраморныя статуи, сіи алебастровыя и порфирныя вазы? Видны только нѣкоп-

рые

рые ихъ признаки, нѣкоторыя раздробленные опломки; все прочее поглощено.

Донъ Рамиръ съ ужасомъ вокругъ осматривается. Онъ сидитъ подлѣ небольшой рощицы, которую видѣлъ возрасшающую, и которой изъ корня вырванныя деревья разбросаны, погребены, или лежатъ въ грязи; сіи деревья, долженствовавшія пережить насадившую ихъ руку, но теперь вырванныя изъ нѣдръ земли съ такою же скоростію, какъ и зеленые ковры и пріятныя цвѣты, росшіе подлѣ ихъ покровомъ!... О ужасной день! воскликнулъ съ горестію Донъ Рамиръ: сколько потеряно трудовъ! сколько сокровищъ погребено въ печальныхъ сихъ мѣстахъ! Ахъ! для чего не употребилъ я на лучшее тѣхъ денегъ, которыхъ стоилъ мнѣ сей проклятой замокъ! Но землетрясеніе (*), кажется, упихаетъ; попробуемъ

(*) Въ 1755 году было въ Лиссабонѣ ужасное землетрясеніе; многіе дома сгорѣли отъ выходящаго изъ земли огня: довольно обыкновенное при землетрясеніяхъ явленіе, которое уже видѣли при землетрясеніи въ Ремиремоншѣ на Мозеллѣ, верстахъ

буемъ войши въ домъ. Есльлибъ я могъ
спасши хоща одни каменя! Лишь
шолько онъ сіи слова проговорилъ, какъ
спра-

спрахъ въ дваццати отъ Пломбьеръ, въ
1682 году. Спранно было при томъ
шо, что удары чувспвуемы были шолько
ночью, а не днемъ. Они сопровождаемы
были подземнымъ шумомъ, походившимъ
на громъ, и изъ земли видѣнъ былъ
изходящій огонь. Въ Америкѣ слишкомъ
по году продолжались землетрясенія,
при которыхъ чувспвуемо было еже-
дневно нѣсколько весьма сильныхъ уда-
ровъ. Во время владѣнія Тиверія при-
нащцать знашнихъ Азіатскихъ городовъ
были вовсе истреблены землетрясеніемъ.
Славный городъ Антіохія претерпѣлъ шу
же учась во 115 году. Консулъ Пе-
донъ въ немъ погибъ, а Императоръ
Траянъ, въ то время тамъ находившійся,
съ великою нуждою спасся.

Въ 742 году было всеобщее земле-
трясеніе въ Египтѣ и во всемъ Воспокѣ;
шесть сотъ городовъ были въ одну ночь
низпровергнушы. Южныя провинціи, гра-
ничація съ Пиринейскими горами, пре-
терпѣвали шакже иногда сильныя земле-
трясенія. Въ 1660 году вся земля, на-
ходящаяся между Вурдо и Нарбономъ,
была

страшной ударѣ вдругѣ повергнулъ его на землю. Въ сіе время спѣны сада со всѣхъ сторонѣ обрушаются, замокъ погружается и исчезаетъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ споялъ, подымается трубою черная

была опустошена землетрясеніемъ; между прочимъ поглотило оно одну Вигорскую гору, и поставило на ея мѣсто озеро. Чрезъ сіе произшествіе множество горичихъ ключей просыхло и потеряло свои дѣлишельныя свойства. Во время землетрясеній, въ 1755 году случившихся, сія часть Франціи болѣе всѣхъ чувствовала удары.

Лима, сподичной городѣ Перу, копорой отъ гавани пихаго моря Коллао только на десять верстѣ отстоитъ, по претерпѣніи въ разныя времена землетрясеній, наконецъ былъ вовсе разрушенъ вмѣстѣ съ Коллао, въ 1746 году. Море покрыло водами всѣ зданія въ Коллао, и попопило всѣхъ жителей: осталась въ немъ только одна башня. Изъ 25 кораблей, въ сей гавани въ то время находившихся, четыре были занесены верстѣ за пять на матерую землю; остальные же всѣ были поглощены моремъ.

О причинѣ землетрясеній писали мы въ V Часпи Дѣйскаго Чтенія, стр. 37.

ная шуча пыли и дыму. Въ по самое время Донъ Рамиръ усматриваетъ толпу мощенниковъ, съ зажженными факелами бѣгущихъ къ развалинамъ замка, съ шѣмъ намѣреніемъ, чобы шамъ грабиль (*). Альфонсъ хочетъ бросилься на сихъ испупленныхъ разбойниковъ, но опецъ его оспанавливаель, и прижимая его къ груди своей, шоконъ слезъ его окропляетъ. . . . О сынъ мой! сказалъ Донъ Рамиръ: удалимся отъ сего ужаснаго мѣста. Сій обрушившійся стѣны способствуютъ нашему спасенію; мы теперь близъ береговъ Тага: пойдемъ искашь убѣжища на судахъ.

Аль-

(*) И въ самомъ дѣлѣ, большая часть города Лиссабоны истреблена была зажигальщиками, которые среди сего ужаснаго нещасія въ пепелъ превращали дома, чобы шѣмъ удобнѣе грабиль. Нещасные жители Лиссабонскіе, будучи жертвами сего неслыханнаго злодѣйства, нашли утѣшеніе въ челоуѣколюбіи великодушнаго народа. Англичане, услышавши о семъ спрашномъ приключеніи, послали имъ немедленно все нужное благодѣаніе, которое спойло имъ 6 милліоновъ, но которое даровало имъ новыя права на всеобщее почшеніе!

Альфонсѣ, поддерживая отца своего, и не выпуская изъ рукъ своего ящика, выходилъ изъ саду, и видилъ себя на площади, около коей всѣ дома низпровергнуты и сожжены огнемъ всеобщаго пожара. Прешерпѣвши тысячу опасностей, Донъ Рамиръ и Альфонсѣ вошли наконецъ на корабль, управляемой храбрымъ и великодушнымъ Фернандесомъ; шѣмъ Фернандесомъ, кошорой имѣлѣ нѣкогда причину негодовать на Донъ Рамира, но кошорой въ сей общей напаси въ спаромѣ непріятелѣ видилъ шокмо несчастнаго человѣка, имѣющаго нужду въ его помощи. Онѣ принимаетъ Донъ Рамира, обнимаетъ его и упѣшаетъ; пошому что состраданіе великихъ душъ столь пріятно и нѣжно, что услаждаетъ жесточайшія горести. Между шѣмъ Фернандесѣ не приноситъ ни одной жалобы на собственное свое состояніе. Донъ Рамиръ спрашиваетъ его: вы владѣли великимъ имѣніемъ: сіе несчастное приключеніе не разстроило ли его? — „Лиссабонской мой Домъ сгорѣлѣ.“ — Велика ли сія утрата? — „Нѣтъ; домъ мой былъ малъ и простъ.“ — А спасены ли ваши каменья и дорогія вещи? — „У меня ихъ не было.“ — Былѣ ли у васъ садъ? —

„Ещеъ;“

„Есть, но въ опдаденной ошѣ Диссабонѣ провинціи, въ кошорой я провожу половину моей жизни въ Алешео (*), — Я слышалъ объ ней. Дай Боже, чшобы землетрясеніе не разорило сей провинціи! Хорошѣ ли вашѣ замокъ? — „Нѣшѣ; но онѣ покоенѣ, — Нѣшѣ ли у васѣ шамѣ какихѣ нибудѣ выгодныхѣ заведеній? — „Есть, приносящія удовольствіе., — Какого роду? — „Фабрика и больница., — Я чаю, чшо фабрика вамѣ много приноситѣ? — „Довольно; пошому чшо около нее пишаются множество работниковѣ, и она же плашитѣ большую часть издержекѣ больницы., — Видно вы хорошо употребляете ваше богатство; Небо да сохранитѣ его вамѣ! Ахѣ! сѣ такою-шо благошворительною душею наиболѣе ужасно разориться, и видѣшь себя принужденнымѣ покидать славныя заведенія! — „Тогда можно упѣшаться воспоминаніемѣ сдѣланнаго добра., — Сіи послѣднія слова заставили тяжело вздохнуть Донѣ Рамира. Онѣ горько оплакивалѣ пустос употребленіе своего богатства. Глаза его наконецѣ

ош-

(*) Провинція между Тагомѣ и Гвадіаною; главной ея городѣ есть Эвора.

открывались, но слишком уже поздно для его спокойствия и славы.

Донъ Рамиръ, будучи разоренъ совершенно, получилъ отъ своего Государя, по предстательству Фернандесову, весьма посредственное жалованье, копорымъ одна-кожь жить могъ. Онъ рѣшился удалиться въ провинцію и поселился въ Бейръ (*). Онъ поѣхалъ съ сыномъ своимъ, и избралъ для жизни своей сельское уединеніе на пріятныхъ берегахъ Мондего. Тамъ, мучимый горькимъ раскаяніемъ, не могъ онъ найти искомаго спокойствія.

Альфонсъ, исполненной чesнлюбія, [ибо несчастіе не уменьшило ни высоко-мѣрія, ни гордости его] утѣшался въ бѣдности своей надеждою достигнуть со временемъ гораздо большаго и пвердѣ-шаго щастія, нежели каково было щастіе его отца. Онъ занимался множествомъ пустыхъ предпріятій, не могши чувство-вать безумія ихъ по своему невѣжеству и тщеславію. Будучи неспособенъ раз-мышлять и заниматьсь полезными и раз-умными упражненіями, проводилъ онъ значную часть своего времени въ чтеніи

Часть XI. Но. 31. Д ро-

(*) Гдѣ Коимбра столичной городъ.

романовъ. Сіе суешное и опасное чпеніе воспаляло его воображеніе и вселяло въ него сумья ложныя понятія о мірѣ и людяхъ. Недалеко отъ ихъ уединенія находился *источникъ любви*, названіе, полученное имъ отъ двухъ несчастныхъ любовниковъ, коихъ безразсудная спрасъ часто на берега онаго приводила. Тутъ-то Донъ Педро и прекрасная и нѣжная Инеса разговаривали часто о пайной своей склонности (*). Два старыя пальмовыя дерева осѣняютъ сей ключъ; деревья сіи соединены цвѣтною цѣпью виноградныхъ листьевъ и плюща. Вода, біющая изъ величественной каменной горы, падаетъ каскадою и составляетъ широкую рѣку, шихо текущую по каменистымъ мѣстамъ среди всегда зеленѣющихъ луговъ, мирсовыхъ, лимонныхъ и розовыхъ кустовъ.

Аль-

(*) Таково въ самомъ дѣлѣ преданіе. Сей ключъ еще и нынѣ существуетъ въ Португалліи, подлѣ Мондего, подъ названіемъ *ключа любви* Камоенсъ, въ прекрасной своей поэмѣ Луизіадѣ, производитъ сей ключъ отъ слезъ, копорыя смерть Инесина извлекла изъ глазъ Нимфѣ рѣки Мондего.

АльфонсѢ ходилѢ часто чинать, или размышлять въ сіе пріятное мѣсто. Въ одно утро шелѢ онѢ шуда позже обыкновеннаго, и подходя къ ключу, услышалѢ двухѢ человекѢ, разговаривающихѢ между собою на иносстранномѢ языкѢ. АльфонсѢ слышишѢ голосѢ неописанной пріятности, копорой возбуждаешѢ все его любопытство. ОнѢ прячется, будучи въ великомѢ движеніи, за миршовой кустѢ, раздѣляетѢ вѣтви его, и не будучи видимѢ, усматриваетѢ предметѢ, достойнѣйшій привлечь вниманіе и взоры. На берегу ручья сидѢла молодая, едва ли пятнадцати-лѣтняя дѣвица, красота совершенной, подлѢ одного мужчины, копорой по видимому былѢ ея отецѢ. Она слушала со вниманіемѢ говорящаго незнакомца. Видно было, что онѢ ей рассказываетѢ что нибудь важное; онѢ указываетѢ на пальмовыя деревья и на ручей. По движеніямѢ его АльфонсѢ заключилѢ, что онѢ рассказываетѢ приключеніе несчастной Инесы. Молодая же особа, устремивши на незнакомца взорѢ свой, хранишѢ глубокое молчаніе; но по чертамѢ лица ея не трудно было отгадать, что ей сказываютѢ. Любопытство, страхѢ и сожалѣніе попеременно начер-

паваюцца вѣ ея взрахѣ, и сѣ такою си-
 лою; чшо Альфонсѣ самѣ думаетѣ разу-
 мѣль по повѣспованіе, которое она слу-
 шаетѣ. Вскорѣ по помѣ видитѣ онѣ пе-
 куція ея слезы и оплакиваетѣ вмѣстѣ
 сѣ нею смерть Инесы. Послѣ шого слезы
 молодой особы вдругѣ оспанавливаюцца;
 она блѣднѣетѣ; страхѣ и негодование за-
 нимающѣ мѣсто чувствительности. Аль-
 фонсѣ пренещетѣ подобно ей, и ненави-
 дитѣ ужасной поступокѣ; до котораго
 спрасѣ и мщеніе довели несчастнаго
 Донѣ Педрѣ: Повѣспѣ Инесы кончилась;
 однакѣ незнакомецѣ говоритѣ продол-
 жаетѣ: конечно разсуждаетѣ онѣ обѣ опа-
 сности спрасей и о пагубномѣ неблаго-
 разуміи юнаго сердца; которое безѣ со-
 гласія своихѣ родителей осмѣливаетѣ дѣ-
 лѣть выборѣ и располагатѣ само собою.
 Прекрасная иностранка повергается вѣ
 объятія незнакомца со знаками живѣйшей
 чувствительности. Послѣ шого обраця
 орошенные слезами глаза свои кѣ ручью,
 бывшему нѣкогда свидѣтелемѣ нескром-
 ныхѣ клятвѣ любви; она въздыхаетѣ, и
 бросясь на колѣни, подымаетѣ кѣ небу
 прекрасныя свои руки. Кажетѣся, будшо
 она обѣцаетѣ вѣчное послушаніе винов-
 нику своихѣ дней: вѣ семѣ положеніи
 кра-

красота ея уподоблялася красотѣ Ангельской.

Альфонсѣ не можеть болѣе удержашь воспорга своего; сильное восклицаніе вырывается. Но вѣ по же время опасаяся, чшобы его не увидѣли, сѣ поспѣшностію отѣ куста удаляется. Будучи наполненѣ шѣмѣ, что видѣлѣ, идетѣ онѣ на удачу по первой представившейся ему шроцѣ. Но скоро вышедши изѣ своей задумчивости, онѣ возвращается кѣ ключу; однако не находить уже шутѣ прекрасной незнакомки. Альфонсѣ сѣ печалію разсмаприваетѣ по мѣсто, на которомѣ она сидѣла; онѣ воображаетѣ ее лежащую у ногѣ родиспелевыхѣ; ему кажется, что онѣ еще видить ее: однакожѣ мечта сія не мѣшаетѣ ему чувствовашь живо ея опшсупствія. Сердце его бѣется скоро, глаза полны слезѣ. . . . Онѣ былѣ погруженѣ вѣ глубокомѣ размышленіи, какѣ вдругѣ услышалѣ вопль, во внутренности его сердца опшозвавшійся. Онѣ бѣжитѣ, лежитѣ; какой же предметѣ поражаетѣ его взоры! Онѣ видить прекрасную незнакомку одну, блѣдну, разшрепанну, бѣгущую отѣ разѣяреннаго вола, за нею гонящагося. Альфонсѣ бросается кѣ

Д 3

ней,

ней, схватываетъ ее въ свои объятія, и уноситъ ее въ самое то время, когда она отъ ужаснаго страха упала шагахъ въ десяти отъ вола. Альфонсъ, имѣя на рукахъ столь драгоцѣнное бремя, опворачивается проворно съ дороги бѣшеннаго звѣря и относитъ незнакомку, пришедшую въ безпамятство, на возвышенной пригорокъ позади пальмовыхъ деревьевъ, источникъ осѣняющихъ. Тогда видитъ онъ отца молодой незнакомки. Онъ бѣжитъ внѣ себя, и видя дочь свою въ безопасности, благословляетъ Небо и ся избавителя. Онъ бросается къ ключу. Въ сіе время волъ поворачивается, и спремится на незнакомца. Сей не имѣетъ времени убѣжать отъ него на возвышеніе. Напрасно Альфонсъ, одною рукою держащій незнакомку, все еще въ безпамятствѣ лежащую, подаетъ ему другую: незнакомецъ кричитъ ему по Португальски, чтобы онъ не покидалъ его дочери на семъ крутомъ холмѣ, а самъ прячется за толстѣйшія деревья. Волъ хочетъ пройти между деревьевъ, но проходъ тѣсенъ: онъ кидается въ него, но голова его и рога запутались въ плющъ; деревья крѣпко сжали его: онъ упадаетъ. Симъ временемъ незнакомецъ пользуется; онъ

онъ вынимаетъ изъ кармана гошовальню, открываетъ ее, вынимаетъ иглоку и втыкаетъ ее воу вѣ спину. Какъ же велико было Альфонсово изумленіе! воу спрашно реветъ, силился испать, качается, падаетъ, барахтается, лишается всѣхъ силъ, умираетъ. —

„Ну, ужъ это-то не возможно! вскричали всѣ дѣпи вдругъ. --- Очень возможно, опвѣчала Госпожа Добролюбова. — Какъ, мапушка! заколоу воу иглоу? сказала Елисавета. — „Это очень возможно.„ — Судите же шеперь, перервала Катерина: имѣла ли я причину плакату, какъ уколалась розовою иглоу? — „Эта игла была не такъ опасна, какъ игла моего незнакомца.„ — Длинна ли была она, мапушка? — „Она была гораздо короче большихъ булавокъ, копорыми приколоша моя шляпа.„ — Это невѣрочно. И мы найдемъ вѣ вашихъ примѣчаніяхъ исполкованіе этому чуду? — „Конечно.„ — Какъ это удивительно! — „Вы услышите еще тысячу удивительнѣйшихъ вещей.„ — Какая же прекрасная повѣсть! извольте, мапушка, продолжатъ ее; мы васъ болѣе перебивать не спанемъ.

Альфонсѣ сполько же былѣ удивленѣ
 внезапною смертію вола, какѣ и вы,
 Удивленіе сдѣлало его неподвижнымѣ.
 Между шѣмѣ незнакомецѣ взошелѣ на
 холмѣ и взялѣ на руки дочь свою вѣ то
 время, когда она, приходя вѣ чувство,
 открывала глаза. Альфонсѣ бралѣ живѣй-
 шее участіе вѣ чувствительной радости
 отца и дочери. Не знаяши Португаль-
 скаго языка, не могла она словами благо-
 дарить Альфонса; но кратко рассказала
 своему отцу, отѣ какой опасности была
 имѣ избавлена. Незнакомецѣ изъясилѣ
 чувствительнѣйшую благодарность велико-
 душному избавителю дражайшей его Да-
 линды (такѣ называлась молодая особа).
 Между шѣмѣ, какѣ онѣ говорилѣ, Да-
 линда взглянула на Альфонса, и взорѣ
 ея изъясилѣ болѣе всего того, что гово-
 рилѣ отецѣ, Для продолженія такого
 пріятнаго явленія, пронупой и восхищен-
 ной Альфонсѣ дѣлалѣ вѣ замѣшательствѣ
 нѣсколько вопросовѣ незнакомцу. Онѣ
 спросилѣ его, какѣ разлучилсѣ онѣ сѣ
 своею дочерью? Незнакомецѣ отвѣтство-
 валѣ, что онѣ рвалѣ шравы; что Да-
 линда, шѣмѣ же занимаясь, нѣсколько
 отѣ него отдалилась, не уходя однакожѣ
 у него изѣ виду; что поднявѣ нечаянно
 голову,

голову, увидѣлъ ея бѣгущую съ невѣроятною скоростію, и далѣе, нежели въ шести стахъ шагахъ отъ него; что въ самое по же время увидѣвши спремящагося издали вола, кинулся за нею; но что споткнувшись упалъ; и что сіе несчастіе помѣшало ему догнать Далинду. Когда незнакомецъ окончилъ свою рѣчь, Альфонсъ спросилъ, долго ли онъ думаетъ пробыть въ Португалліи? Нѣтъ, отвѣтствовалъ незнакомецъ: мы ѣдемъ немедленно въ Гишпанію, которую желаемъ подробно осмотрѣть. При сихъ словахъ окаменѣвшій Альфонсъ опускаетъ глаза и молчитъ. Незнакомецъ же снова поблагодаря его встаетъ, прощается съ нимъ и уходитъ съ Далиндою,

Альфонсъ пребываетъ нѣсколько минутъ неподвиженъ. Пришедши послѣ того въ себя, стремительно бѣжитъ отъ ключа; онъ хочетъ опять найти знакомаго; сдѣлавъ ему тысящу вопросовъ, а особливо узнать о его имени, опечесѣвъ, не понимая, какъ онъ могъ его упустить, не поблагодаривъ отъ него столь нужныхъ свѣденій. Онъ ходитъ, бѣгаетъ какъ сумасшедшій; но всѣ исканія его тщетны. Въ усталости и отчаяніи возвращается

наконецъ къ ключу. Подходя къ нему, усмаприваетъ нѣчто блестящее; подхо-
дитъ ближе, и видитъ широкую голубую
ленту, широкую золотомъ: сердце его
преисцещетъ, узнавши Далиндинъ поясъ.
Въ семь-то самомъ мѣсцѣ испуганная
Далинда безъ чувствъ упала, и шуръ-то
Альфонсъ взявши ее на руки, снялъ съ
нее ленту. Разпроганной Альфонсъ по-
дымаетъ съ восхищеніемъ и почпеніемъ
сію шоль драгоцѣнную въ его глазахъ
ленту. Поясъ Далинды есть поясъ пре-
лестней и невинности. Воздыхая, клянется
онъ хранишь навсегда сей драгоцѣнный
залогъ, копорымъ онъ обязанъ случаю.
Между шѣмъ часы проходятъ; Альфонсъ
не можетъ опойши отъ колодца; и ночь
конечно бы заспала его погруженнаго въ
размышленіи, естли бы Донъ Рамиръ
самъ не пришелъ за нимъ.

Донъ Рамиръ не самъ воспитывалъ
сына своего, не искалъ его довѣренности,
и не имѣлъ ее. Альфонсъ не сказалъ ему
ничего о своемъ приключеніи, но скрылъ
отъ него свое безпокойство и смущеніе.
Предавшись романическимъ мыслямъ, пре-
льщавшимъ его воображеніе, имѣлъ онъ
шолько шо удовольствіе, чшобы прово-
ждать

ждашь цѣлые часы у источника, при копоромъ Далинда предспала его взору. Тутъ все напоминаетъ ему любезной предметъ, хотя разсудку и надлежало бы его выгонять изъ памяти его. Далинда, лежащая у ногъ родитселя своего, приходитъ ему на память. Успремивши мысль свою на сію прекрасную картину, любуется онъ всѣми прелестями невинности и добродѣтели. Близъ сей рощицы Далинда была обязана ему жизнію; на семъ пригоркѣ открыла она глаза, встала на Альфонса. Далинда сидѣла подъ тѣнію сихъ пальмовыхъ деревъ; сія чистая вода изображала ея образъ. Альфонсъ тщетно терзается на опасныхъ брегахъ сего пагубнаго источника. Какъ описываетъ намъ баснословіе несчастнаго Нарцисса, слабую жертву безразсуднаго любви: такъ Альфонсъ блѣденъ и унылъ, усремляетъ орошенные слезами глаза на *источникъ любви*. Эхо сего уединеннаго мѣста, копорое нѣкогда споль часто повпоряло имя Инесино, нынѣ только Далиндино повпоряетъ; любимое сіе имя начертано на всѣхъ деревьяхъ, на самыхъ сихъ же пальмахъ, нѣкогда покрытыхъ именами Инесы. Альфонсъ играетъ на своей цитрѣ пѣсни, сочиненныя для Далинды,

динды, и вырѣзываетъ на камняхъ стихи, внушенныя любовію и горестію. Всѣ такія романическія дурачества сильно занимали его нѣсколько дней; но какъ склонности и увеселенія, неодобряемыя разсудкомъ, не могутъ быть долговременны, то скоро воображеніе его проспыло, скука и отвращеніе заступили мѣсто восторга; пѣніе и жалобы прекратились; эхо источника онѣмѣло, и деревья, спруи и зелень, потеряли силу внушать ему пѣсни, стихи и мечты.

Донъ Рамиръ, пораженной переменною, которую усматривалъ въ его чертахъ и нравѣ, спрашивалъ его о томъ. Альфонсъ признался, что былъ снѣдаемъ поскою, и помня, что незнакомецъ хотѣлъ пробыть въ Гишпаніи долгое время, примолвилъ, что горитъ желаніемъ путешествовать и видѣть Гишпанію. Донъ Рамиръ, не могшій по свойствамъ своимъ любить уединеніе, съ радостію принялъ сіе предложеніе, и дни два спустя, отправились они въ Гишпанію. Они проѣхали сперва всю провинцію Тралосмонсесъ, а отсюда вѣѣхали въ Гишпанію черезъ Галлицію; послѣ чего проѣхали сквозь всю сѣверную часть Гишпаніи, Астуріи, Бискаіи, Наварры, Аррагоніи, и пріѣхали въ Капалонію

лонію (*). Съ шѣхъ поръ, какъ Альфонсъ пріѣхалъ въ Гишпанію, спрасьтъ его къ Далиндѣ снова возгорѣлась. Желаніе и надежда найши ея, оживляли чувствованіе, однимъ воспаленнымъ воображеніемъ произведенное. Альфонсъ былъ въ крайнемъ неперпѣннѣ увидѣшь Мадридъ, думая,
 чпо

(*) Въ одномъ полезномъ и пріятномъ Англійскомъ сочиненіи помѣщенъ любопытной и малоизвѣстной анекдотъ, касающійся до Капалоніи. По многихъ перемѣнахъ; иѣкпо; именованъ *Вильфредъ Косматой*, выпросилъ для себя и своихъ наслѣдниковъ правленіе Капалоніи. Сей Вильфредъ, опасно раненной въ сраженіи съ Нормандцами, былъ посѣщенъ Императоромъ, которой омочивъ свой палецъ въ крови, текущей изъ его раны, провелъ четыре черты по золотому щипу Вильфреда, проговоря при томъ: *Графъ! да зудеть сіе отнынѣ твоимъ гербомъ*. Съ сего времени четыре красныя черты въ золотомъ полѣ сдѣлались гербомъ Капалоніи, а въ послѣдствіи и Аррагоніи, когда Раймундъ V сочетался съ Пётрониліею, наслѣдницею Раміера II, Короля Аррагонскаго.

Travels through Spain in the years, 1775. and 1776, by Henry Swinburn esq. Ул vol. in 4.

что онъ непременно встрѣпшся съ Далиндою въ столицѣ Гишпаніи. Но Донъ Рамиръ хощьль побыть въ Капалоніи: онъ любопытствоваль видѣть славной Моншь-Серрашь. Сія изъ спремниспыхъ камней составленная гора споль высока, что когда взойдешъ на ея вершину, по всѣ прочія окружающія ея горы, кажешся, опускающся, и являющся почти наровнѣ съ доломъ, представляющъ пространнѣйшій и величественнѣйшій видъ (*). „При „подошвѣ одного каменнаго утеса въ семъ „уединеніи видѣнъ древній монастырь (**); „но лучшая часть горы есть степь. „Тутъ разбѣяно множество пустынекъ, „священныхъ въ глазахъ испинной Фило- „софіи. Въ каждой пустынѣ находипся „часовня, келья, высѣченной въ камнѣ „колодязь и небольшой садикъ. Пу- „спын-

(*) Сказываютъ, что съ сей вершины видны даже острова Балеарскіе, нынѣ Маіорка и Минорка, до которыхъ отшуда далѣе прехъ сотъ верспъ. Смощри Nouveau voyage en Espagne, Fait en 1777 & 1778. Tome 1.

(**) Въ семъ монастырѣ жилъ нѣкогда Игнашій Лойола, основатель Іезуитскаго Ордена.

„спынники, шупѣ живущіе, сущѣ по большой части дворяне, которыя, скучившись жить вѣ мѣрѣ, посвящаются вѣ семѣ шихомѣ мѣстѣ размышленію (*).

При восходящемѣ солнцѣ Донѣ Рамирѣ и сынѣ его пошли кѣ горѣ. Видѣ ея можеть уничтожитѣ намѣреніе взойши, на нее. Чрезвычайная высота ея и ужасныя спремнины, коими она со всѣхѣ споронѣ усѣяна, не обѣщаютѣ пріятной прогулки; но проходя сіи страшныя камни, найдешѣ преизящныя долины, различными цвѣтами испещренную зелень, прелесныя сады простой природы, спремняющіея сѣ вершины камней источники, коихѣ различныя виды, печеніе и шумѣ оживляютѣ и украшаютѣ сіе уединеніе; (**) щаспливое убѣжище спокойствія и добродѣтели!

Донѣ

-
- (*) Смощри вышепомянутое сочиненіе, То. I.
(**) Вотѣ что говоритѣ обѣ упоминаемыхѣ мною источникахѣ Французской Путешествователь:

„Проходя сіи ужасныя камни, весьма удивленѣ бываешь, встрѣчая изящныя долины, находя зелень и тѣнь среди безплодія, видя натуральныя каскады
„сѣ

Донъ Рамиръ, вышедши на степь, встрѣтился съ однимъ изъ пустынниковъ, которой гуляя чиналъ. Благородной и почтенной видѣ пустынника сего поразила его; онъ прошелъ мимо его. Донъ Рамиръ разговаривалъ съ своимъ сыномъ; пустынникъ, услыша Португальской языкъ, поднялъ глаза, подошелъ къ Донъ Рамиру, изъяснилъ ему радость свою, нашедши въ немъ собратъ своего, и просилъ его войти въ его келью для отдох-

жно-

„съ вершины сихъ стремнинъ упадаю-
„щія, кои нарушаютъ царствующее въ
„семъ убѣжищѣ молчаніе только для
„того, чтобъ сдѣлать его еще пріят-
„нѣйшимъ.„ *Essais sur l'Espagne, Tom. I.*
pag. 35.

Теперь вотъ что говоритъ о сихъ же каскадахъ Англійской Путешество-
вашель:

„Величайшее неудобство горы Монтъ-
„Серрапа есть недоспашокъ въ хорошей
„водѣ. Исключая одного ключа, нахо-
„дящагося въ приходѣ, да другаго въ
„монастырѣ. Пустынники собира-
„ютъ дождевую воду, что несносно
„лѣтомъ, и опровергаетъ совер-
„шенно все пріятныя описанія, кото-
„рыя

хновенія. Предложеніе было съ признашель-
носпію принято. Спарецъ попопчивалъ пу-
пешественниковъ полевыми и садовыми
плодами. Послѣ того Альфонсъ, желая
продолжать свою прогулку, вышелъ изъ
кельи, сказавши опцу своему, что спа-
нешъ его дожидаться въ пуспынѣ. Спарецъ
повелъ Донъ Рамира въ свой садъ. Они

Часть XI. № 32. Е сѣли

„рыя я чиналъ о журчащихъ ручей-
„кахъ и прекрасныхъ каскадахъ, съ
„вершины разсѣвшихся камней спремя-
„щихся. Недостатокъ въ водѣ таковъ,
„что на сей горѣ не видали никогда ни
„волка, ни медвѣдя, ни инаго какого хи-
„щнаго звѣря. „

Вошъ довольно разительное прошиво-
рѣчіе. Я думаю, что естли бы хошѣли
такимъ образомъ сравнивать описанія
всѣхъ путешественниковъ, то нашли бы
много сему подобныхъ. Впрочемъ Ав-
торъ сей сказки сдѣлалъ то, что мно-
гіе Историки себѣ позволяющъ, т. е.
выбралъ, что ему показалось пріятнѣ-
нѣйшимъ. Однако онъ не скрываетъ
причины, для чего одному опдалъ
предъ другимъ преимущество, и охотно
признается, что имя, слава и сочиненія
Англійскаго путешественника вселяющъ
величайшую довѣренность.

сѣли на покрышю мохомъ камень подлѣ одного порога. Тогда Донъ Рамиръ сказалъ пустыннику: какая превратность щастія, отецъ мой, заставила тебя оставить наше общее опечество и поселишься въ семъ уединеніи? По обхожденію и разговору швоему легко опгадашь можно, что ты не на то былъ рожденъ, чпобы окончить дни свои въ пустынь. Въ самомъ дѣлѣ, опвѣшпвовалъ пустынникъ вздыхая, я зналъ по нещастію міръ и дворъ. Си слова возбудили въ Донъ Рамиръ сильнѣйшее любопытство; а спарецъ съ своей стороны согласился его удовольствовашь. Вамъ не нужно знать, сказалъ онъ, моего имени. Я уже двѣнапцать лѣтъ живу на сей горѣ: въ Португалліи должны думать, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ. Я хочу, чпобы забыли меня, почему и не буду вамъ говорить о моей фамиліи, но расскажу только въ коропкихъ словахъ бѣдспвенную мою повѣсть. —

Госпожа Добролюбова хотѣла было продолжать свое чтеніе, но Гжа. Правосудова велѣла перестать. Напрасно просили срока на четверть часа; надобно было разойтися.

Въ слѣдующій вечеръ Госпожа Добролюбова, принимаясь за чтеніе своей сказки, сказала: мы, кажется, оспановились на повѣспи пустынниковой. Тупъ, развернувши свою шепрадъ, начала чипашь.

„ — Фамилія моя есть одна изъ
 „ знашнѣйшихъ въ Поршугалліи. Я былъ
 „ воспитанъ оплично, и получилъ зъ
 „ наслѣдство хорошее имѣніе. Нѣкоп-
 „ рыми успѣхами на войнѣ заслужилъ я
 „ уваженіе и милость моего Государя. Я
 „ женился на любимой мною женщинѣ,
 „ сдѣлаался опцемъ, и со всѣхъ споронъ
 „ былъ щаспливъ. Таково было мое по-
 „ ложеніе, когда покойной Король скон-
 „ чался. Сей случай лишилъ меня люби-
 „ мага Государя, покровителя, опца;
 „ ибо честной человекъ и вѣрной поддан-
 „ ной даешъ всѣ сіи имена хорошему Го-
 „ сударю. Я оставилъ дворъ, переселился
 „ въ опдаленную опъ Лиссабоны деревню,
 „ и совсѣмъ посвятилъ себя воспитанію
 „ моего сына. Сей сынъ, предметъ всего
 „ моего вниманія, соопвѣшствовалъ моимъ
 „ попеченіямъ свыше моего чаянія. Когда
 „ онъ достигъ такого возраста, что мо-
 „ жно было его представить ко Двору,
 „ шо я поручилъ юность его одному изъ

„моихъ родственниковъ, копорой и оп-
„везъ его въ Лиссабону; самъ же я оспал-
„ся въ моемъ уединеніи. Въ первой разъ
„разлучился я съ моимъ сыномъ, и никогда
„не былъ щаспливѣе — Я представлялъ
„себѣ его успѣхи, и упивался самою ле-
„спною надеждою. — Надежда есть благо
„ложное и плѣнное, но можетъ быть
„и самое сладкое, копорого прелеспи
„одно опцовское сердце чувствовашъ ме-
„жешъ. Когда собственная корысть про-
„изводитъ сіе ласкаштельное мечпаніе, то
„разсудокъ умѣряешъ его силу, либо и
„вовсе его разсѣваешъ. — Но какой опецъ
„полагаешъ предѣлы той надеждѣ, копорую
„онъ имѣешъ на сына! Ахъ! я думалъ,
„что часъ моей надежды исполнилась.
„Въ самомъ дѣлѣ сынъ мой былъ щасп-
„ливъ. Его имя, спарыя мои заслуги,
„кои присушствіе его привело на память,
„а больше всего разумъ его, нравъ и
„пріятности, пріобрѣли ему у Двора
„такія опличности, коихъ любовь его
„опца и зависть придворныхъ не преми-
„нули почешъ началомъ великаго щастія.
„Онъ увидѣлъ въ Лиссабонѣ молодую осс-
„бу, разумную, добродѣштельную, прелеспи-
„ную, знашную и богашую. Сынъ мой ис-
„калъ ея руки; я подтвердилъ выборъ его
„сердца,

„сердца, и сей союзъ, на которой согла-
„сился и отецъ ея, рѣшилъ судьбу его
„жизни. И такъ родители сей молодой
„особы согласились на бракъ, но съ тѣмъ
„только условіемъ, чшобы онъ доспалъ
„себѣ у Двора мѣсто. Сынъ мой про-
„силъ о семъ мѣстѣ; ему обѣщали доспа-
„вить оное скорѣе, нежели въ три мѣсяца,
„но поспребовали по какимъ-то причи-
„намъ, которыя ему обѣяснили, чшобы
„не сказывалъ о сей новой милости до
„тѣхъ поръ, какъ ему позволено будетъ
„ею пользоваться; однакожь ему позво-
„лили открыться въ томъ родителямъ
„той особы, на которой онъ хотѣлъ
„жениться. Онъ тотчасъ обѣявилъ имъ
„столь щасливое извѣстіе. Они пред-
„спавили его дочери своей какъ будущаго
„ея супруга, а она въ сіе послѣднее сви-
„даніе открыла ему такія чувства, ко-
„торыя довершили его благополучіе. Но
„какъ браку его надлежало совершиться
„не прежде полученія обѣщаннаго мѣста,
„то оставилъ онъ Лиссабону, съ тѣмъ,
„чшобы обѣявить мнѣ изустно всѣ по-
„дробности своего благополучія. Я на-
„слаждался неизъяснимымъ удовольстві-
„емъ, обнимая спраспно любимаго сына,
„и видя его на верху своего щаспія.

„Ахъ! въ то время, когда я почиталъ
„себя щастливѣйшимъ изъ опцевъ, вар-
„варъ и чудовище гошовилъ лишить ме-
„ня супруги и сына!

„Будучи исполненъ кропоспи и оп-
„кровенности, сынъ мой не могъ усо-
„мниться въ прямодушїи предашеля, кото-
„рой только съ шѣмъ искалъ его довѣрен-
„ности, чтобы вѣрнѣе его погубить. Сей
„вѣроломецъ, милостию Государя сво-
„его изъ бѣдности извлеченной, думалъ,
„что сынъ мой будетъ опаснымъ ему
„соперникомъ; но скрывая свою зависть,
„ласкалъ онъ его и приобрѣлъ безъ шу-
„да его прїязнь. — Тутъ Донъ Ра-
миръ смутился; но пустынникъ, не при-
мѣтивши сего, продолжалъ свою повѣсть. --
„Сынъ мой, сказалъ онъ, искавши ре-
„вносно при Дворѣ мѣспа, оп-
„крылся въ шомъ сему мерзкому чело-
„вѣку, которой будучи въ сіе время не
„въ состоянїи ему вредить, показывалъ,
„будто помогаетъ ему и раздѣляетъ съ
„нимъ радость его; но отшѣздъ сына мо-
„его доставилъ ему способъ исполнить
„злое намѣренїе. Онъ имѣлъ надъ
„разумомъ и сердцемъ Короля великую
„власть. Онъ оклеветалъ моего сына
„и умѣлъ въ шомъ увѣришь молодого,
„сла-

„слабаго и неопытнаго Государя. Общан-
„ная милость оспалась безъ исполненія, а
„мѣсто отдано одному изъ прислужниковъ
„недостойнаго любимца. Сіе ужасное извѣ-
„стіе сообщилъ мнѣ Королевской указъ,
„запрещавшій моему сыну выѣзжать изъ
„своей провинціи; вѣ по же время сынъ
„мой получилъ опѣ любимой имъ особы
„короткое письмо, шакого содержанія:

„Вы насъ наглымъ образомъ обма-
„нули. Мы увѣрены, что отданное шеперь
„мѣсто никогда вамъ обѣщано не было. И
„такъ забудьте даже и имя шой неща-
„сшной, кошорая всегда будетъ раскаиваться
„вѣ шомъ, что нѣкогда васъ почитала.„

„Прочитавши сіе несчастное письмо,
„сынъ мой воскликнулъ: и такъ я теряю
„все любимое, и самую честь!.... Онъ
„поблѣднѣлъ, колѣни его подломились,
„онъ упалъ и простиралъ ко мнѣ руки
„свои. Я бросился къ нему.... ужасное
„напоминаніе!... Я прижималъ его къ груди
„своей.... Несчастной опецъ! у меня уже
„не было сына (*). . . . Несчастливая его

Е 4

„мать,

(*) Есть множество примѣровъ скоропоспшиж-
ной смерти, причиняемой ударомъ пе-
чали.

„мать, бывши свидѣтельницею сего спра-
 „шнаго зрѣлища, казалось, поражена бы-
 „ла пѣмъ же ударомъ; разумъ ея помѣ-
 „шался, она лишилась упоребленія его,
 „но сохранила еще чувствованіе своей горе-
 „спи — Наконецъ сія жалостная жер-
 „тва маперинской любви послѣдовала вско-
 „рѣ во гробъ за сыномъ своимъ. Будучи осу-
 „жденъ пережить ихъ, сносилъ я¹ жизнь
 „свою только для того, что надѣялся
 „за нихъ, опмспить. Всемогуцій Вла-
 „дыко судьбы несчастныхъ человѣковъ!
 „воскликнулъ я: Существо высочайшее!
 „благоволи по крайней мѣрѣ изъ глубины
 „бездны, въ которую Твой гнѣвъ меня
 „ввергаещъ, благоволи услышашъ вопль
 „моего

чали. Въ 930 году Гормондъ III, на-
 именованный Старымъ, Король Дацкой,
 имѣлъ отъ Оиры своей супруги двухъ
 сыновей, Канупца и Гаральда. Канупъ,
 старшій сынъ, по добродѣтелямъ сво-
 имъ былъ удовольствіемъ своего отца
 и всего народа. Гаральдъ же звѣрствомъ
 своимъ отвратилъ отъ себя сердца
 всѣхъ Дапчанъ. Сей извергъ, завидя
 брату своему, убилъ его. Оира,
 не зная, какъ сію печальную вѣсть сооб-
 щить

„ моего отчаянія. Гласъ угнѣшеннаго возко-
 „ дитъ къ Тебѣ; Ты никогда не отвергалъ
 „ его прошенія.... Я не ищу уже счастья, ибо
 „ мое благополучіе навсегда разрушено;
 „ но мщенія дерзаю просить у Тебя,
 „ просить правосудія. Да лишится по-
 „ длой и коварной злодѣй, опнявшій у меня
 „ супругу и сына, да лишится сіе чудо-
 „ вище вдругъ и милости Государевой и
 „ богатства!.... Онъ отецъ: да рыдаешъ
 „ онъ подобно мнѣ! а болѣе всего, да бу-
 „ детъ несчастливъ въ сынъ своемъ! „ —

Е 5

Тутъ

щипъ Королю, велѣла весь Дворецъ обить
 чернымъ. При видѣ сего мрачнаго
 цвѣта Король вскрикнулъ: *конечно сынъ
 мой умеръ!* и въ ту самую минуту ли-
 шился жизни.

Сказываютъ, будто бы Вильгельмъ,
 Епископъ Рошильуской (въ 1050 году)
 имѣлъ къ Свенону II, Королю Дацкому
 такую привязанность, что во время бо-
 лѣзни, которою сей Государь умеръ,
 чувствовалъ онъ силы свои ослабѣваю-
 щія, по мѣрѣ, какъ Король терялъ свои;
 и что наконецъ видя Свенона и себя при
 смерти и будучи увѣренъ, что не пере-
 живетъ его, приказалъ себѣ сдѣлать
 гробъ, велѣлъ нести себя въ немъ за
 Коро.

Тутъ пустынный замогалъ, видя, что Донъ Рамиръ въ великое пришелъ б. зпокойство и всталъ. Вы шрепещете, казалъ онъ: такая ненависть и безразсудное спремленіе мстишь, истребляющъ въ васъ желаніе слушать продолженіе моей повѣсти. Успокойтесь; ничего уже прагического не оспалось мнѣ сообщать вамъ. Небо сердце мое премѣнило, и я вскорѣ опорочилъ ощущенія свои, копорыя Религія осуждаетъ. — Донъ Рамиръ былъ нѣскольکو ми-

Королевскимъ гробомъ при похоронахъ, умеръ шумъ и былъ погребенъ съ нимъ вмѣстѣ.

Эрихъ III, названной Добрымъ, Король Дацкой, въ 1104 году развелся съ Королевою Башильдою, своею супругою. Онъ обѣщался сбѣздить на поклоненіе въ святыя мѣста. Башильда, хопя и оспавленная, но все его любившая, захошѣла за нимъ ѣхать. Онъ умеръ на оспровѣ Кипрѣ; а Башильда, пришедши ошъ его смерти въ опчаяніе, умерла съ печали.

Въ 1208 году, Филиппъ, первой Императоръ Германіи, былъ убитъ. Императрица Ирена, его супруга, лишилась жизни, услышавши о смерти сего Государя.

минушѣ въ молчаніи. Удивленіе и ужасѣ дѣлали его неподвижнымѣ. Наконецѣ вскочивѣ вдругѣ со своего мѣста, вскричалѣ онѣ: гдѣ я? въ какомѣ убѣжищѣ? — Ахѣ, государь мой! перервалѣ пустыни: что значилѣ ужасное смятеніе, въ кошоромѣ васѣ вижу? Какую сдѣлалѣ я неоспорожность? гонитель мой не былѣ ли вамѣ знакомѣ? Не другѣ ли онѣ вамѣ? — „Сей гонитель, сей варварѣ, однимѣ словомѣ, Донѣ Рамирѣ, . . . — Такѣ, онѣ; такѣ, государь мой, я признаюся
въ

Двое изѣ слугѣ Карла VIII упали мершвы, бывши при погребеніи сего Монарха.

Вѣ 1501 году, Лудовикѣ Бурбонскій, Графѣ де Моншѣ-Нансіе приѣхалѣ въ Неаполь послѣ взятыя Капуи, гдѣ онѣ оказалѣ знакѣ величайшей храбрости. Прежде всего спсправился онѣ въ Пуццуоли, ко гробницѣ отца своего, упалѣ надѣ его могилою и умерѣ сѣ печали. Сей молодой Принцѣ по справедливости былѣ названѣ Ирсемѣ сыновней любви.

Извѣстно, что множество людей умерло скоропоспижно, узнавши о смерти Генриха IV; да и въ наши времена, когда

вѣ эпомѣ Вы наименовали теперь виновника моего бѣдспвія „Донѣ Рамирѣ,, Ахѣ! не повторяйте сего ужаснаго имени Я не могу слышать его безѣ прѣпеша — „Нещасный Альварсѣ! знай по крайней мѣрѣ, что Небо взяло на себя попеченіе наказашь своего злодѣя!,, — Что вы говорите? — „Онѣ уже не управляетѣ болѣе Порпугаллією? — Разоренному, лишенному всего, безѣ родспвенниковѣ, безѣ друзей, осталось ему только щепное раскалнїе и угрызенїя совѣспи.,, — Еспыли онѣ спраждетѣ, то я обѣ немѣ жалѣю. — „Вамѣ жалѣть обѣ немѣ! возможно ли?,, — Не сомнѣвайтесь вѣ помѣ Но я вижу текущїя слезы, государь мой! Что мнѣ открывается? Боже! возможно ли сему спашься!

когда нещасной Адмиралѣ Бингѣ былѣ приговоренѣ кѣ смерти, выслушалѣ онѣ сѣ твердостїю свой приговорѣ, ибо сей приговорѣ былѣ несправедливѣ и похищалѣ у него только жизнь, а не честь; но брашѣ его, кошорой вѣ немѣ лишался дражайшаго друга, хотѣвшїй сѣ нимѣ вѣ послѣднїй разѣ проспшїться, бросилсѣ вѣ его обѣянія и умерѣ.

ся! — „Да, я шотѣ несчастной! воскликнулѣ Донѣ Рамирѣ, упавши къ ногамѣ спарца, которой, будучи объятѣ невольнымѣ ужасомѣ, опсшупилѣ опѣ него. Опецѣ мой! продолжаетѣ Донѣ Рамирѣ, ползя за нимѣ и ухващясь за его плащѣ: оспановись и выслушай меня; благоволи разрѣшишь сию ужасную кляшву, которая навлекла на меня всю шягоспѣ небеснаго мщенія. Я заслужилѣ швою ненависть. — Но что я говорю? Нѣшѣ выраженія могущаго изѣяснить ужасѣ, которой мое присутствіе должно наводитѣ на тебя. Но я несчастнѣйшій человекѣ! У меня естѣ сынѣ; онѣ можешѣ меня ушѣвшишѣ переспанѣ проклинатѣ меня; переспанѣ желашѣ, чтобы сынѣ мой довершилѣ мое злополучіе!„ Тупѣ пуспынникѣ возвелѣ глаза на небо и сказалѣ: Боже мой! Донѣ Рамирѣ вѣ моей кельѣ! Донѣ Рамирѣ лежишѣ у ногѣ моихѣ и называетѣ меня священнымѣ именемѣ опца! симѣ именемѣ, бывшимѣ нѣкогда моею славою и благополучіемѣ; симѣ именемѣ, которое онѣ у меня покишилѣ. Но будь спокоенѣ! продолжалѣ онѣ, посмошрѣвши на Донѣ Рамира сѣ сожалѣніемѣ: я повторяю, что давно уже ненависть изгнана изѣ моего сердца. Ты рыдаешѣ; шы жалуешѣся

на

на судьбу: не уже ли ты гонимъ? скажи, не уже ли изгнанъ? Ся пещера спавишися твоимъ убѣжищемъ. Раздѣливши ее съ тобою, я почту святыя права госпепримства. Не опасайся отъ меня подлыхъ попрековъ; вѣрь, что естли помощь моя тебѣ нужна, ты найдешь во мнѣ отца и друга. . . . „О смущающее меня великодушіе! возможешь ли человекъ вознестись на сію высокую степень добродѣтели!„ — Нѣтъ, Донъ Рамиръ, перервалъ спарецъ: не ищи въ сердцѣ человека такого великодушія, котораго нѣтъ въ естествѣ; не удивляйся слабому Альваресу, но почитай и познавай дѣло и высочайшее могущество Религіи. — Послѣ сихъ словъ пустынный простеръ къ Донъ Рамиру руки, и подошелъ обнять его. Слезы Донъ Рамира текли по груди добродѣтельного спарца, по сей родипельской груди, которую разперзалъ онъ споль немилосердо.

Спустя четверть часа послѣ сего прогашельнаго примиренія, Альфонсъ возвратился въ пустыню. Донъ Рамиръ простился со спарцемъ и оставилъ гору, неся съ собою жестокое грызеніе совѣсти и плачевнѣйшія предчувствія. Онъ не могъ истребишь изъ своей памяти про-
кля-

клятіе, нѣкогда старцомъ прошиву него произнесенное. Онѣ видѣлъ уже его дѣйствіе въ пошерѣ своего имѣнія, и не смотря на великодушное Альваресово прощеніе, признавалъ снѣ себя сполько виновнымъ, что спрашился исполненія всѣхъ его желаній въ минушы опчаянія несчастнаго Альвареса. Будучи на верьху своего злополучія, думалъ Донѣ Рамирѣ, поручилъ онѣ Небу мщеніе; мщеніе сіе будетъ ужасно! о сынѣ мой! ты будешь орудіемъ небеснаго гнѣва! . . . Альфонсѣ будетъ мученіемъ отца своего; одинѣ онѣ можетъ довершитъ нынѣ мщеніе Альваресово.

Такія печальныя мысли сдѣлали Дона Рамира мрачнымъ, пасмурнымъ и задумчивымъ. Часпо смотря на своего сына, глаза его наполнялися слезами. Глядя на него, ощущалъ онѣ пайное безпокойство и неописанное стѣсненіе сердца. Короче сказать, удовольствіе бытъ опцемъ, вкушалъ онѣ уже весьма несовершенно. Побывавши въ Таррагонѣ и Тортозѣ (*), пріѣхалъ онѣ въ Мадридѣ.

Аль-

(*) Въ сраженіяхъ между Гишпанцами и Арабами было одно шакое, въ кошоромъ
жен-

АльфонсѢ ласкался надеждою найпѣ въ семѢ городѢ Далинду. Но надежда его была тщетна. По описанію узналъ онѢ, что она шупѢ была; что отецѢ ея назывался ТелисмаромѢ, и былѢ родомѢ ШведѢ;

женщины города Торпозы весьма себя отличили. ОнѢ вышли на городской валѢ и оказали такую храбрость, что РаймундѢ БаренгерѢ, послѣдній Барселонской ГрафѢ, въ 1170 году учредилѢ для нихѢ всенной ОрденѢ *ла Таша*, или *Пламенника*. ОнѢ получили еще многія другія преимущества, которыя нынѢ уже не существуютѢ; но преимущество передѢ мужчинами въ обрядахѢ бракосочетанія имѢ ссавлено.

Исторія Германіи представляетѢ подобной же сему случай. Въ 1015 году Поляки осадили городѢ МейссенѢ, которой бы сдался безѢ иронической храбрости женщинѢ, которыя участвовали во всѢхѢ работахѢ для обороны. ИмператорѢ ГенрихѢ II, въ память дѣйствія МейссенскихѢ женщинѢ, которыя въ семѢ случаѢ оказали храбрости болѣе своихѢ мужей, повелѢлъ, чтобы ежегодно праздновали день освобожденія города, и чтобы женщины ходили однѢ съ церемоніею въ церковь, въ знакѢ того, что имѢ

Мейс-

Шведъ; что онъ хопѣлъ еще пробыть нѣсколько времени въ Гишпаніи, и что поѣхалъ въ Гренаду.

Сии извѣстія, которыя Альфонсъ собиралъ безъ вѣдома опца своего, все-

Часть XI. Но. 33. Ж лили

Мейсенъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Сей ходъ производился съ величайшею пышностію до шестагонадесять вѣка. Люперане опмѣнили его, опвергнувши Римско-Католическое служеніе. *Histoire generale d'Allemagne, par. M. Montigny, T. 4.*

Въ продолженіи войны между Іоанномъ I. Королемъ Кастильскимъ и Іоанномъ I. Королемъ Португальскимъ, Англичане осадили было городъ Паденцію, въ Королевствѣ Леонскомъ, которой въ то время былъ безлюденъ; дворянство послѣдовало все за Государемъ на войну, но женщины защищили городъ, прогоняли непріятели; беззаконни его вылазками и принудили опойти. Дабы наградишь ихъ мужество, Король позволилъ имъ носить на епанчахъ *Золотую Пояску*, и даровалъ имъ всѣ преимущества Рыцарей *Пояски*. Время установленія сего Ордена неизвѣстно; его полагають между 1383 и 1390 годами. *Encyclopedie, подѣ словомъ Escharpe.*

лили въ него сильное желаніе ѣхать въ Гренаду. Донъ Рамиръ, носящій печаль свою и скуку вездѣ съ собою, согласился безъ труда оставивъ Мадридъ скорѣе, нежели прежде думалъ. И такъ они оправились сперва въ Толедо. Въ семъ городѣ осмопрѣли они *Алказаръ* (*), или древній Арабскій замокъ, котораго архитектура есть смѣсь Римской, Готической и Арабской. Въ семъ зданіи всего болѣе заслужило примѣчаніе ихъ заведеніе для бѣдныхъ городскихъ жителей и окрестныхъ поселянъ, которое основалъ Архіепискомъ Толедской. Заведеніе сіе состояли манифактуры и рисовальныя школы, гдѣ воспитывались дѣти, числомъ болѣе двухъ сотъ, въ которыхъ вселяли любовь къ работѣ и добродѣтели. Женщины и спарикки находили также прибѣжище въ семъ древнемъ замкѣ, посвященномъ Религіею спраждущему и несчастному человѣчеству (**).

Пуше-

(*) И въ Севиліи есть Алказаръ, или Арабской замокъ; но онъ не такъ хорошъ, какъ Толедской.

(**) Въ Толедѣ достойна еще примѣчанія Рабуша, подлѣ Епископскаго дома. Архитек-

Путешественники наши, весьма не долго пробывши въ Толедо, поѣхали въ Кордуу. По томъ поѣхали они Сиерру Морену (*), необработанную и дикую страну, которую дѣяшельной и благодѣшельной духъ одного человѣка превратилъ послѣ въ страну пріятную и плодородную (**). Городъ

Ж 2

Кор-

спекшура колоннадъ весьма хороша. На одной стѣнѣ, отъ крыльца идущей, вырѣзаны Гишпанскіе стихи, которыхъ словесной переводъ при семъ сообщается:

„Благородные и правосудные мужи, Толедомъ управляющіе! оставьте на семъ крыльцѣ спраси свои; оставьте шуй любовь, страхъ и корыстолюбіе; для общаго блага забудьте частныя выгоды; и какъ Богъ сдѣлалъ васъ столпами сего величественнаго зданія, то будьте всегда шверды, справедливы и непоколебимы.“

- (*) Длинная цѣпь горъ, такъ названныхъ по Розмарину, дикому шерновнику и другимъ всегда зеленѣющимъ кустамъ, которыми онѣ покрыты, и отъ которыхъ издали кажутся онѣ черными.
- (**) Сіи совсѣмъ дикія горы нѣсколько вѣковъ были жилищемъ разбойниковъ и волковъ. Тщешно многіе пользу опечесва

Кордуа, лежащій на берегу Гвадалквивира, окруженъ цѣпью горъ, покрытыхъ всегдашнею зеленью и составляющихъ часть Сиерры Морены. Сей прежде столь славной городъ лишился всего древняго величества своего; остались только стѣны съ разваливающимися домами и великолѣпною мечешью, оп-

наблюдавшіе люди предлагали о населеніи ихъ. Олавидесъ, населивши пустыни въ Андалузїи, сдѣлалъ то, что Сиера Морена покрылъ съ колонистами и рабочими. Правленіе одобрило поселеніе сіе, которое и въ сѣмомъ дѣлѣ имѣло щастливой успѣхъ. Но не смотря на выгоды и на свободу, данную симъ людямъ Правительствомъ, они очень недовольны. Жалобы ихъ, вообще не основательныя, суть плоды безпечнаго духа человѣческаго, которой хотѣлъ бы припсти въ хорошее состояніе безъ трудовъ. *Essais sur l'Espagne, Tom. 1.*

Главное мѣстечко Сиерръ-Моренской Колонїи называется Каролина. Оба путешественники, и Англійской и Французской, описываютъ новое поселеніе сіе прелестнымъ. Описаніе Англійскаго путешественника восхищительно, и оно бы украсило примѣчаніе сіе, естли бы переводомъ не боялись его ослабить.

отспроенною по большей части Абдерамомъ (*).

Донъ Рамиръ прожилъ три дни въ Кордуѣ и поѣхалъ далѣе. Альфонсъ, увидѣвши

Ж 3

(*) Во времена Музульмановъ мечеть сія была построена въ видѣ продолговатаго четвероугольника съ плоскою кровлею на аркахъ. Въ семъ памятникѣ не было соразмѣрности: вышиною былъ онъ только въ 35 футовъ, шириною въ 420, а длиною въ 510, считая ширь и толщину стѣнъ. По описанію нѣкоторыхъ кровля держалась на 1000 столбахъ, а по извѣстію другихъ на 800, или около того. Въ сію мечеть было тогда 24 вороша; всякую ночь горѣло тамъ болѣе 4000 лампадъ, на что исходило въ годъ масла на 4000 рублей.

Теперь осталась только часть мечети, изъ которой сдѣлали церковь; входящій шуда въ 17 ворствъ. Сія церковь простирается въ длину на 510 футовъ, а въ ширину на 240. Французской путешественникъ говоритъ, что церковь имѣетъ въ длину 600, а въ ширину 250 футовъ. Том. 1. р. 285. Тамъ множество столбовъ, состоящихъ изъ разныхъ родовъ мрамора и составляющихъ великой пятиугольникъ. Travels through Spain by Henry Swinburne, Esq.

дѣвши Гренадскія стѣны, почувствовалъ въ себѣ живѣйшее движеніе (*). Онъ надѣялся въ семъ городѣ найти Далинду; но надежда его скоро исчезла. Хотя сердце и голова его весьма заняты были Далиндою, однакожь онъ съ пріятностію разсматривалъ прекрасное положеніе Гренады, великолѣпныя зданія, въ семъ городѣ находящіяся (**), и древніе рѣдкіе памятники,

(*) Гренада лежитъ при подошвѣ Сьерры-Невады, или снѣжной горы, и построена на двухъ пригоркахъ, копорые раздѣляетъ Дарро; Гениль орошаетъ стѣны ея. Си двѣ рѣки производятъ отъ расплывшаго снѣга, копорымъ Сьерра всегда покрыва. *Essais sur l'Espagne*, Tom. 1.

(**) Достоинѣйшіе примѣчанія памятники въ Гренадѣ суть Аламбра и Генералифъ. Замокъ Аламбра есть древній Арабской дворецъ. Въ срединѣ его находился новѣйшій дворецъ построенной Карломъ пятымъ, а нынѣ уже въ развалины превращенной: остались только четыре стѣны. Пространство его очень невелико, потому что спротивъ его, не хотѣли портишь Арабскаго дворца, копорой былъ лѣтнимъ жилищемъ. Въ Аламбрѣ видны остатки величайшаго великолѣпія: мрамор-

ники, которыхъ развалины при каждомъ шагѣ приводятъ на память величество и пышность Арабовъ. Альфонсъ съ восхищеніемъ осматривалъ Аламбру и Генералифъ. Ему ошмѣнно полюбились тѣ мѣста, гдѣ были надписи и стихи, представлявшія воображенію его приключенія древнихъ Гренадскихъ Королей, несчастія Абенсерраговъ (*), гоненія и поржество

Ж 4

не-

морные столбы, водометны, барельевы, множество надписей и проч. Между прочимъ удивителенъ тамъ великолѣпной дворъ, называемой Львинымъ дворомъ. Генералифъ есть другой Арабской дворецъ, соединенной съ Аламброю и построенной на великомъ возвышеніи; оповсюду течетъ тамъ вода, а сады составляютъ амфиатеръ. Положеніе его восхищительно и лучше положенія Аламбры. *Essais sur l'Espagne, Tom. 1.*

- (*) Во время Боабдила, или Абдали, послѣдняго Короля Гренадскаго, Абенсерраги и Сегрисы были первыя въ городѣ фамиліи. Албинъ-Гамешъ, одинъ изъ фамиліи Абенсерраговъ, сдѣлался Королевскимъ любимцемъ. Сегрисы согласились погубить его. Одинъ изъ нихъ, будучи наединѣ съ Королемъ, сплелъ самую злобную

невинной Королевы, и всѣ чудесности, чипанныя имѣ въ Романахъ.

Между шѣмъ Альфонсъ, болѣе прежняго занятой Далиндою и Телисмаромъ, весьма скоро провѣдалъ, что они около
двухъ

ную ложь, и сказалъ, что онъ видѣлъ Албинъ-Гамеша лежащаго въ Генералифскомъ саду у ногъ Королевиныхъ, которая увѣнчана его розовымъ вѣнкомъ. Король пришелъ въ ужасную ярость, возбужденную ревностію и Сегрисиами. Положено было, чтобы всѣхъ Абенсерраговъ, одного послѣ другаго, заманишь на Аламбрской Львиной дворъ, и тамъ умертвишь. Сіе произведено было въ дѣйство. Каждую жертву, приведенную въ сіе печальное мѣсто, хватала Сегриси, подводили къ алебаспровому водоему и казнили. (Сей водоемъ, въ которой положены были всѣ головы Абенсерраговъ, еще и нынѣ показываютъ.) Тридцать шесть Абенсерраговъ лишились жизни. Пажъ, вошедшій шуда пихонько за господиномъ своимъ, увидѣлъ сіе ужасное зрѣлище; онъ нашелъ средство уйпи и уведомилъ о томъ оставшійся несчастной фамиліи Абенсерраговъ. Тотчасъ вся Гренада вооружилась; было нѣсколько сраженій, и по упишеніи возму-

двухъ недѣль выѣхали изъ Гренады, отпра-
 вились вѣ Кадиксѣ, хошѣли побыть
 тамъ шесть недѣль, а послѣ плыть къ
 берегамъ Африканскимъ. Сіе извѣстіе
 весьма огорчило Альфонса. Онѣ не смѣлѣ

Ж 5

уго-

мущенія мудрымъ Мурзою, братомъ Ко-
 ролевскимъ, Абдали далѣ всенародно оп-
 четѣ вѣ поступкѣ своемъ и объявилѣ
 мнимое Королевино пресупленіе. По
 томъ осудилѣ онѣ ее на сожженіе, естли
 вѣ печеніе мѣсяца не предспавилѣ она
 чепырехѣ рыцарей, копорые взялись бы
 защищать дѣло ея противѣ чепырехѣ
 доносителей. Между тѣмъ она была
 заключена вѣ башню (копорую еще и
 нынѣ вѣ Аламбрѣ называюшѣ Королевиною
 темницею). Многіе Арабскіе рыцари пред-
 лагали ей помощь свою, но она не при-
 няла ее, хошѣвши получить свободу свою
 опѣ Гишпанскихѣ рыцарей, къ копорымъ
 по доброй о нихѣ славѣ имѣла она пол-
 ную довѣренность. Она писала къ нимъ,
 и они прибыли вѣ самую шу минушу,
 вѣ копорую Королеву вели жечь. На
 щипахѣ ихѣ написано было: *за истину*.
 Они вызвали Сегрисовѣ на поединокѣ, и
 побѣдили. Злодѣй, оклеветавшій Коро-
 леву, получилѣ смертельную рану, и
 передѣ смертію своею признался вѣ пре-
 сту-

уговаривать отца своего ѣхать въ Кадиксѣ; пошому что онѣ, прѣѣхавши въ Гренаду, утвердительно сказалѣ, что по выѣздѣ изѣ сего города немедленно возвратишя въ Португаллію.

Желаніе путешествовать и найпи Далінду, надежда сдѣлаться щасливимѣ, честолюбіе, любовь, а особливо праздность и любопытство, произвели въ Альфонсѣ свирѣпое намѣреніе тайно оставишь отца

и

ступленіи своемѣ. Королева въ поржествѣ опведена была во дворецѣ. Абдали упалѣ къ ногамѣ, но не могѣ получишь прощенія. Королева оставила дворѣ и удалилась въ пустыню. Оспальные Абенсерраги выѣхали изѣ Гренады и оставили Абдали, лишеннаго лучшихѣ своихѣ Полководцевѣ на жертву врагамѣ его, которые черезѣ нѣскольکو мѣсяцевѣ свергли его съ престола, посрамленнаго имѣ такими убійствами.

Хотя исторія сія и рассказываетя многими сочинителями важно и прогательно, однакожь надобно почитать ее только за романѣ, кошорого основаніе истинно, а обстоятельство выдуманно.

Travels through Spain by Henry Swinburne, Esq.

и отправиться въ Кадиксъ. Нѣкотораго труда стоило ему рѣшиться на такое ужасное дѣло; но наконецъ презрѣвъ онъ спасительное напоминаніе сердца, говорившаго противъ воли его, и напрягъ весь свой разумъ, чтобы найти мнимыя причины къ извиненію себя передъ собою. Опецъ мой, думалъ онъ, лишился богатства своего и получаетъ только самое посредственное жалованье, котораго намъ двоимъ лишь только спановишья. И такъ если избавлю его отъ пѣхъ издержекъ, которыя онъ для меня дѣлаетъ, то приведу его въ состояніе жить лучше. Чувствую, что я въ тягость ему. Вижу даже и то, что присутствіе мое, а особливо съ нѣкотораго времени, ему непріятно. Онъ задумчивъ, разговоры мои ему скучны, и часто я мѣшаю ему. Сверхъ того, стараясь прославиться, буду стараться о пользѣ его; большаго имѣнія желаю только для того, чтобы ему отдать его. Слава, попеченіе о щастии его, разлучаетъ меня съ нимъ на нѣкоторое время. Отсутствіе мое сперва, можетъ быть, огорчитъ его, но возвращеніе составитъ благополучіе его жизни. --- Таковы были разсужденія Альфонсовы. Разсуждая такъ, онъ вздыхалъ, и глаза его

его наполнялись слезами. Есльли бы по-
требовалъ онъ совѣта у сердца своего,
то оно скоро бы опвласкло его отъ без-
разсуднаго предпріятія. Но онъ хотѣлъ
обманывать себя, и успѣлъ въ семъ, хо-
тя и не могъ заглушить совѣмъ голоса
совѣсти, его укорявшей. Наконецъ утвер-
дился онъ въ предпріятіи своемъ и не
откладывалъ исполненія его. Онъ под-
купилъ слугу, котораго не давно еще
принялъ къ себѣ, и наставилъ его, какъ
поступать, дабы скорѣе и удобнѣе
уйти. Уговорились, чтобы Альфонсъ
ввечеру вышелъ изъ дома, а слуга бы
дождался его у городскихъ воротъ съ
двумя лошадьми, на которыхъ безъ оп-
дыха ѣхашь до Локсы, куда слугѣ зна-
кома была дорога. У Альфонса не было
денегъ. Онъ спасъ разныя дорогія вещи
и брилліанты, которые въ день Лиссабон-
скаго землетрясенія были на немъ; Донъ
Рамиръ продалъ ихъ, но два кольца изъ
нихъ оставилъ сыну. Альфонсъ продалъ
эпихоцько одно кольцо и взялъ за него
400 піаспровъ (*), съ кошорыми, каза-
лось

(*) Піаспръ стоить около шестидесяти ко-
пѣекъ.

лось ему, и цѣлой мірѣ онѣ обѣѣхатъ можеть. Въ день, назначенной къ отпѣзду, жаловался онѣ на сильную въ головѣ боль, хотѣвши скрыть чрезѣ по безпокойство и смяшеніе свое и принудить отца своего лечь спать ранѣе обыкновеннаго. Донѣ Рамирѣ пошелѣ въ спальню свою въ восемь часовѣ.

Сердце Альфонсо перзалось, когда онѣ обнималѣ его. Онѣ заперся въ горницѣ своей, но угрызеніе совѣсти и шамѣ его мучило. Заливаясь слезами, написалѣ онѣ къ отцу письмо, обѣявая ему причины своего поступка, умалчивая о пуши своемѣ и сильной своей спрассти. Запечатавши письмо, положилѣ его на столѣ, чтобы Донѣ Рамирѣ поутру нашелѣ его. По томѣ завернулся въ длинную спанчу; и какѣ отпралялся онѣ въ дорогу довольно дальнюю, по скинулѣ легкую свою обувь, обулся въ подбитые желѣзомѣ башмаки и взялѣ копье. Въ карманѣ положилѣ кошелекѣ и записную книжку, въ которой лежало оспальное кольцо и Далиндинѣ поясѣ. По томѣ отворилѣ окно, выпрыгнулѣ на праву на маленькой дворикѣ, отѣ котораго былѣ у него ключѣ, и вышелѣ шихонько на улицу въ потаенную дверь. Онѣ бѣгомѣ бѣжалѣ

жалъ по городу, и за сто шаговъ отъ воротъ нашелъ слугу своего съ лошадьми; шупъ сѣлъ онъ на лошадь и побжалъ за путеводцемъ своимъ по ведущей въ Кадиксъ дорогѣ.

Ночная темнота не позволяла ѣхать такъ скоро, какъ бы ему хошѣлось. Справъ погони, гореспныя мысли, безпокойство, внушреннія укоризны и раскаяніе терзали душу его и наводили на него непреодолимой ужасъ, умножаемой еще ночью темнотою. Часа съ два былъ онъ уже въ дорогѣ, какъ вдругъ удивительное зрѣлище перервало размышленіе его. Въ срединѣ глубокой тьмы исчезла ночь, свѣтлой день озарилъ глаза изумленнаго Альфонса; копорой, поднявши вверхъ голову, увидѣлъ въ облакахъ огненной шаръ, опускавшійся къ землѣ и въ приближеніи увеличивавшійся. Онъ сіялъ многими цвѣтами и оспавлялъ за собою блистательную нить свѣта, означавшую печеніе его. Онъ пролетѣлъ часть горизонпа; по томъ мало помалу возвышаясь, бросалъ во всѣ стороны искры и огненные снопы, подобно фейверку. Наконецъ сей великой шаръ раскрылся, и вышли изъ него два рода вулкановъ, которые отдѣлились въ видѣ двухъ большихихъ

шихъ радугъ: одна изъ нихъ протяну-
лась къ сѣверу, а другая къ Леванту.
Послѣ того шаръ сталъ уменьшаться,
скоро совсѣмъ погасъ, и глубокая пѣма
настала послѣ свѣтлаго дня (*).

Сіе

(*) Сей огненной шаръ былъ метеоръ. Такъ
называютъ воздушныя явленія, произхо-
дящія и исчезающія въ атмосферѣ, или
въ воздухѣ, которой насъ непосред-
ственно окружаетъ и которымъ мы
дышемъ. Таковы сущъ облака, громъ,
дождь, градъ, снѣгъ, шуманъ, вечерняя
и утренняя зря, блудящіе огни, молнія,
вѣтры, вихри, бури и проч. Физики раз-
дѣляютъ воздушныя явленія на три рода:
на огненные, воздушные и водяные ме-
теоры. Первой родъ составляютъ громъ,
огонь св. Елены, которой древніе на-
зывали Касторомъ и Поллуксомъ, огнен-
ные шары и другія воздушныя явленія,
производимыя электрическою силою.
NB. Электрическая сила есть свойство
нѣкоторыхъ тѣлъ, которыя въ нѣко-
торыхъ обстоятельствахъ, на прим.
когда они трутся и нагреваются, 1)
притягиваютъ къ себѣ легкія тѣла, а
послѣ ихъ опшлываютъ; 2) произво-
дятъ свѣтъ; 3) когда приближаются
къ нимъ другія плотныя тѣла, выбра-

Сіе явленіе привело Альфонса противъ воли его въ ужасъ. У кого нечиста совѣсть, тому все кажется спрашнымъ предвѣщаніемъ. Альфонсъ сіе чувствовалъ. Горести и шоска его умножились. Онъ по-

сывающъ искры. Имя происходитъ отъ янтаря, называемаго по Гречески илектронъ; ибо сей камень преимущественно передъ другими шѣлами имѣетъ такое свойство, и по тому извѣстенъ былъ и древнимъ. — Воздушные метеоры суть вѣтры; водяные метеоры суть шѣ, копорые представляешъ намъ вода въ разныхъ обласняхъ своихъ, на прим. облака, градъ, роса, и проч.

Огненные шары были примѣчемы въ самыхъ еще непросвѣщенныхъ временахъ; прежде приводили они въ препелъ Римъ. Аристоель, Сенека и Плиній описали ихъ. Сіе воздушное явленіе называли, да и нынѣ простолюдимы называющъ еще огненнымъ мечемъ, лепучимъ змѣемъ. Обстоятельства огненного шара, описанныя въ сей Повѣсти, не выдуманы, какъ по видно изъ слѣдующаго подробнаго извѣстія.

Огненной шаръ, описанной Г. ле Руа, примѣченъ былъ 17 Іюля 1771 года въ половинѣ одинадцатаго часа по полуду-

понудилъ лошадь свою скакать, чтобы движениемъ по крайней мѣрѣ разсѣяться, и во всю ночь ни на минушу не оспанав-
Часть XI. No. 34. 3 ливался.

лудни. На сѣверо-востокѣ увидѣли вдругъ огонь, подобной большой падающей звѣздѣ; приближаясь, онъ увеличивался. Скоро явился онъ въ образѣ шара, а по томъ съ большимъ хвостомъ, которой онъ тащилъ за собою. Протекши часть неба, быстрое движение его спало шие, и видомъ уподоблялся онъ Батавской скляночкѣ. Онъ разпространялъ живѣйшій свѣтъ; голова его окружена была огненными лучами, а хвостъ по краямъ былъ красенъ и испещренъ радужными цвѣтами. Наконецъ онъ разорвался, разсыпавши великое множество огненныхъ частицъ, подобныхъ гранатамъ.

12 Ноября, 1761 года, видѣлъ Г. Баронъ Адрецъ въ милѣ отъ Виальфранша въ Болау весьма блистательной огненной шаръ, которой, казалось, опускался къ землѣ, и чемъ болѣе приближался, тѣмъ огромнѣе становился; за собою оставлялъ онъ большой огненной хвостъ, означавшій теченіе его. Протекши почти осьмую часть горизонта, показался онъ въ величинѣ большой горизонтально по по-
дамъ

ливался. На разсвѣтѣ сказалъ слуга, что они сбились съ большой дороги въ сторону. Альфонсъ, осмотрѣвшись вокругъ, уви-

ламъ перерѣзанной бочки. Онъ разорвался, и вышло ужасное множество искръ и пламенныхъ частей, такъ какъ въ большемъ фейверкѣ бываетъ.

Въ городѣ Бонѣ сіе воздушное явленіе разпространило свѣтъ, подобной свѣту полуденному.

3 Ноября, 1777 года, въ половинѣ десятаго часа по полудни, въ Сарлазѣ, маленькомъ городкѣ въ Перигордѣ, во 120 миляхъ отъ Парижа, видѣли чрезвычайной метеоръ. Было такъ свѣтло, какъ бы снова наступалъ день. Показался весьма свѣтлой огненной шаръ; вылетали большія, гранатамъ подобныя искры, и сбнимавшій его кругъ состоялъ изъ лучей различныхъ цвѣтовъ. Когда сей чрезвычайной шаръ поднялся вверхъ на 35 футовъ, или около того, тогда вышли два рода вулкановъ, которые опдѣлившись приняли на себя видъ двухъ радугъ, изъ которыхъ одна шла къ сѣверу, а другая къ Лсванту. Пслѣ того шаръ почти непримѣнно сжался и совсѣмъ сталъ невидимъ.

Dictionnaire des Merveilles de la Nature,
Tom. II.

увидѣлъ изсохшую степь, покрытую каменными горами. Не находя дороги, Альфонсъ сошелъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву, и пошелъ съ слугою своимъ на самую высокую гору, надѣясь съ возвышенія сего увидѣть городъ Локсу, оцѣ копорого имъ по мнѣнію ихъ не далеко бытъ надлежало. Едва Альфонсъ спутилъ шаговъ дващцапъ, какъ остановился на крушомъ камнѣ. Онъ почувствовалъ, что ноги его какъ бы гвоздями прибиты были къ камнямъ, и копье въ рукъ у него стало тяжело, такъ что онъ, казалось, шупъ окоренился (*). —

3 2

0

(*) Надообо вспомнить, что подошвы Альфонсовыхъ башмаковъ подбиты были гвоздями, и воспріе копья его было желѣзное.

Древніе, гсворишъ Г. Бомаръ, знали, что магнитъ имѣетъ силу прищягивать желѣзо; и естли вѣришь Плинію, то открытие сіе сдѣладось случайно, а именно: паспужъ примѣшилъ, что гвозди его башмаковъ и воспріе копья его приспали къ магнитному камню, на кошорой онъ ступилъ. Но сила сего камня, всегда обращаясь къ полюсамъ, была имъ не извѣсна.

Не-

О родишель мой! воскликнулъ онѣ: Небо мспитѣ за шебя неслыханымѣ чудомѣ! — Болѣе не могѣ онѣ говоришь: слезы перервали

Несвѣдаущій Альфонсѣ, угрызаемой совѣстїю и бывшїй внѣ себя опѣ воздушнаго явленїя, почувсвовавѣ, что ноги его пристали кѣ камню, вообразилѣ, что его удерживаетѣ само Небо, раздраженное бѣгсвомѣ его. Сїя мысль увеличила его ужасѣ, опняла у него всѣ силы, сдѣлала его неподвижнымѣ и пригвоздила его кѣ камню.

Магнитѣ есть камень, припягивающїй кѣ себѣ желѣзо, которой находяшѣ вѣ желѣзныхѣ рудникахѣ. Цвѣтѣ его не вездѣ одинаковѣ. Вѣ Остѣ-Индїи, вѣ Кишаѣ и во всѣхѣ сѣверныхѣ земляхѣ, онѣ цвѣта желѣзнаго; во Францїи и вѣ другихѣ мѣстахѣ чернѣе. Девоншигской магнитѣ темнокрасной, а Лопарингской темносѣрой.

Магнитѣ имѣетѣ пять весьма примѣчательныхѣ свойствѣ: 1) припягивать желѣзо, которое свойство называется *аитракція*; 2) сообщать свою силу другимѣ шѣламѣ, *коммуникація*; 3) обращать кѣ полюсамѣ, *дирекція*; 4) обращать шуда сѣ уклоненїемѣ, *деклинація*;

рвали слова его. Изумленіе, ужасъ и раскаяніе, совершенно испощили силы его, и сдѣлали его неподвижнымъ и нѣмымъ.

3 3

Воло-

нація; 5) уклоняясь по мѣрѣ приближенія къ шому и другому полюсу, *являнація*. Всѣ сіи особливья свойства, зависящія отъ естества магнита, производятъ отъ какого нибудь главнаго свойства, до нынѣ еще намъ неизвѣстнаго. Думаютъ, что магнитъ окруженъ нѣкоторымъ родомъ атмосферы, которую назвали магнитною матеріею, и которая вокругъ сего камня составляетъ вихрь (tourbillon); сей вихрь примѣненъ по обоимъ полюсамъ его, производящимъ противоположныя дѣйствія: одинъ желѣзо къ себѣ влечетъ, а другой отъ себя его отталкиваетъ. Привлекательная сила магнита, когда вынимается онъ изъ рудника, не очень дѣйствительна; почему для умноженія сей силы его обдѣлываютъ. Надобно знать, что хотя желѣзо само собою и не есть магнитъ, однакожь ржавчина его магнитна.

Въ Кабинетѣ рѣдкостей Королевскаго Общества въ Англіи есть магнитъ вѣсомъ въ 60 фунтовъ; хотя по соразмѣрности величины своей поднимаетъ онъ на высоту и невеликую тягость, однакожь
вѣ

Волосы у него на головѣ поднялись вверхъ, и смершная блѣдность покрыла лице его.

Въ девяти футахъ привлекаетъ къ себѣ иглу. Исторія Академіи Наукъ увѣдомляетъ о такомъ магнитѣ, которой вѣсомъ былъ въ одиннадцать унцій, а поднималъ на высоту 28 фунтовъ желѣза, и такъ въ 40 разъ болѣе тягоспи своей. *Diction. Hist. Nat. par. M. de Votage.*

Магнетизмъ есть всеобщее имя различнымъ свойствамъ магнита. Въ Малой Азіи были два городка именемъ Магнетія: одинъ на рѣкѣ Меандрѣ, а другой на горѣ Сипилѣ. Сей послѣдній, принадлежавшій къ Лидіи и называемой иногда Иракліею, былъ испиннымъ опечесвомъ магнита. Гора Сипилѣ была безъ сомнѣнія богата металами, слѣдственно и магнитными камнями; почему магнитъ названъ именемъ того мѣста, гдѣ онъ найденъ. *Encyclopedie.*

Дѣйствіе магнита описано здѣсь для того, что въ первыхъ часахъ бѣгства Альфонсова оно разительнѣе покажется. Впрочемъ, вѣроятность, какую только можно пожелать въ сказкѣ, соблюдена; потому что окрестности Локсы въ самомъ дѣлѣ наполнены каменными горами, да и рудниковъ въ Гишпаніи много.

его. — „Ахъ, матушка! закричала Катерина: онъ превратился въ стапую!“, --- Нѣтъ еще, отвѣчала съ улыбкою Гж. Добролюбова: однакожь онъ этова испугался, подумавши шо же, что и шы. — „Вы уже намъ напередъ сказали, что все чудесное будетъ правда; однакожь огненной шаръ, эпотъ несчастной камень — эшо все чрезвычайно. Между пѣмъ, матушка, возвратимся къ бѣдному Альфонсу.“ —

Положеніе его я описала вамъ. По томъ небо покрылось облаками, поднялся сильной вѣтръ и пошелъ дождь. Но какъ Альфонсъ изумился, увидѣвши страшной цвѣтъ сего дожда! На бѣлыхъ камняхъ, окружавшихъ его, увидѣлъ онъ большія водяныя капли темнаго краснаго цвѣта. Скоро и самъ онъ съ головы до ногъ вымоченъ былъ симъ кровянымъ дождемъ, которой выкрасилъ руки и плашье его, и сливаясь съ камней, соспалялъ кровавые ручьи (*).

(*) Сей мнимой кровавой дождь бываетъ шолько въ сильной вѣтръ, и почти всегда лѣтомъ. Онъ происходитъ отъ краснаго сока нѣкоторыхъ бабочекъ, которыя сильнымъ вѣтромъ несущя и раз-

ры-

Альфонсъ, пораженной новымъ ужасомъ, собралъ всѣ свои силы, чтобы сойти съ страшнаго сего мѣста. Онъ оставилъ копье свое, которое прямо спало на камень. По помѣ всячески онъ опдирался, и наконецъ съ великимъ усиленіемъ сорвался съ камня и почти безъ чувствъ упалъ въ песокъ. Въ самую сію минуту подбѣжалъ къ нему слуга его, приведенной кровавымъ дождемъ въ ужасъ; поднялъ его

рываются. Впрочемъ такое изъясненіе не совсѣмъ удовлетворительно; со временемъ найдутъ можетъ быть лучшее. — Г. Номаръ пишетъ, что въ 1703 году Цирихское озеро сдѣлалось вдругъ красно; по испытаніи нашли, что потоки смоляной, красною желѣзною землею наполненной воды; смѣшались тогда съ водою сего озера.

Говорятъ также и о *сѣрномъ дождѣ*. Сіе названіе произошло отъ желтоватыхъ зеренъ, которыя, кажется, вмѣстѣ съ дождемъ изъ облаковъ падаютъ. Сей мнимой сѣрной дождь, въ такомъ изобиліи идущій близъ горъ, производитъ единственно отъ желтой цвѣточной пыли нѣкоторыхъ родовъ расценій. Такой дождь идетъ часто въ Бурдо въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда цвѣтутъ сосны.

его и сказалъ ему, что увидѣлъ дорогу; послѣ чего сѣли они на лошадей и поѣхали.

Альфонсъ, пріѣхавши въ Локсу, часа при опдычалъ; по помѣ взялъ муловъ съ проводникомъ и продолжалъ путь свой далѣе. Онѣ переѣхалъ городъ Ороспеду (*),

3 5

про-

(*) Изъ Локсы надобно ѣхать черезъ гору Ороспеду, и близь Архидоны, среди каменныхъ горъ построеннаго города, на границахъ Андалузїи, привлекаетъ къ себѣ взоръ путешественника la Sena de los Epitogadas, каменная гора, прославленная однимъ печальнымъ приключеніемъ. Молодой Французской рыцарь былъ взятъ въ плѣнъ Арабами, когда они еще Гренадою владѣли. Арабской Король даровалъ ему свободу, удержалъ его при дворѣ своемъ и осыпалъ его благодареніями. Рыцарь обольщилъ дочь Королевскую и довелъ ее до того, что она согласилась тайно уйти съ нимъ отъ отца своего. Они ушли ночью; но Небо гнало ихъ, его какъ неблагодарнаго и мерзоснаго обольщителя, а ее какъ пресступницу и развращенную дочь. На разсвѣтѣ увидѣли они толпу Арабовъ, за ними гнавшихся. Они всползли на
чрез-

проѣхалъ старой городъ Антекверру, и до самой Малаги нигдѣ не останавливался. Въ семъ путешествіи не случилось съ нимъ ничего примѣчанія достойнаго. Онъ пріѣхалъ наконецъ въ Кадиксъ (*) и остановился въ первомъ практирѣ, которой ему показали. Всклотивши на крыльцо, чшобы пройти въ свою комнату, услышалъ онъ звукъ арфы и припѣвающій женской голосъ. Альфонсъ пришелъ въ нѣкоторое движеніе; приблизился къ дверямъ нѣхъ комнатъ, гдѣ пѣла женщина, и слышалъ восхищительной голосъ и стройную игру. Не могъ онъ не узнать сладкаго голоса, котораго звуки проникли глубоко въ душу его. Забывши себя, сбѣжалъ онъ съ крыльца, разспросилъ хо-

зя-

чрезвычайно крушую каменную гору; Арабы окружили ихъ. Тогда, мучимые совѣстію и приведенные въ отчаяніе, бросились они съ горы, которая еще и по нынѣ называется Спремниною Любониковъ. *Essais sur l'Espagne*, Т. 1.

(*) Чшобы пріѣхать въ сей городъ, надобно отъ пристани Санша-Маріа, прекраснаго городка, въ двухъ миляхъ отъ Кадикса, плыть водою. Сей небольшой переѣздъ опасенъ, и часто шонущъ шущъ еуда.

зяина и узналъ, что сердце его не обмануло, и что Далинда и Телисмаръ дѣйствительно жили въ томъ домѣ, въ которой случай привелъ его. Сіе извѣстіе привело его въ величайшій восторгъ. Онъ велѣлъ показать себѣ окно Далиндиной комнаты; послѣ того заперся въ свою комнату, чтобы безпрепятственно предаваться радости. Онъ велѣлъ принести себѣ цитру, послѣ ужина вышелъ на дворъ, сѣлъ подъ окнами Далиндиной комнаты и началъ бречать дрожащею рукою. Окно отворилось. Альфонсъ, боясь, чтобы не услышалъ его Телисмаръ, разумѣвшій Португальской языкъ, не смѣлъ пѣть тѣхъ стиховъ, которые онъ на берегу Источника Любви сочинилъ въ честь Далинды; боязливымъ и прерывающимъ голосомъ пѣлъ онъ только мученіе разлуки. Черезъ четверть часа окно опять затворилось. На другой день Альфонсъ пѣлъ шепотомъ: окно не отворялось, и жестокость сія привела его въ такую горестъ, какъ бы и вся надежда его исчезла. Между тѣмъ безпрестанно думалъ онъ, какъ бы удовлетворить сильному желанію своему видѣть Далинду, и не могъ ни на что рѣшиться. Не смѣлъ явиться передъ нею спранствующимъ рыцаремъ.

царемъ. Оспавляя отца своего, намъренъ былъ онъ представить себя Телисмару въ спутники, не сомнѣваясь, чшобы дарованія и знанія его не заставили принять предложенія его, и чшобы оно не было Телисмару пріятно. Сверхъ того надѣялся онъ, что и воспоминаніе заслуги, оказанной имъ Телисмару, въ помъ ему поможетъ. Когда спроситъ думаетъ о способахъ къ достиженію своей цѣли, тогда она не видитъ препятствій, презираетъ полезныя совѣты разсудка, боится всего, что можетъ опвесити ее отъ цѣли ея, и познаетъ неосторожность и безуміе свое только тогда, когда уже помощь не льзя.

Альфонсъ въ страхъ и неизвѣстности долго думалъ, что ему дѣлать. Между шѣмъ скрывался онъ отъ глазъ Далнды и отца ея; но вдругъ въ одинъ вечеръ услышалъ, что Телисмаръ совсѣмъ изгшовиася къ опъбъзду, и что на разсвѣтъ слѣдующаго дня опправится на корабль въ Сейшу (*). Сіе извѣстіе окончало нерѣшимость Альфонсову. Онъ
не

(*) Африканской городъ прошивъ Гибралцара, принадлежащій Гишпанцамъ.

не медлитъ ни одной минушы, продаетъ послѣднее кольцо, ищетъ корабельнаго Капишана и доводитъ его до того, что онъ соглашается принять его къ себѣ на корабль. На разсвѣтѣ пришелъ онъ на корабль, гдѣ отвели ему маленькую каюшу. Черезъ четверть часа услышалъ онъ Телисмаровъ голосъ, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ того подняли парусы и поплыли. Альфонсъ, думавши вѣрно найти Далинду и опца ея за обѣдомъ у Капишана, рѣшился прежде сходить къ Телисмару. Онъ попросилъ позволенія посѣтить его, что съ удовольствіемъ ему и позволено было. Въ величайшемъ безпокойствѣ вошелъ онъ къ Телисмару въ каюшу. Находитъ его одного. Дверь скрипнула, Телисмаръ оборотился, увидѣлъ Альфонса и пошчасъ узналъ въ немъ избавителя своей дочери. Онъ вспалъ, бросился на встрѣчу къ Альфонсу и обнималъ его со всеми знаками нѣжнѣйшей дружбы. Альфонсъ восхищается, чувствуя въ сердцѣ своемъ возобновляющуюся надежду. Между тѣмъ отвѣчаетъ на вопросы Телисмаровы съ замѣшательствомъ, а не съ искренностію. Онъ не смѣетъ признаться ему въ преступленіи своемъ. Опецъ мой, сказалъ онъ,

онѣ, имѣлъ прежде великое богатство; но теперь, имѣя только самое нужное, ведетъ Философскую жизнь на тихихъ берегахъ Мондего. Онѣ одобрилъ мое желаніе путешествовать, надѣясь, по воспитанію моему, что я могу дѣлами своими прославиться и — — „Копорой вамѣ годѣ, и какѣ вы разположились въ разсужденіи путешествія своего?„ — Я зналъ, что вы въ Гишпаніи и поѣдете въ Африку; почему и надѣялся, что вы мнѣ позволите путешествовать съ вами вмѣстѣ. — „Вы въ этомѣ не ошибаетесь. Я хочу объѣхать всѣ части міра, и еслии вамѣ угодно быть мнѣ поваричемѣ, то я этому очень радѣ.„ — Альфонсѣ, достигнувши по мнѣнію своему цѣли всѣхъ своихъ желаній, въ восторгѣ обнималъ Телисмара и клялся никогда не описывать ошѣ него. — „Но вамѣ надобно знать, продолжалъ Телимарѣ, что путешествіе мое не кончится прежде трехъ или чепырехъ лѣтѣ: согласится ли на это башюшка вашѣ?„ — Конечно согласится. — „И шакѣ еслии вы любите Науки; еслии, въ чемѣ и не сомнѣваюсь, имѣете благородныя чувства и добродѣтельные склонности: то найдете во мнѣ вѣрнаго друга и другаго опца. Щасп-

Щасливѣ я буду, естѣли усердіемъ и нѣжностію докажу вамъ часть моей благодарности. Далинда обязана вамъ жизнью: какое право имѣете вы на сердце мое!», — Тронущей Альфонсъ покраснѣлъ при имени Далиндиномъ. Онъ пакъ много чувствовалъ, что не могъ говорить. Телисмаръ продолжалъ: — „Мнѣ нужно утѣшеніе: я надѣюсь найсти его въ вашей дружбѣ.», — Утѣшеніе? . . . вы имѣете огорченія? — „Я разлучился на чепыре года съ любезнѣйшими для меня особами, съ женою и съ дочерью.», — Какъ! съ Далиндою? — „Я не могъ подвергнушь ее опасностямъ, сопряженнымъ съ долгимъ мореплаваніемъ. Мы вмѣстѣ путешествовали по нѣкоторымъ Европейскимъ областямъ; но въ Кадиксѣ я съ нею разстался: я ѣду въ Африку, а она съ машерью возвратится въ Швецію.», — Боже мой! воскликнулъ Альфонсъ въ горести: Швеція и Африка! — какое неизмѣримое пространство между ею и — вами! — какъ я о васъ сожалею! — Тупъ Альфонсъ не могъ удержаться отъ слезъ. — Меня весьма прогаесть по участию, которое берете вы въ печали моей, сказалъ Телисмаръ. — Приходъ Капитана перервалъ разговоръ.

Аль-

Альфонсѣ ушелъ и заперся въ своей каюшѣ, чшобы скрыть великое свое смятеніе и безпокойство. Мучимой мыслію, что не увидитъ Далинды чепыре года, находилъ онъ, нѣкоторое утѣшеніе въ Телисмаровой ласкѣ, и рѣшился всячески спараться пріобрѣтать его дружбу и довѣренность.

Вечеру предлагалъ ему Телисмаръ разные вопросы. Онъ спросилъ его, имѣлъ ли онъ понятіе о нѣкоторыхъ наукахъ? Думаю, отвѣчалъ Альфонсѣ съ улыбкою и надежностію: недоспашка въ наученіи не было, и я все выучилъ. — „И пакъ вы вѣрно знаете Геометрію?“, — Я десять лѣтъ учился Математикѣ. — „Знаете ли отчасти Физику и Натуральную Историю?“, — Мнѣ все въ нихъ извѣстно. Сверхъ того я спраспно люблю всѣ искусства; рисованіе и музыка любимыя мои упражненія. — „И пакъ вы умѣете рисовать? Какой же родъ рисованія вы преимущественно передъ другими выбрали?“, — Я рисую цвѣты. — „Любите ли чипать?“, — Очень. — „На вашемъ языкѣ не много хорошихъ сочиненій: однакожь вы вѣрно знаете Латинской?“, — Совершенно. Судите сами: я совершенно хорошо изъяснялъ (такъ гово-

говорили мои учители) Горація и Виргилія на десятомъ еще году. — „По этому надлежало вамъ на двѣнадцатомъ году окончать ваше ученіе?„ — Точно такъ; я съ того времени не думаю уже о Латинскомъ языкѣ, чптобы пріобрѣтать другія познанія. — „И въ Геометріи, думаю, на принащцатомъ году вы такъ успѣли, что оставили Машемапику?„ — Правда. На этомъ году пристрасился я къ Литтературѣ и началъ сочинять стихи. — „И такъ вы изъ ученаго сдѣлались оспроумнымъ Писателемъ? Такое превращеніе бываетъ не всегда щасливо.„ — Стихи мои такъ полюбились, что этому меня ободрить надлежало — „Полюбились вѣрно *нѣкоторымъ* людьми?„ — Нѣтъ; могу сказать, что всѣмъ вообще. — „Да по чему же вы это узнали?„ — Это подтверждали всѣ тѣ, которые приходили къ отцу моему. — Такой отвѣтъ засмѣшилъ Телисмара улыбнуться. Онъ перемѣнилъ разговоръ, и черезъ минушу послѣ того Альфонсъ ушелъ и легъ спать, въ увѣреніи, что сообщилъ Телисмару выгоднѣйшее мнѣніе о своихъ дарованіяхъ и знаніяхъ. На другой день пришло Альфонсу на мысль, какимъ образомъ Телисмаръ

заколоаь быка булавкою близь береговъ источника любви. Онъ просилъ Телисмара располковать ему такое чудо. Телисмаръ сказалъ ему, что онъ въ прошъ день возобновилъ старое знакомство съ пріятелемъ своимъ, изъ Америки возвратившимся, которой вывезъ опшуда сильной ядъ, и подарилъ ему гоповальню съ булавкою, имъ намазанною; и что сей самой ядъ произвелъ видънное имъ дѣйствіе. Телисмаръ примолвилъ, что въ прошъ же еще вечеръ хотѣвши испытать силу яда, носилъ его съ собою (*). Болѣе

Всего

(*) Ядъ, извѣстной нѣкоторымъ дикимъ горнымъ жищелямъ въ Перу, привезенъ былъ въ 1746 году господиномъ Кондаменемъ. Сей ядъ весьма тонокъ и самой смертельной; онъ такъ скоро дѣйствуетъ, что обезьяна или попугай, окровавленные маленькою спрѣлою, которую пускаютъ дикіе изъ своихъ луковъ, тотчасъ упадаютъ. У господина Реомюра былъ двудѣпній медвѣдь, которой спяновился уже золь и опъ копсраго онъ хотѣлъ уже избавишься. На семъ звѣрѣ испытали ядъ, о которомъ ядѣсь говоритъся. Обмакнули въ него

ма-

всего удивляетъ меня то, сказалъ Альфонсъ, что я объ этомъ ядѣ ничего не слышалъ. — „Я думаю, что очень еще много такихъ вещей, о которыхъ вы ничего не слышали.“ — Конечно, нѣкоторыя мнѣ совсѣмъ неизвѣстны; однакожь число ихъ очень мало: потому что я не невѣжда и всему учился. Сверхъ того я ужасно много читалъ, наблюдалъ, испытывалъ и размышлялъ. — Альфонсъ съ такою увѣренностію превозносилъ знанія свои болѣе по тому, что не воображалъ никакой

И 2

опа-

маленькую стрѣлу и пушили ее въ спину медвѣдю; но, по видимому, его не ранили. Въ другой разъ выстрѣлили въ него: въ ту же минуту начались въ немъ конвульсіи; онъ сталъ дрожать, пѣна била у него изо рта, и черезъ полчаса миинуы онъ упалъ. Удивительно, что обезьяны и попугай, умерщвляемые симъ ядомъ, не вредны въ пищу. Въ Перу бдятъ ихъ безъ всякой предосторожности. Сахаръ отнимаетъ силу у сего страшнаго яда; собакъ и кошекъ кормили сахаромъ за четверть часа передъ шѣмъ, какъ пускали въ нихъ намазанную ядомъ стрѣлу, и ядъ не производилъ въ нихъ никакого дѣйствія.

опасности. Въ Телисмарѣ видѣлъ онѣ только проспаго человѣка, не хвалившагося науками, и думалѣ, что онѣ имѣетѣ только нѣкошорыя Ботаническія знанія; а впрочемѣ почиалѣ его весьма несвѣдущимѣ. Телисмарѣ ежеминутно ушверждалѣ его въ семѣ мнѣніи, иногда съ намѣреніемѣ, а иногда по свойственнѣй ему скромности.

Наконецѣ приплыли въ Сейшу. Телисмарѣ сказалѣ Альфонсу, чтобы онѣ жилѣ съ нимѣ, и нанялѣ себѣ весьма покойной домикѣ.

Тутѣ Гж. Добролюбова перестала читать, свернула шепрадѣ и на шѣ вечерѣ Повѣсть окончала.

На другой день просила Гж. Добролюбова дѣшей своихѣ не перерыватѣ сказки ея вопросами своими, и начала читать:

Прибывши въ Сейшу, прежде всего написалѣ Альфонсѣ къ опцу своему письмо, исполненное раскаянія и смиренія. Онѣ признался ему во всемѣ, испрашивалѣ себѣ прощенія и позволенія путешествоватѣ съ Телисмаромѣ. А какѣ Телисмарѣ хошѣлъ въ Сейшѣ побытѣ сполько времени, что Альфонсу можно было получитѣ опвѣштѣ, то онѣ всячески просилѣ опца своего опвѣчатѣ

вѣчать на его письмо, обѣщаясь исполнить приказаніе его, каково бы оно ни было; онѣ надписалъ письмо въ Португалію, будучи увѣренъ, что Донѣ Рамирѣ возвратился въ провинцію Бейру. Нѣсколько послѣ сего успокоившись, принялся Альфонсѣ за обыкновенныя свои забавы. Онѣ пѣлъ, игралъ на цитрѣ, рисовалъ цвѣты, копорые почиталъ за превосходное произведеніе, и приносилъ ихъ къ Телисмару, думая, что онѣ восхищается искусствомъ его. Однимъ ушромъ призвалъ его Телисмаръ къ себѣ въ комнашу и сказалъ ему: зная, что вы любите музыку и рисованіе, познакомлю васъ съ мальчикомъ, чрезвычайно хорошо рисующимъ въ томъ родѣ, копорой вы любите, и съ молодою дѣвушкою, весьма пріятно играющею на клавесинѣ. Искусство ихъ приведетъ васъ въ изумленіе. Они у меня въ кабинетѣ: пойдемте шуда. Телисмаръ повелъ Альфонса въ другую комнашу. Вошедши шуда, ошановились они въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей. На другомъ концѣ комнашы играла молодая дѣвушка на клавесинѣ, а подлѣ нее сидѣлъ пятилѣтній мальчикъ и рисовалъ. Поспоймъ здѣсь, казалъ Телисмаръ: дѣвушка спыдлива; на знаешъ, что вы знапокъ въ музыкѣ;

вы приведете ее въ замѣшательство, еспь-ли подойдете ближе. Въ самомъ дѣлѣ, опвѣчалъ Альфонсъ, она покраснѣлась, когда насъ увидѣла. Вы конечно примѣпи-ли и то, примолвилъ Телисмаръ, что епшь великаго движенія она насилу ды-шетъ: не видно ли эшо и опсюда? Прав-да, опвѣчалъ Альфонсъ, восхищенной ве-ликимъ дѣйствиемъ своей славы. Для обо-дренія дѣвушки кричалъ онъ нѣсколько разъ: bravo! bravo! со всюю гордостію по-лузнапоковъ, которые думаютъ, что одно-такое восклицаніе ихъ прославитъ и удо-вольсшвуетъ музыканша. Дѣвушка, про-игравши свою сонату, низко поклонилась. Альфонсъ усердно билъ въ ладони, а Те-лисмаръ, взявши его за руку, сказалъ: пойдеште смотрѣть, какъ эшошъ маль-чикъ рисуешъ; спанемъ позади его: намъ виднѣе будетъ его работа. Альфонсъ уви-дѣлъ, что мальчикъ рисовалъ въ перчаш-кахъ и безъ образца. Не удивительно ли, сказалъ Телисмаръ, что такой ребенокъ рисуешъ уже изъ головы? Посмотрите, какъ прекрасно онъ рисуешъ эшошъ цвѣпокъ! — Прекрасно, прекрасно! закричалъ Альфонсъ: рисованье самое чистое — Прекрасно, другъ мой! — коншуру бы немного пѣ, круглѣе — Такъ, такъ, хорошо — не льдѣ
луше

лучше -- и я не могъ бы лучше нарисовать. -- Похвалы не приводили въ замѣшательство мальчика. Онъ рисовалъ съ величайшею прилѣжностію, опиралъ иногда руку, разсматривалъ свою работу и сдувалъ съ бумаги мѣлкую карандашную пыль. Когда цвѣтокъ совсѣмъ былъ опдѣланъ, Альфонсъ, исполненный величайшаго удивленія, обнялъ мальчика; но вдругъ опъ изумленія поднялъ великой крикъ. Тише, тише! сказалъ съ усмѣшкою Телисмаръ: не изломайте эпова маленькаго художника. Боже мой! вскричалъ Альфонсъ: эпо кукла! Да, кукла, отвѣчалъ Телисмаръ, копорую называютъ обыкновенно Автоматъ (*). — „А музыкантша?“, Она сестра художнику. — „Да она дѣйствительно дышетъ.“, — Она дѣйствительно играетъ пальцами на клавесинѣ. Видите, что безразсудно будетъ гордиться

И 4

ся

(*) Въ 1783 году показывали сии Автоматы въ Парижѣ. Автоматъ есть слово Греческое, и значить: *я готовъ* Господинъ Кемпель Венгерецъ сдѣлалъ еще удивительнѣйшую куклу, копорая со всякимъ играетъ въ шашки. Всѣ знапки удивляются великому искусству сего Механика.

ся такимъ искусствомъ, въ которомъ намъ и самыя куклы не уступаютъ. Ахъ! сказалъ Альфонсъ: я цирру свою теперь же изломаю, а карандаши всѣ брошу. — Дурно сдѣлаете, отвѣчалъ Телимаръ: странно будетъ, естли человекъ во всю свою жизнь будетъ только играть на циррѣ и рисовать цвѣты; но никто васъ не осудитъ, когда вы такія искусства станете считать не главнымъ своимъ упражненіемъ, а пріятною забавою, и будете заниматься ими въ праздные часы, не превозносяся такимъ неважнымъ умѣньемъ.

Сіе наставленіе нѣсколько пронуло Альфонса, однакожь не могло совершенно его исправить.

Телимаръ собирался уже къ отъѣзду изъ Сейпы, но Альфонсъ не получилъ отъ отца своего никакого извѣстія. Онъ думалъ, что Донъ Рамиръ одобрялъ его предпріятіе, не поропившись отвѣчать ему; почему утвердился онъ въ своемъ намѣреніи не отспавать отъ Телимара. За нѣсколько дней до отбытія своего къ Азорскимъ островамъ, увидѣлъ Альфонсъ, что на концѣ сада, принадлежавшаго къ тому дому, въ которомъ они жили, спавили неизвѣстную ему машину. Сказали ему,

ему, что Телисмаръ приказалъ ее пущь поставишь. Почему спросилъ онъ у него, на что сія машина употребляется? Хозяинъ здѣшняго дома, отвѣчалъ ему Телисмаръ, сказывалъ мнѣ, что въ двадцать лѣтъ два раза громъ зажигалъ его домъ, а я обѣщалъ ему, что впредь никогда уже эпова не будетъ. — „Да какъ же вы это сдѣлаете?“, — Посредствомъ шой машины, которую вы видѣли. — „Да я эпова не понимаю.“ — Думаю; однакожь могу увѣришь васъ, что громъ не пойдетъ далѣе конца сада. — Въ самомъ дѣлѣ чрезъ пять дней поднялась великая буря съ громомъ и молніею. Телисмаръ подошелъ къ окну, указалъ своею палочкою на черное облако, которое показалось надъ самымъ домомъ, и сказалъ Альфонсу: посмотрите на это облако; скоро оно опъ насъ удалился, и шочно шѣмъ пушемъ, которой я предпишу ему. Я хочу, чтобы оно раскрылось и разсѣялось на концѣ эпой алеи. — Сказавши эпо, поднялъ Телисмаръ палочку свою къ облакамъ; казалось, будто бы онъ повиновались его повелѣнію и не смѣли опдалишься опъ шого пуши, которой онъ показывалъ имъ въ воздухѣ. Въ сію минуту онъ совершенно похожъ былъ на

волшебника, управляющаго стихіями посредствомъ волшебнаго жезла своего. — Чшо я вижу! вскричалъ Альфонсъ: вы по волѣ своей правите облаками! онѣ сходящяся шамѣ, гдѣ вы хопите! — Вошѣ онѣ и сошлись, опвѣчалъ Телисмарѣ: пусть пѣперь онѣ опускающяся и ударѣ упадетѣ въ прищати шагахѣ опѣ низкой спѣны. Зѣ шу же самую секунду блеснула молнія и ударѣ упалѣ въ назначенномѣ ему опѣ Телисмара мѣспѣ (*). Онѣ закрылѣ окно, вышелѣ изѣ комнашы и оставилѣ Альфонса въ величайшемѣ удивленіи.

На другой день, въ присущствіи Альфонса, получилѣ Телисмарѣ письмо опѣ Далинды, и прочиталѣ его вслухѣ; потому чшо Альфонсъ разумѣлѣ уже Шведской языкѣ, начавши учиться оному въ Гишпаніи, когда узналѣ, чшо Швеція естѣ Далиндино опечество; и путешествуя съ Телисмаромѣ, весьма успѣлѣ онѣ въ семѣ языкѣ. Далиндино письмо привело его въ восхищеніе, и онѣ не могѣ скрыть чувствѣ своихѣ. Онѣ несказанно радовался шому, чшо разумѣетѣ слова, написанныя

(*) Всѣмѣ извѣстенѣ сей электрической опышѣ Господина Докшора Франклина.

ныя рукою Далинды. Слушая пріятное описаніе мыслей и чувствъ ея, думалъ онъ, что слышитъ ее говорящую. Тогда узналъ онъ разумъ и сердце ея, и познаніе сіе навсегда утвердило въ сердцѣ его любовь, соединивши ее съ почтеніемъ. Альфонсу хотѣлось взять въ руки Далиндино письмо и посмопрѣть ея почеркъ; но Телисмаръ прочитавши, положилъ его въ ящикъ. Альфонсъ, успремивши глаза на ящикъ, не слушалъ Телисмара и былъ въ глубокомъ размышленіи. Телисмаръ взялъ тогда книгу; между тѣмъ Альфонсъ почувствовался и вышелъ вонъ. Вечеру вошелъ онъ опять въ ту же комнашу, и Телисмаръ, увидѣвши его, всталъ и сказалъ: завтра поутру отправимся мы къ Азорскимъ островамъ (*); мнѣ надобно еще многое приказать; подождите меня здѣсь;

(*) Азорскіе острова лежатъ между Африкою и Америкою, почти въ двухъ ст. хъ Французскихъ миль отъ Лиссабоны. Гонзало Велло открылъ ихъ въ срединѣ 15 вѣка, и назвалъ ихъ Азоры, т. е. ястребы; ибо сихъ птицъ весьма тамъ много. Всѣхъ острововъ девять. Ангра, на островѣ Тёрцерѣ, есть главной городъ всѣхъ острововъ.

здѣсь; черезъ полчаса я приду сюда. Сказавши сіи слова, Телисмаръ вышелъ, Альфонсъ споялъ пропивъ самаго того ящика, въ которомъ лежало Далиндино письмо; ключъ былъ оставленъ въ замкѣ. Альфонсъ почувствовалъ искушеніе, которому онъ сначала пропивился; но желаніе прочиташъ въ другой разъ Далиндино письмо, въ немъ усиливалось. Хотя онъ чувствовалъ, что сдѣлаешъ дурно; однакожь (думалъ онъ) я не хочу узнать шайноспей Телисмаровыхъ, а желаю только прочиташъ по письмо, которое онъ мнѣ самъ читалъ; новаго ничего не свѣдаю, а только Далиндину руку узнаю. Наконецъ, послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою, выгналъ онъ изъ мыслей всѣ сомнѣнія, приблизился къ ящику и съ шепетомъ взялся за ключъ; но ключъ такъ сильно ударилъ ему въ руку, что плечо, казалось ему, у него переломилось. Боже мой! закричалъ онъ: какая невидимая рука поразила меня! (*) Въ ту самую минушу дверь отворилась, и вошелъ Телисмаръ. Что вы сдѣлали? спросилъ онъ у него важнымъ голосомъ. Ахъ! отвѣчалъ

(*) Ключъ былъ наэлектризованъ.

вѣчалъ Альфонсъ: производа сверхъбеспесвеннымъ искусствомъ своимъ столько чудесъ, конечно можете вы проицать и въ самыя сокровеннѣйшія мысли: читайте же въ сердцѣ моемъ. Я вижу въ сердцѣ вашемъ побудительную причину, ошвѣчалъ Телисмаръ: однакожь она не оправдываетъ худаго поступка вашего. Подумайте, Альфонсъ, какъ дурно употребляете во зло довѣренность, и будьте увѣрены, что поспунивши такъ въ другой разъ, лишитесь вы навсегда моего къ вамъ почтенія. Эпотъ таинственнаго ключа бытъ однихъ только любопытныхъ, шѣхъ однихъ, которые берутся за него безъ моего позволенія. Теперь позволяю вамъ открыть ящикъ, и вамъ бояться уже нечего. — Альфонсъ подошелъ къ ящику и открылъ его. Правда, правда, сказалъ онъ Телисмару: вамъ все возможно. Всѣ ваши разговоры исполнены благоразумія, а дѣла ваши чудесны. Ахъ! будьте всегда наставникомъ моимъ; повиновениемъ, любовію и благодарностію моею постараюсь бытъ достойнымъ вашихъ попеченій. — Послѣ сихъ словъ Альфонсъ съ шрогашельнымъ и почтительнымъ видомъ подошелъ къ Телисмару, копорой, вмѣсто ошвѣща, нѣжно его обнялъ.

На

На другой день послѣ сего приключенія Телисмаръ и Альфонсъ сѣли на корабль и поплыли къ Азорскимъ островамъ. Путь ихъ былъ благополученъ; они пристали къ острову Св. Георгія (*), и положили путь нѣсколько дней успокоиться.

Телисмаръ нанялъ себѣ маленькой домикъ, котораго видъ ему понравился, и котораго хозяинъ былъ Шведъ, жившій путь уже чепыре года. Въ домикъ была только одна хорошая комната; почему Телисмаръ велѣлъ поставить кровать Альфонсову въ своей спальнѣ. Въ одну ночь вдругъ оба они проснулись, хотя и были въ глубокомъ снѣ. Они подумали, что трясется земля, и оба побѣжали въ маленькой садикъ, куда прибѣжалъ и хозяинъ съ людьми своими, которые чувствовали такое же потрясеніе. Принесли факелы (ибо ночь была чрезмѣрно темна), и ожидая такого же несчастія, какое Лисабона претерпѣла, въ страхѣ пробыли въ саду около трехъ часовъ. Не чувствуя въ сіе время ни малѣго въ землѣ движенія, успокоились и возвратились въ домъ.

(*) Въ двѣнадцати Французскихъ миляхъ отъ Ангры.

домъ. Однакожь Телисмаръ и Альфонсъ не захопѣли уже ложиться на постелю, и всю ночь провели въ разговорахъ.

Альфонсъ, не скрывавшій уже отъ Телисмара имени отца своего, и тысячу уже разъ рассказывавшій ему то, что чувствовалъ онъ при Лиссабонскомъ землетрясеніи, не пропустилъ сего случая рассказать все снова. Въ такихъ случаяхъ всегда пышно описывалъ онъ великолѣпной домъ Донъ Рамира, изчислялъ всѣ драгоценности, кошорыми они до того времени обладали. На разсвѣтѣ Телисмаръ и Альфонсъ подошли къ окну, изъ котораго во всѣ стороны можно было далеко видѣть. Но въ какое пришли они изумленіе, увидѣвши, что домъ и садъ ихъ совсѣмъ отъ земли опдѣлились, окружены были водою и соспаляли среди моря маленькой островъ (*). Опасность,
кошо-

(*) Въ 1755 году, въ кошоромъ разрушилась Лиссабона, было сильное землетрясеніе на островахъ Азорскихъ. На островѣ Св. Георгія землетрясеніе было столь сильно, что большая часть жилищей лишилась жизни подъ развалинами домовъ. Поушру ужасъ еще умножился явленіемъ

которой они подвержены были, ихъ ужасала, и они не понимали, какъ домъ, опнесенный опъ земли въ море на нѣсколь-ко сажень, могъ выдержатъ такое сильное потрясеніе и не развалился. Безъ сомнѣнія, сказалъ Телисмаръ, хозяинъ эпова дома человекъ добродѣтельной; конечно Божественной Промыслъ такъ чудесно сохранилъ это плѣнное зданіе. —

Телисмаръ не договорилъ еще сихъ словъ, какъ опворилась дверь и вошелъ хозяинъ. Сей почтенной старикъ подошелъ къ Телисмару, и шяжело вздохнувши, сказалъ: я пришелъ просить вашего покровительсва, не для себя, но для моего сына. Хопя уже шестъ лѣтъ изгнѣнъ я изъ опечества моего, однакожь не забылъ еще великихъ мужей, разпроспра-
няю-

емъ осьмнаццати новыхъ оспрововъ, вышедшихъ изъ моря. Сб другой стороны чувепвовали шакое потрясеніе, которое множество земли опорвало и бросило въ море. На одномъ клочкѣ былъ еще деревьями окруженной домикъ; люди, жившія тамъ, только поушру на другой день примѣшили, гдѣ они были. *Dictionnaire d'Hist. Natur. par. Mr. de Bomar, подъ словомъ, tremblement de terre.*

няющихъ его славу. Имя ваше, государь, мнѣ извѣстно. Знаю, что нашъ Король, покровитель великихъ дарованій и наукъ, особенно васъ уважаетъ. Я осмѣливаюсь просить у васъ одобрительныхъ писемъ для сына моего. — „Вы возвращаетесь въ наше опечество?“, — Такъ, государь. — „Что понудило васъ оставить его?“, — Родъ мой самой низкой; однакожь и въ самой бѣдности нашелъ я средствъ хорошо воспитать сына моего. Онъ такъ хорошо воспользовался попеченіями моими, что въ двашцать пять лѣтъ достоинствами своими приобрѣлъ себѣ почтенной и доходной чинъ. Черезъ нѣкопоре время влюбился онъ въ одну достойную и богатую дѣвицу. Онъ уже помолвилъ на ней жениться, какъ самое несчастнѣйшее приключеніе принудило меня оставить опечество мое. Въ домѣ у меня жилъ закипной купецъ: поутру нашли его убитого на постелѣ, а сундукъ его разломанной и разграбленной. Всѣ его люди забраны были въ судъ, а я произвольно отдался подѣспражу. Злодѣй, виновникъ убивства, оклеветалъ меня. У меня были недоброжелатели; дѣло пошло въ худую спорону — однакожь спараніемъ моего сына

и покровителей его дѣло кончилось шѣмѣ, что мнѣ возвратили свободу, не могли сыскать пропивѣ меня доказательствѣ. Но честь моя поспрадала; не хотѣвши поносно жить шамѣ, гдѣ прежде пользовался общимѣ уваженіемѣ, рѣшился я оставить опечество свое. Я скрывалѣ отѣ сына намѣреніе мое: однакожь кѣ поступкамѣ моимѣ имѣлѣ онѣ такое вниманіе, что мысли мои не могли отѣ него скрыться. Я продалѣ небольшое имѣніе свое, и ночью тихонько уѣхалѣ. Мнѣ жаль было одного только моего сына; однакожь я оставилѣ его вѣ хорошемѣ состояніи, и зналѣ, что любимая имѣ особа, не взирая на несчастіе наше, не перемѣняла кѣ нему прежней своей нѣжности. Это меня упѣшало вѣ злополучіи моемѣ. Я ѣхалѣ вѣ почтовой коляскѣ, и по наступленіи дня увидѣлѣ, что меня провожалѣ какой-то верховой, ѣхавшій вѣ нѣкоторомѣ разстояніи отѣ моей коляски. Я высунулѣ изѣ коляски голову, и — что почувствовалѣ я, узнавши моего сына! Что происходило тогда вѣ душѣ моей, того описать не лзя. Я выскочилѣ изѣ коляски и бросился кѣ сыну моему вѣ объятія. Что ты сдѣлалѣ! вскричалѣ я вѣ горести, — Дол-
жностѣ

жность мою, перервалъ онъ. Но какое первое намѣреніе? продолжалъ я, омочая его слезами. — „Слѣдовашъ за вами, и посвящипшь вамъ жизнь, коѣною вамъ обязанъ.„ — И пожертвовашъ мнѣ своимъ чиномъ, щастіемъ своимъ? — „Я все для васъ оставилъ, все! даже и шу, коѣною любилъ Вы видипте слезы мои, однакожь будьте увѣрены, любезной родителъ, будьте увѣрены, что я съ радостію жертвую любовью сыновней должности.„ — Есшьли ты зналъ нещастное мое намѣреніе, по для чего же ты не старался уговорить меня оставить его? Развѣ ты не зналъ власти своей надо мною? — „Обстоятельства васъ обвиняющъ: это ужасное нещастіе умножило во мнѣ почтеніе и любовь къ вамъ. Вы лишились чести, и бѣгство было необходимо. Но осталась у васъ невинность и добродѣтель; онъ васъ упѣшашъ должны.„ — Да развѣ могу я не крушиться о швоей судьбѣ? — „О моей судьбѣ? Судьба моя самая благополучная. Я могу доказать родителю моему любовь и благодарность мою; я могу замѣнить ему все потерянное. Рука моя опретъ слезы его, а ревность и нѣжность моя изсушашъ источникъ ихъ. О родителъ мой!

мой! любовь и почтительность сына вашего испрепятъ наконецъ у васъ изъ памяти несправедливое опечество, неблагодарныхъ родственниковъ и невѣрныхъ друзей. Богъ опредѣлилъ мнѣ исполнить всѣ священныя должности Природы: и вы можете крушиться о судьбѣ моей? Нѣтъ! вы, будучи донынѣ примѣромъ хорошаго отца, насладились истинною славою и рѣдкимъ щаспемъ, воспитавши попеченіями своими достойнаго васъ сына! „ —

Вы сами отецъ, продолжалъ спарикъ: по чему вамъ не прудно вообразить, какое утѣшеніе чувствовало сердце мое среди самаго злополучія. Путешествовавши два года, поселились мы на эпомъ островѣ. Сынъ мой вошелъ въ иѣкошерыя шорги, купилъ эпомъ домикъ, и жизнь наша была тиха и спокойна. Я думалъ здѣсь окончать жизнь мою, но за два мѣсяца передъ симъ получили мы изъ опечества нашего такое извѣстіе, которое перемѣнило намѣреніе наше. Невинность моя совершенно открылась. Убийца былъ освобожденъ; однакожь за новыя злодѣянія осудили его на смерть. Передъ концемъ своимъ признался онъ и въ томъ убивствѣ, которымъ обвинялъ меня. Увѣдомляли насъ и о томъ, что бывшая не-
вѣспа

вѣста сына моего была еще не замужемъ. Топчасѣ рѣшился я возвратиться въ опечесиво мое. Черезъ шесть мѣсяцевъ положили мы отправиться въ путь; но нынѣшнее несчастіе, потери дома, которой хотя еще и цѣль, однакожь ни къ чему не годился, заславляетъ насъ поскорѣе ѣхать. По чему еще прошу васъ, государь, пожаловать намъ одобришельныя письма. —

Я дамъ ихъ вамъ, отвѣчалъ Телисмаръ съ жаромъ, и дамъ такія, какихъ бы вы и отъ самаго роднаго брата и лучшаго друга едва ли ожидать могли. Будьте увѣрены, что правосудной и благодѣшельной Мэнархъ нашъ наградитъ добродѣшель сына вашего по достоинству. — Ахъ, милостивой государь! воскликнулъ спарикъ, проливая радостныя слезы: позвольте мнѣ позвать сюда сына моего. — Не дожидавшись отвѣта, съ поспѣшноспію онъ вышелъ. Телисмаръ оборотился къ Альфонсу, увидѣлъ его облокотившагося на стулъ, печальнаго и закрывшаго лице свое руками. Телисмаръ примѣшилъ, что онъ плакалъ. Для чего, сказалъ онъ, скрываете вы отъ меня слезы свои? Пусть онъ капаются; онъ дѣлаютъ честь вашему сердцу, — Телисмаръ

I 3

смарѢ обманывался; онѢ приписывалѢ слезы сіи чувствительности, но онѢ шекли отѢ раскаяніа и угрызения совѣсти. КакимѢ преступникомѢ казался себѢ АльфонсѢ, сравнивая поступокѢ свой сѢ поступками шого молодаго человекѢ, котораго исторію онѢ слышалѢ! Сія прогашельная повѣсть терзала сердце его, и превратила для него вѢ горестѢ по сладостное чувство удивленія, которое производилѢ добродѣшель.

СтарикѢ возвратился. ОнѢ велѢ за руку сына. ТелисмарѢ обнялѢ добродѣшельнаго юношу, возобновилѢ данное отцу его обѣщаніе, и оппустилѢ отѢ себя обоихѢ сѢ радостными и благодарности исполненными сердцами.

Между шѢмѢ многіе островскіе жители приплыли вѢ легкихѢ баркахѢ, чтобы узнать участь жителей маленькаго домика, которой они увидѣли поупру совсѣмѢ отдѣленной отѢ земли. Они уведомили Телисмара, что всѢ дома, бывшіе близѢ домика Зуласкіа (шакѢ назывался молодой добродѣшельной человекѢ), которой спасся споль чудесно, упали и разрушились. ТелисмарѢ и АльфонсѢ сѣли на барку и велѣли себя везти на шу часть острова, которая менѢе прочихѢ отѢ земле-
шрѣ

трясенія потерпѣла; но опплавивши нѣсколь-
ко сажень, пришли они въ величайшее
удивленіе, увидѣвши осмьнаццаць новыхъ
острововъ, выходящихъ изъ моря. Но-
вое швореніе правосуднаго и милоспиваго
Бога! воскликнулъ Телисмаръ: новорожден-
ные острова! какъ видѣ вашъ шрогаешъ
сердце мое! Скоро прилѣжность человѣче-
ская сдѣлаешъ васъ плодородными: о ест-
ли бы обитали на васъ полько одни до-
бродѣшельныя люди! — Проплывши мимо
нѣкоторыхъ острововъ, приспали они къ
берегу: Телисмаръ выбралъ себѣ домикъ
для жилища, куда ввечеру пришелъ къ не-
му Зуласки. Онъ опправлялся на па-
комъ кораблѣ, кошорому надлежало плышь
въ Лиссабону; почему Альфонсъ далъ ему два
письма: одно къ отцу своему, въ кото-
ромъ онъ увѣдомлялъ его о всѣхъ шѣхъ
мѣспяхъ, гдѣ онъ нѣсколько времени про-
бышь думалъ, и убѣдительно просилъ его
писашъ къ нему и объявишь свою волю;
а другое къ одному молодому чело-
вѣку, жившему въ провинціи Бейръ,
въ кошоромъ онъ просилъ увѣдомишь его
о Донѣ Рамирѣ, и сообщалъ ему самыя
подробныя дневныя записки пупешествія
своего. Зуласки, взявши письма отъ не-
го и отъ Телисмара, немедленно оппра-

вился въ путь; а чрезъ нѣсколько дней и Телисмаръ съ Альфонсомъ сѣли на корабль и поплыли къ островамъ Канарскимъ (*).

Телисмаръ долго пробылъ на островѣ Teneriffъ. Прежде всего осмотрѣлъ онъ удивительной Каншонъ, лежащей между Рошавою и Ріалео (**). Все, что въ Природѣ величественно, пріятно и полезно, все найдешь тутъ въ изобиліи: зеленію покрытыя горы, плодоносныя луга, по-
ля

(*) Сіи острова, числомъ семь, суть Тенерифа, великая Канарія, Гомера, Пальма, Ферро, Ландерошпа и Форта-Веншура. Первое открытіе ихъ произвело великую распрю между Гишпанцами и Португальцами, исключительно сію честь себѣ присвоившими. Но извѣстно, что Гишпанцы, съ помощію Англичанъ, сперва ихъ завоевали. Кромѣ сихъ семи острововъ, есть еще шесть маленькихъ, которые окружаютъ Ландерошпу. Канарскіе острова извѣстны были и самымъ древнимъ, которые называли ихъ Щасливыми Островами.

(**) Два города на Тенерифѣ. Лагуна есть главной городъ сего острова. Онъ лежитъ на берегу озера, по которому даде ему имя. Гишпанцы во время завоеванія

ля съ сахарнымъ тростникомъ, каменныя горы, изъ кошорыхъ текутъ рѣки чистѣйшей воды, виноградники, всегда зеленеющіяся лѣса и пѣни (*). Телисмаръ и Альфонсъ не могли скоро оставить сего прекраснаго мѣста. Они пробыли тутъ цѣлой день; но прогуливались, по сиделись подъ пѣнь явора и читали нѣкопоруя мѣста изъ Овидіевыхъ Превращеній, или изъ Камосенсовой поэмы. Альфонсъ, наполнившій воображеніе свое баснословными понятіями, захопѣлъ на корѣ дерева вырѣзать чшыре стиха, кошорые онъ лишь полью сочинилъ. Онъ подошелъ къ большему дереву, похожему на сосну, вынулъ изъ кармана ножъ и воткнулъ его въ юру дерева. Едва полько спалъ онъ рѣзать первую букву, какъ увидѣлъ текущую изъ дерева кровь (**).

І 5

Во-

ванія сихъ острововъ, около 1417 года, назвали тамошнихъ жителей Гуанхесами. Городъ Гвимаъ, на островѣ Teneriff, населенъ почти одними потомками сихъ древнихъ Гуанхесовъ.

(*) Исторія о Сприспвіахъ вообще, Томъ I.

(**) Сіе дерево называется обыкновенно драконное дерево *arbre-dragon*, *Drachenbaum*.

Боша-

Вообразивши, что онъ ранилъ превращенную Нимфу, съ претепомъ отскочилъ онъ назадъ; пагубной ножъ вышаль у него изъ рукъ. Телисмаръ улыбнулся и ободрилъ его, увѣряя, что шупъ нѣшъ ничего печальнаго и удивительнаго. — Телисмаръ пробылъ нѣсколько дней въ Лагунѣ, хорошемъ и большомъ городѣ, въ которомъ почти всѣ дома украшены парперами и перрасами, пересѣкаемыми длинными алсями изъ оранжевыхъ и лимонныхъ деревъ; ручьи, сады, роши, озеро, водяной спускъ, и легкіе вѣтры, охлаждающіе всѣ па-

мошнія

Ботаники раздѣляютъ сіе дерево на четыре рода. Распущее на Канарскихъ островахъ похоже издали на сосну; плоды его круглы, величиною съ большую горошину, желповати и немного кислы. Шероховатой стволъ его во многихъ мѣстахъ прескается, амзъ сихъ прещинъ во время каникуловъвыходитъ подобной крови сокъ, сгущающійся въ красныхъ капляхъ, которыя сначала бывающъ мягки, по томъ сухи, и наконецъ удобно въ порошокъ расширяся могушъ. Вотъ подлинная и натуральная драконова кровь, продаваемая въ лавкѣ и употребляемая въ аптекахъ. Естль кожу разрѣжешь, те помечетъ сокъ.

мошнія мѣста, дѣлають пребываніе въ семъ городѣ весьма пріятнымъ.

Телисмаръ осмотрѣлъ многіе другіе города и пріѣхалъ въ Гвимаръ, городъ, въ которомъ живетъ множество семействъ, произшедшихъ отъ древнихъ Гуанхесовъ, первыхъ жителей сихъ острововъ. Помощи сего дикаго народа, оставши отъ идолопоклонства, сохранили еще до нынѣ закрубѣлыя свои нравы и большую часть своихъ обрядовъ.

Въ одинъ день Альфонсъ прогуливался въ окрестностяхъ Гвимарскихъ, и мечтательное воображеніе завело его въ непроходимой почти лѣсѣ, въ которомъ онъ заблудился. Хотѣвши опять выйти на дорогу, зашелъ онъ въ такую густоту, изъ которой онъ насилу выдрался, и вышелъ въ пустыню, гдѣ не было ни лѣса, ни травы; вся равнина была покрыта камнями и окружена горами. При такомъ уныломъ видѣ Альфонсъ вздохнулъ и вспомнилъ, что Телисмаръ нѣсколько разъ совѣщивалъ ему брать съ собою проводника; но поздно уже онъ сіе вспомнилъ. Между тѣмъ наступала ночь. Альфонсъ шелъ еще нѣсколько времени; но наконецъ, утомившись, взошелъ онъ на пригорокъ, покрытой кустарникомъ и

безпо-

беспорядочными кучами большихъ камней. Альфонсъ сѣлъ на одинъ большой камень, опѣ чего другіе камни потеряли равновѣсіе, упали и покапились съ шумомъ. Альфонсъ опбѣжалъ нѣсколько шаговъ, чпобы не попалъ подѣ камень; но оборотившись, увидѣлъ, что разпавшіеся камни покрывали дыру, въ которую можно было пройти человѣку. Онъ подошелъ и посмотрѣлъ въ отвѣрстіе, въ которомъ къ удивленію своему увидѣлъ онъ ступени. Будучи побуждаемъ величайшимъ любопытствомъ, осмѣлился онъ сойти по весьма крупной лѣстницѣ въ подземную пещеру. Спавши на землю, поднялъ онъ голову вверхъ и не видѣлъ уже свѣта. Онъ кошѣлъ ипши назадъ; но посмотрѣвши впередъ, увидѣлъ въ отдаленіи свѣтъ. Онъ немедленно рѣшился: и обѣщая себѣ чрезвычайное приключеніе, пошелъ впередъ. Длинные темные переходы привели его къ пространной пещерѣ, которая освѣщена была многими лампадами, повѣшенными на сводѣ. Альфонсъ осмотрѣлся вокругъ, и увидѣлъ болѣе двухъ сотъ человеческихъ шруповъ, поставленныхъ въ порядкѣ подѣ стѣнъ сей печальной пещеры.

Въ какое страшное мѣсто завела меня неосторожность моя! воскликнулъ Альфонсъ: эта пещера, подобная Полифемовой, должна быть ужаснымъ жилищемъ безчеловѣчнаго разбойника; безъ сомнѣнiя всѣ видимыя шрупы суть жертвы свирѣпства этова чудовища. Ахъ! хопя и не имѣю благоразумiя Улиссава, однакожь въ мужествѣ по крайней мѣрѣ не уступлю ему. — Сказавши сiи слова, онъ вынулъ шпагу и приготовился дорого продать жизнь, свою. Онъ не хопѣлъ бѣжать, бояся, чпобы въ тѣсныхъ и темныхъ переходахъ на него не напали. Въ пещерѣ надѣялся онъ лучше защитить себя, и сверхъ того увѣренъ былъ, что разбойники завалили уже входъ оной. Между тѣмъ въ пещерѣ все еще была глубокая тишина, и онъ имѣлъ довольно времени разсмотрѣть печальныя и страшныя предметы, его окружавшiе. Онъ примѣтилъ, что ни одинъ еще шрупъ не начиналъ плѣсть, и не чувствовалъ ни малаго зловонiя; кожа и всѣ чрслы лица ни мало не перемѣнили еще вида своего. Альфонсъ погружался въ глубокихъ размышленiяхъ, какъ вдругъ услышалъ идущихъ людей; онъ спалъ подслушивая, и услышалъ нѣсколько голосовъ, говорившихъ неизвѣстнымъ ему языкомъ.

Альфонсъ не хотѣлъ начинать битвы, еспли на него не вздумающъ напасть. Онъ прислонился къ стѣнѣ, спряталъ за спину шпагу и споялъ шихо. Черезъ нѣсколько минутъ вошли двѣнадцать человекъ, весьма спранно одѣтыхъ, которые входили медленно по двое въ рядъ. Важныя и спокойныя лица ихъ не предвѣщали ему никакого злаго намѣренія. Но увидѣвши Альфонса, подняли они спрашной крикъ; свирѣпство и неудовольствіе изобразились на ихъ лицахъ. Поспѣшно спали они въ кучу, вынули долги кинжалы, висѣвшіе у нихъ на кушакахъ, и всѣ вдругъ бросились на Альфонса. Альфонсъ выхватилъ свою шпагу и встрѣшилъ ихъ неустрашимо. Битва была кровопролитна и упорна: искусство и храбрость Альфонсовы одолѣли силу; и хопя только былъ онъ одинъ противъ двѣнадцати, однакожь одержалъ побѣду. Онъ получилъ только двѣ легкія раны; большая часть его противниковъ легла на мѣстѣ, а прочіе въ страхъ ушли. Альфонсъ, ославшись опять одинъ въ пещерѣ, разодралъ свой плашокъ и привязалъ его къ ранамъ своимъ подвязками; по томъ перерубилъ шпагою веревку, на кошорой висѣла лампада,

ища, взявъ лампаду въ руки и немедленно пошелъ вонъ. Онъ прошелъ темные переходы, пришелъ къ лѣстницѣ, поспѣшно взшелъ по ней, и, нашедши отверзшяе, съ восхищеніемъ выпрыгнувъ изъ сей ужасной пропасты. Ему казалось, что онъ вышелъ изъ ада и съ чистымъ воздухомъ вдыхалъ новую жизнь. О родилель мой! воскликнулъ онъ, смотря на небо: о Далинда! — любезной Телисмарѣ! — и такъ я опять могу увидѣть васъ? Вы одни привязываете меня къ жизни: могу ли не любить ее, когда она васъ мнѣ возвращаетъ? —

Когда вошелъ Альфонсъ въ отверзшяе, тогда день уже кончался, а опшуда вышелъ онъ въ самую полночь. При свѣтѣ луны и звѣздъ удалился онъ отъ печальнаго мѣста, и, ходивши около прехъ часовъ, подошелъ онъ на разсвѣтѣ къ озеру, окруженному лимонными деревьями. Жажда мучила его: видѣ чистой воды оживилъ его силы и бодрость. Онъ утолилъ жажду свою и съѣлъ нѣсколько дикихъ плодовъ; однакожь такъ ослабѣлъ и упомился, что не могъ итти далѣе. Онъ легъ на траву, противъ зеленію покрытой горы, на которой по мѣстамъ

росли

росли дерева: Около прехъ четвертей часа опдыхалъ онъ въ семь пустынномъ мѣстѣ, какъ небо покрылось вдругъ облаками. Поднялся великой вѣтръ и пошелъ дождь. Черезъ минушу дождь переспалъ, но вѣтръ усилился. Альфонсъ вспалъ, посмотрѣлъ на гору, и самое чудное зрѣлище привлекло на себя вниманіе и взоры его. На верьху горы увидѣлъ онъ ужасной величины сполбъ, снизу золошаго цвѣта, копорой, подымаяся выше и выше, казался наконецъ темноіолетовымъ. Сей сполбъ спремительно подымался спъ горы, ломая и низвергая всѣ деревья, копорыя онъ захватывалъ. Листья и вѣтви припягивалъ онъ къ себѣ и глошалъ, вырывалъ кусты съ корнями, и достигши подошвы горы, перешелъ черезъ ровъ, копорой наполнилъ онъ камнями и землю. Путь свой означалъ онъ глубокими бороздами, и въ страшномъ и спремительномъ своемъ печеніи дѣлалъ такой шумъ, копорой уподоблялся реву вола. Сей ужасной сполбъ пошелъ къ озеру, спянулъ изъ него воду, и, перешедши черезъ него, совсѣмъ его высушилъ; по томъ обратился къ сѣверу и
въ

въ лѣсу исчезъ (*). Послѣ сего явленія
пошелъ превеликой градъ; градины по-
Часть XI. No. 37. К хожи

(*) Такой столпъ есть густое облако, сжа-
шое въ малое пространство прошивными
вѣтрами, которые вѣяніемъ своимъ да-
ютъ облаку образъ цилиндрическаго вих-
ря, и дѣлаютъ то, что вода низпадаетъ
вдругъ подъ сею цилиндрическою фигу-
рою. Количество воды столпъ велико и
паденіе ея столпъ быстро, что естли
бы такой водяной столпъ нашелъ на ко-
рабль, то онъ бы въ минуту погонулъ.
Въ 1755 году, въ Іюль мѣсяцѣ, съ гро-
мовымъ ударомъ упало въ Баваріи цѣ-
лое облако, которое неслоя перпенди-
кулярно въ образъ водянаго столпа. Сей
вихрь, несся черезъ прудъ, выпянулъ
въ себя воду, поднялъ ее на чрезвычай-
ную вышину и разсѣялъ ее наконецъ съ
такою силою, что она уподобилась гу-
стому дыму. Облако низровергло въ
теченіи своемъ множество домовъ и нѣ-
сколько деревъ. Другое подобное сему
явленіе было 17 Августа, 1750 года,
при Балтійскомъ морѣ. Вѣтръ несъ по
землѣ водяной столпъ, которой соеди-
ненъ былъ съ густымъ облакомъ; онъ
пришлягивалъ къ себѣ все, что ему по-
падалось: хлѣбные снопы, кусты и
вѣтви,

хожи были образомъ на звѣзду, и за ними валилися великіе куски льду, похожіе
фи-

вѣшви, поднималъ ихъ въ вышину фушовъ на шрипцать, перемѣшивалъ все вмѣспѣ и послѣ ронялъ по маленькимъ часпицамъ. Уптверждають, что пушечными выспрѣлами можно такой водяной столпъ разбишь и раздѣлишь. Есть еще другой родъ водяныхъ столповъ, именуемыхъ Тифонами, которые не отъ облаковъ низходящъ, но отъ моря къ облакамъ поднимающся. Сии Тифоны производящъ единственнo отъ подземнаго огня: ибо море бываетъ тогда въ великомъ волненіи, а воздухъ наполненъ сѣрными парами. Отъ шаковыхъ Тифоновъ получаешъ небо, ешлы нѣшъ на немъ облаковъ, видъ красной мѣди.

Въ Извѣстіяхъ Академіи Спокгольмской пишушъ, что въ 1746 году, Августа 17, близъ Ниспада видѣли водяной столпъ, которой отъ земли подымался, припятивалъ къ себѣ солому и снопы, и малые кусты вырывалъ изъ корня. Въ 1727 году въ Безирсѣ видѣли еще чуднѣйшій. Сей столпъ похожъ былъ цвѣшомъ на вiолетъ; онъ отрывалъ множество оливковыхъ опраслей, вырывалъ изъ корня дерева, пе-
ре-

фигурою своею на кинжальной клинокѣ (*). Альфонсѣ подбѣжалъ подѣ дерево и

К 2

дер-

ренесѣ большое орѣховое дерево за 40 или 50 шаговѣ въ другое мѣсто, и означалъ путь свой весьма гладкою дорогою, по которой можно было бѣхашъ премѣ карешамѣ рядомѣ. Онѣ былѣ провождаемѣ густымѣ дымомѣ и такимѣ шумомѣ, копорой уподоблялся шуму волнѣ морскихѣ. Другой водяной столпѣ въ томѣ же году явился въ ла Бри. Переходя черезѣ ровѣ, наполнилѣ онѣ его землею и камнями, и означалъ путь свой бороздами.

Вѣ 1776 году видѣли въ Каркассонѣ довольно высокой столпѣ; казалось, что онѣ сходилъ съ сосѣдственной горы. Цвѣтѣ его снизу до середины былѣ темножелтой, а сверху пламенной. Шумѣ его уподоблялся реву многихѣ валовѣ; онѣ вошелѣ въ рѣку Ауду, въ копорой много высушилѣ воды.

- (*) Вѣ 1740 году выпалѣ въ Римѣ градѣ, копорого градины были величиною въ куриное яйцо. Вѣ 1738 году въ Тирингенѣ падали градины величиною въ гусиное яйцо. Валладѣ въ описаніи Оркадскихѣ острововѣ увѣряетѣ, что въ Іюль мѣсяцѣ, 1680 года, въ ненастное время

держалъ шляпу надъ головою, чтобы за-
щипить свое лице. Руки его во многихъ
мѣстахъ были изранены. Наконецъ буря
ушла и градъ иппи пересталъ; небо
вдругъ прояснилось, и Альфонсъ изумлен-
ной, израненной, разбитой, страдающей
отъ голода и жажды, съ печалію опять
пошелъ далѣе. Черезъ четверть часа съ
несказанною радостію увидѣлъ онъ жили-
ще. Желаніе поскорѣе туда приппи укрѣ-
пило

время падали куски льду толщиной въ
футъ. Моршонъ въ Нормампшонѣ ви-
дѣлъ въ 1695 году во время бури та-
кіе куски льду, копорые длиною были
въ два дюйма, а толщиной въ одинъ
дюймъ. Сверхъ того нашелъ онъ сфе-
рически образованныя градины, копорыя
въ діаметрѣ имѣли дюймъ, и на копо-
рыхъ видно было пять лучей, образо-
вавшихъ нѣкоторой родъ звѣзды. Въ
1720 году въ Крембсѣ шелъ такой круп-
ной градъ, что нѣкоторыя градины
были въсомъ въ шесть фунтовъ. Нице-
форусъ Каллистусъ повѣствуетъ, что
послѣ того, какъ Аларикъ завоевалъ
Римъ, падали во многихъ мѣстахъ гра-
дины въсомъ въ восемь фунтовъ. Въ
724 году близъ Опюна въ Бургоніи
упала

ило изпощенныя силы его. Сей маленькой домикъ принадлежалъ Гишпанцу, которой принялъ его ласково. АльфонсѢ сказалъ ему, что на него нападали разбойники. Гишпанецъ увѣдомилъ его, что опѢ Гвимара былъ онѢ только въ двухъ миляхъ съ половиною.

АльфонсѢ, будучи не въ состояніи итти пѢшкомъ, рѣшился шупѢ нѣсколько дней успокоиться. ОнѢ написалъ къ Телисмару письмо, которое Гишпанецъ обѣщалъ опослать. По шомъ воспользовался АльфонсѢ предложеніемъ сожалительнаго хозяина своего, не много поѣлъ, далъ перевязать себѢ раны и легъ на хорошую постелю, которую для него приготовили. Проспавши три или четыре часа, онѢ

К 3

про-

упала съ градомъ льдина длиною въ 16 фушовъ, шириною въ 7, а толщиною въ 2 фуша. Въ 1723 году въ ЛейсестрѢ падали куски льду въ 5 дюймовъ въ діаметрѢ. Въ славную бурю въ Пикардіи, 1722 года въ АвгустѢ мѣсяцѢ, самыя малѣйшія градины были въсомъ въ фунтѢ, а самыя большія въ восемь; во время града блиспала молнія. Многія градины были съ однимъ или двумя острыми рожками.

проснулся, вспалъ, одѣлся, и первой чело-
вѣкъ, попавшійся ему на встрѣчу, когда
онъ вышелъ изъ комнапы, былъ Тели-
смаръ. Онъ бросился къ нему въ объятія,
и Телисмаръ прижималъ его къ сердцу сво-
ему съ такою нѣжноспію, что онъ при-
шелъ въ восхищеніе. Онъ началъ было
разсказывать приключеніе свое, но Тели-
смаръ не далъ ему говорить, сказавши:
нынѣ не хочу я ничего знать, думая
только о вашемъ здоровьи. Намъ дожи-
дается карета; пойдете поблагодарить
великодушнаго Гишпанца, которой спа-
рался помочь вамъ въ нуждѣ, и возвра-
тимся въ Гвимаръ. Въ самую сію мину-
пу вошелъ Гишпанецъ и привелъ съ со-
бою того челоѣка, которому поручено
было опнести къ Телисмару письмоцо отъ
Альфонса; онъ принесъ его назадъ, гово-
ря, что не засталъ уже Телисмара
въ Гвимаръ. Да какъ же, спросилъ Аль-
фонсъ у Телисмара, узнали вы, гдѣ я,
не получивши моей записки? Послѣ уже
скажу вамъ это, отвѣчалъ Телисмаръ съ
улыбкою: а теперь, пока еще не смерклось,
поскорѣ поѣдемъ.

Альфонсъ изъяснилъ хозяину всю свою
благодарность, сѣлъ съ Телисмаромъ въ
карету и поѣхали въ Гвимаръ. Ему не

позволено было говорить во всю дорогу; а приѣхавши положилъ его Телисмаръ на постелю, Альфонсъ спалъ двѣнадцать часовъ, и проснулся въ совершенномъ здоровьи. Тогда спрашивалъ у него Телисмаръ подробно о всѣхъ его приключеніяхъ. Альфонсъ предварилъ Телисмара, что онъ будетъ рассказывать ему такія чрезвычайности и чудесности, которыя могутъ привести въ подозрѣніе правдивость его. Однакожь безъ всякаго удивленія слушалъ Телисмаръ исторію его, касательно до пещеры; сіе равнодушіе привело Альфонса въ изумленіе, котораго онъ не могъ скрыть.

Любезной Альфонсъ! сказалъ Телисмаръ: естли бы вы были поразсудительнѣе и не такъ щеславны, то не подверглись бы такой ужасной опасности, и все это приключеніе не показалось бы вамъ никакъ чудеснымъ. Понимаю, опвѣчалъ Альфонсъ, что по основательномъ размышленіи послушался бы я совѣща вашего, и не пошелъ бы безъ проводника въ неизвѣстныя мѣста; но почему щеславіе умножаетъ мое изумленіе? — „Безъ него, повторяю вамъ, не подверглись бы вы опасности. Вездѣ, гдѣ мы ни были, спарались вы обыкновенно по-

казываться ученымъ и удивлять всѣхъ людей разсказываніемъ пѣхъ чудесностей, копорыя вы видѣли. Мы видѣли многихъ славныхъ Механиковъ, Геометровъ, Бопаниковъ, Аспрономовъ: вы имъ всегда много разсказывали, не хотѣвши ни минушы слушать ихъ. Пріѣхавши въ новую землю, и могши говорить съ нѣкоторыми жителями, боишесь вы о чемъ нибудь ихъ спрашивать, а спѣшите только научить ихъ всему тому, что сами знаете. Такая безразсудность не даетъ людямъ хорошаго понятія о разумѣ вашемъ, и всѣ наши путешествія дѣлаются для васъ бесполезными. На прим. если бы вы здѣсь вмѣсто того, чтобы нѣсколько разъ разсказывать все случившееся съ нами на Азорскихъ островахъ, разспросили обстоятельнѣе о здѣшной землѣ и первыхъ жителяхъ ея: то ваша пещера не показалась бы вамъ чудесною, и вы бы узнали, что не подвергая опасности жизни своей, не могли вы туда войти., — Какъ? — „Эта пещера есть подземное кладбище Гуанхесовъ. Такія древнія пещеры разсѣяны по дикимъ мѣстамъ, и только однимъ Гуанхесамъ извѣстны, которые всячески спараются сокрывать входы ихъ. Тайно входятъ они

они шуда, и еспьли найдупъ памъ чужеземца, по почишашъ его за посрамителя шайнспвъ своихъ и за посвященную смерти жершву, и по варварскому сусвѣрїю почишашъ за должностъ умертвить его (*).,, — По крайней мѣрѣ, сказалъ

К 5

Аль-

(*) Эденсъ, Англійскій путешественникъ, повѣствуетъ, что онъ, будучи Докторомъ, показалъ жителямъ Канарскихъ острововъ великія услуги, и за то получилъ позволеніе посѣщать подземныя ихъ кладбища: зрѣлище, къ которому никого иначе не допускаютъ, и копорымъ не лзя пользоваться противъ воли ихъ, не подвергнувши жизни своей величайшей опасности.

„Они имѣютъ величайшее почтеніе къ шрупамъ предковъ своихъ, и любопытство чужеземцевъ почишашъ за оскорненіе ихъ. Сїи пещеры сущъ издревле высѣченныя въ каменныхъ горахъ глубокія отвѣрстія, а иныя самою Природою пригошвлены. Трупы зашпы въ козы кожи ремнями изъ той же матерїи, и швы такъ равны и гладки, что не лзя не удивляться великому искусству. Но всего удивительнѣе то, что всѣ шѣла совершенно почти цѣлы. Увидишь глаза

(только

Альфонсѣ съ нѣкоторымъ негодованіемъ, безразсудности и невѣжеству своему обязанъ я шѣмъ, что узналъ такіа чудныя пещеры. — „Я ни съ кѣмъ не дрался, не шерпѣлъ ни голода, ни жажды, ни другихъ безпокойствъ; не оскорбилъ я и дружбы ужаснымъ страхомъ: однакожь мнѣ удалось быть въ кладбищѣ Гуанхесовъ.,, — Да какъ же вы шамъ были? — „Я зналъ,

(только закрытые), волосы, уши, носъ, губы, зубы, бороду. Въ одинъ день, какъ Авторъ сего повѣствованія ловилъ кроликовъ колонокомъ, потерялъ сей звѣрокъ въ одной ямѣ колокольчикъ, которой былъ у него на шеи, и самъ пропалъ шумъ же, такъ что не видно было и слѣдовъ его. Охотникъ, которому онъ принадлежалъ, искавши его между камнями и кусками, нашелъ входъ въ подземное кладбище Гуанхесовъ. Онъ вошелъ туда, и проч.

Если повѣрить старымъ Гуанхесамъ, то между предками ихъ было особое колѣно, которое знало искусство бальзамировать шѣла, хранимое ими какъ священное таинство. Самое сіе колѣно составляло священство; и священники не смѣшивались браками съ дру-

гами

зналъ, что есть такія пещеры; мнѣ хотѣлось осмошрѣть ихъ; одному Гуанхессу оказалъ я важныя услуги, и уговорилъ его сводить меня шайно въ кладбище свое., — Альфонсу опшвѣчать было не чего; онѣ пошупилъ глаза въ землю и молчалъ.

Черезъ минушу сказалъ онѣ: одна-кожь я надѣюсь сказать вамѣ такое, что приведетъ васѣ въ нѣкошорое удивленіе.

Вы-

гими колѣнами. Но по завоеваніи оспрова большая часть сихъ священниковѣ была испреблена Гишпанцами, и шамство ихъ съ ними умерло. Преданіе сохранило шолько нѣкошорую часть принадлежностей къ сей работѣ., *Исторія о странствіяхъ вообще*, Томъ I.

Египтяне бодѣ всѣхъ прочихъ древнихъ народовѣ упражнялись въ бальзамированіи шѣлъ. Есть шакія шѣла, которыя 2000 лѣтъ сохранились. Въ груди одного изъ сихъ шѣлъ нашли едва шолько изсохшую резмаринную вѣшвь. Искусство бальзамированія, каково оно нынѣ, шмало извѣстно въ Европѣ шолько въ сихъ послѣднихъ вѣкахъ. Прежде дѣлали на шѣлахъ большія надрѣзы, клали туда селипру, и завершывали ихъ въ выдѣланную воловью кожу. *Encyclopedie*.

Вышедши изъ пещеры, шелъ я долгое время, самъ не зная куда. Наконецъ пришелъ я къ берегу озера — — „Довольно, довольно, перервалъ Телисмаръ: прочее все знаю.“ — Какъ! я былъ одинъ, и ни одному человѣку эпова не рассказывалъ. — „Напившись изъ озера воды, сорвали вы нѣсколько плодовъ, легли на праву; поднялась буря.“ — — Боже мой! черезъ какое волшебство вы все это узнали? — „Сполнъ поднялся опъ горы, высушилъ озеро, и — — Чшо я слышу! вскричалъ Альфонсъ: сдѣлайте милость, изъясните мнѣ это новое чудо. Кто вамъ все это рассказалъ? — „Между шѣмъ видѣлъ я васъ — — Да гдѣ вы были? — „Здѣсь въ Гвимарѣ, на своей террасѣ.“ — А я былъ за приими опъ васъ — — „Да однакожь я васъ видѣлъ.“ — Я не сомнѣваюсь въ этомъ, потому что вы выше обыкновенныхъ людей. — „Нѣпъ, любезной Альфонсъ, я самой обыкновенной человѣкъ.“ — Располкуйте же мнѣ эту удивительную загадку. — „Въ одинъ день эпова сдѣлать не лзя. Легко могу въ одну минупу сказать вамъ нѣкопорья имена и слова, и показать нѣкопорья слѣдствія, но вы уже не ребенокъ, и для васъ было бы

бы эпова не довольно. Хотите ли вы знать причины, хотите ли основательно учиться? — Очень хочу знать причины всѣхъ вашихъ чудесъ. — „Хорошо, такъ я вамъ дамъ книги. Когда вы прочитаете ихъ со вниманіемъ, тогда начну я вамъ изъяснять шѣ тайны, которыя сполько васъ удивляютъ. — Ахъ! дайте мнѣ поскорѣе такія драгоценныя книги; я спану ихъ читать съ величайшею охотою. Отъ нынѣшняго дня отказываюсь отъ всѣхъ прочихъ книгъ. — „Эпова я не пребую. Вы любите стихотворство, и любите его всегда. Читайте шолько одни хорошіе стихи. Въмѣсто романовъ возьмите нравоучительныя книги. Всякой день опредѣлите часъ на чтение шѣхъ книгъ, которыя вамъ я дамъ. Болѣе размышляйте, менѣе говорите, прилѣжьте слушайте: болѣе эпова ничего отъ васъ не пребую.

Послѣ сего Телимаръ повелъ Альфонса въ кабинетъ свой; онъ далъ ему двѣнадцать помовъ. Когда вы прочитаете всѣ данныя мною вамъ книги, сказалъ онъ, тогда вручу я вамъ сокровище, которое совершенно ваши глаза откроетъ. Видите ли эпотъ ящичекъ? Въ немъ лежитъ награда за шощъ шрудъ, кошорой я на васъ

васъ налагаю. — Ахъ! не уже ли никогда не могу надѣяться на другую награду? сказалъ Альфонсъ. Онъ покраснѣлся, и глаза его наполнились слезами. Альфонсъ! продолжалъ Телисмаръ: я васъ люблю и не хочу эпова скрывать; но чтобы получить эту награду, о которой вы вздыхаете, то надобно вамъ прежде заслужить все мое почтеніе. — Отецъ мой! воскликнулъ Альфонсъ, упавши къ ногамъ Телисмаровымъ: отецъ мой! — позвольте мнѣ называть васъ такимъ пріятнымъ именемъ и ожидайте отъ меня всего. Да, я заслужу это драгоцѣнное почтеніе, чего бы мнѣ по ни стоило. Скажите, что мнѣ дѣлать надобно? — „Исправись отъ многихъ пороковъ, а особливо отъ смѣшнаго щеславія; выступи изъ поспыднаго невѣжества и пріобрѣси полезныя знанія.“ — Для меня все легко будетъ. — „Послушайте: сердце ваше мнѣ открыто. Я даю вамъ право надѣяться; но пребуду, чтобы вы никогда не говорили мнѣ о вашей любви.“ — Боже мой! не уже ли не говорить и о той, которая владѣетъ сердцемъ моимъ? — „Никогда не произносите ея имени.“ — Какое требованіе! — „Надобно ему удовлетворить. Вы должны прежде всего показать мнѣ, что вы умѣете

умѣете владѣть собою, естли хощите заслужить мое почтеніе. — Хорошо, я повинуюсь вамъ; но естли вы будете мнѣ говорить о ней? — „Тогда можете опѣцать. Впрочемъ не говорите мнѣ ни одного слова, которое, — — Хорошо, хорошо. Щасливъ я, что вы не запрещаете мнѣ о ней думать! — — Нѣтъ, я позволяю вамъ иногда думать о ней. — — Иногда! ахъ! всегда! во всѣ минуты жизни моей! — — Какъ! вы уже отказываетесь отъ даннаго слова? Развѣ вы не общали мнѣ заниматься важнѣйшимъ? — — Общаль. — — Какъ же будете вы учиться, когда всегда спанете думать о Далиндѣ? — — Далинда! — — Слава Богу, что не я произнесъ имя ея! — — Альфонсъ! — — Ахъ! простите! — — И такъ вы общаетесь выгоняя изъ воображенія вашего Далинду, когда будете читать, или когда спанемъ говорить о чемъ нибудь? — — Не говоришь о ней! не думаешь о ней! могу ли я это исполнить? — — Прибѣгнувши къ разсудку, можно все изъ себя сдѣлать. — — Но это усиліе будетъ такъ мучительно — — По этому вы не хощите исполнить требованія моего? — — Нѣтъ, повинованіе мое безпредѣльно; я все для васъ сдѣлаю. — —

Госпожа Добролюбова перестала читать и простилась съ дѣтьми, которыя во снѣ видѣли все *водячье столпы и волшебныя пещеры*. Онѣ думали, что Гж. Добролюбова рассказала уже все чудесное и чрезвычайное; но она увѣряла ихъ, что все слышанное ими ничего не значить прошивъ того, что онѣ еще услышатъ, и что для развязки бережетъ она самое удивительнѣйшее. Такое увѣреніе любопытство дѣтей еще умножило. Вечеру Гж. Добролюбова начала читать Сказку свою. —

Альфонсъ, не взирая на строгое Телисмарово предписаніе, почиталъ себя счастливейшимъ человѣкомъ. Спросъ его была одобрена самимъ Далиндинымъ опцемъ. Онѣ могъ питаться сладостнѣйшею надеждою. Щастіе свое почелъ бы онѣ совершеннымъ, если бы получилъ отъ Донъ Рамира письмо и прощеніе.

Телисмаръ осмотрѣлъ еще славную гору Пико на Тенерифѣ (*); наконецъ сѣлъ

(*) Или гора Тейдская, или Тейтская. Сія гора, имѣющая фигуру сахарной головы, находится на срединѣ Тенерифы. Вышину

сѣлъ на корабль и поплылъ къ Зеленому мысу. Во время пущи Альфонсъ въ ученіи своемъ усердно исполнялъ предписанной ему Телисмаромъ планъ; но ему великаго шруда стоило не говорить о сспрасти своей. Сспрахъ, возбудивъ въ Телисмарѣ прошивъ себя неудовольспвіе, налагалъ на него молчаніе. Между шѣмъ иногда слова его могли опноситься къ Далиндѣ; но Телисмаръ не хощалъ разумѣть ихъ.

Наконецъ Альфонсъ не могъ уже сносить сего принужденія, и подумалъ, что средство, кшпорымъ онъ хощалъ избавиться опъ шого, покажетъ все его великодушіе. Поясъ Далиндинъ почипалъ онъ дороже всего шого, что имѣлъ. Онъ предпринялъ опдашь его Телисмару. Такая жертва многаго ему стоила; однакожь сѣ радостію рѣшился онъ принести ее, думая, что насладится удовольспвіемъ говорить о своихъ чувспвованіяхъ и Далиндѣ, и что Телисмаръ найдетъ въ

Часть XI. Но. 38. Л семъ

ною она въ 15 Французскихъ миль. Но говоряшъ, что гора Химбо-Рако, часть Кордилераза, принадлежащаго къ Андесамъ въ Перу, гораздо еще выше.

земѣ нѣспукиѣ похвальную нѣжностъ и
 ошдасѣ ему, можетъ бысть, Далиндиѣ
 поясѣ назадѣ. Вѣ такихѣ мысляхѣ во-
 шелѣ онѣ поуспру кѣ Телисмару съ тор-
 жесивующимѣ видомѣ. Я пришелѣ, ска-
 залѣ онѣ, признахся вамѣ вѣ помѣ,
 что будешѣ стоить мнѣ великой жерп-
 вы. — „Что такое?“, — Прежде всего
 позволите мнѣ --- говорить о ней. Этова
 прошу я для того, чтобы обвинить са-
 маго себя, и послѣ загладить свой проспуп-
 покѣ. --- „Хорошо; говорите. Однакожъ
 я увѣренѣ, что этовѣ проспупокѣ не
 важенѣ.“, — Онѣ важенѣ вѣ моихѣ гла-
 захѣ. Живѣйшее чувствованіе, самое нѣж-
 нѣйшее --- чувствованіе, которое навсе-
 гда рѣшитѣ судьбу жизни моея — —
 „Обиняковѣ не надобно: что хотите мнѣ
 сказать?“, — Вы знаете, какѣ я люблю
 Далинду — — „Альфонсѣ! это вступ-
 леніе мнѣ не нравися.“, — Однакожъ
 оно нужно. — „Ни кѣ чему: вы хотѣли
 мнѣ признахся вѣ какомѣ-то проспуп-
 кѣ.“, — Хорошо: вѣ потѣ день, вѣ ко-
 торой увидѣлѣ я Далинду вѣ первой разѣ;
 вѣ потѣ день, вѣ которой обновилась
 жизнь моя --- послѣ вашего мучительнаго
 для меня опѣзда — ходилѣ я взадѣ и
 впередѣ, будучи внѣ себя, угнѣшенной по-
 скою,

скою, и тщетно искалъ Далиндиныхъ слѣдовъ. Наконецъ, привлеченной тайною силою, возвратился я къ источнику любви. Нечаянность, или, лучше сказать, богъ источника, пронумой моимъ опчаяніемъ, вручилъ мнѣ драгоценнѣйшій зологъ -- -- Конечно Далиндинъ поясъ? перервалъ Телисмаръ: я помню, что она его потеряла. Вопль оный, продолжалъ Альфонсъ съ жаромъ, вынувши поясъ изъ кармана: я владѣлъ имъ безъ вѣсто вѣденія; я не имѣю щасливаго права удержать его у себя; справедливость требуетъ, чтобы я опдалъ его вамъ. Вы имѣли основательную причину такъ думать, отвѣчалъ Телисмаръ. Опдайте мнѣ поясъ, примолвилъ оный, бравши его: я обязуюсь его возвратишь вамъ при первомъ доказательствѣ вашей искренности и истинной довѣренности ко мнѣ. — Какъ! сказалъ Альфонсъ: не уже ли сомнѣваетесь вы въ моей довѣренности и искренности? — Я имѣю на то причину, отвѣчалъ Телисмаръ, когда вы употребляете прошивъ меня хитрость. — „Хитрость!“, -- Вы краснѣетесь по справедливости, Альфонсъ; но я думаю, чтобы вы пришли еще въ большее замѣшательство, есѣли бы вамъ удалось обмануть меня. Есѣли бы вы

увидѣли меня восхищеннаго вашею честностію, нѣжностію, великодушіемъ вашимъ: скажите, какъ бы вы могли принимать отъ меня похвалы? — Ахъ! сказалъ Альфонсъ, проливая слезы: сердце мое знаете вы лучше, нежели я. Правда, что я искалъ предлога говорить о Далиндѣ. — „И вы думали, что я дамся въ обманъ и оставлю у васъ поясъ?“, — Я самъ обманывался. — „Тупъ не лъзя было обманываться, когда вы знали, что побудительная причина поступка вашего была дурна. Напрасно въ такихъ случаяхъ разумъ нашъ старается насъ оправдывать; напрасно твердимъ: *это дѣло благородно, великодушно*: сердце и совѣсть намъ противорѣчатъ.“ — Ахъ! что я сдѣлалъ! — Телисмаръ! не уже ли эшотъ просупокъ, которой весьма я чувствую, навсегда подвергнетъ меня вашему презрѣнію? — „Нѣтъ: искренность признанія вашего, раскаяніе, недоспапочное ваше воспианіе, неосновательность разсудка — все васъ извиняетъ. Если бы я почиталъ васъ хитрымъ, то не спалъ бы отъ васъ ничего ждать. Но не смотря на шеперешній вашъ дурной поступокъ, нахожу еще въ васъ чистосердечіе и опкровенность. Сердце ваше чувствительно

и нѣжно: увѣренъ я, любезной Альфонсѣ, что васѣ не трудно исправить опѣ всѣхъ пороковъ вашихъ. Такое заключеніе нѣсколько утѣшило Альфонса, копорой твердо рѣшился при всякомъ случаѣ показывать Телисмару свою искренность и довѣренность.

Путешественники наши поплыли сперва къ оспрову Горей (*), опшуда къ Руфиско (**), а изъ Руфиско ѣхали сухимъ путемъ до крѣпости Св. Лудвига въ Сенегалѣ. Они видѣли тамъ Сереровъ, народъ дикихъ Арабовъ; удивлялись шикимъ и простымъ нравамъ и гостопріимству ихъ: добродѣтелямъ, производящимъ безъ сомнѣнія опѣ ихъ любви къ трудамъ и землешеству, что болѣе всего отличаетъ ихъ опѣ прочихъ дикихъ, которые по большей части лѣнны и презираютъ землешество.

На одномъ пустомъ мѣстѣ, куда Телисмаръ и Альфонсѣ съ нѣкоторыми со-

Л 3

пуш-

(*) Сей оспровъ принадлежитъ Французамъ; онъ въ шести французскихъ миляхъ опѣ Зеленаго мыса.

(**) Руфиско въ трехъ французскихъ миляхъ опѣ острова Горей.

нущниками прѣхали подѣ вечерѣ, увидѣли они чудное дерево, которое вышиною было только въ семьдесятъ пять футовѣ, но стволѣ его въ окружности имѣлѣ почти девяносто футовѣ. Первыя вѣтви его простирались почти горизонтально; а какѣ онѣ были чрезвычайно толсты и длинны, то отѣ собственной тяжести ложились концами на землю, такѣ что подѣ однимѣ деревомѣ былѣ пространной кровѣ и маленькой лѣсокѣ, въ которомѣ можно было укрыться тремѣ или четверемѣ шамѣ человекѣ (*). Осмотрѣвши

(*) Французы называютѣ сѣе дерево Калебассовымѣ деревомѣ [Calebassier], а плодѣ его Обезьянинымѣ хлѣбомѣ [pain de singe]. Оно растетѣ въ Сенегалѣ, гдѣ жители называютѣ его Руи, а плодѣ его Буи. Собственное имя его есть Боабабѣ. Нижнія вѣтви бываютѣ длиною въ 60 футовѣ. Г. Рай повѣствуетѣ, что между рѣками Нигромѣ и Гамбией нашли такія толстыя деревья, что 17 человекѣ, схватившись руками, только что обняли ихѣ; по чему окружностию надлежало имѣ быть почти въ 85 футовѣ. Боабабѣ, говоритѣ Г. Бо.

ши сіе удивительное произведеніе Природы, продолжали они путь свой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дерева нашли они льва, которой распянувшись лежалъ на землѣ и казался мертвымъ. Альфонсъ неоптѣнно хотѣлъ его разсмотрѣть вблизи, а Телимаркъ пошелъ за нимъ; приближившись увидѣли они, что звѣрь еще живъ, но былъ уже при смерти. Онъ лежалъ безъ всякаго движенія; окровавленная

Л 4

паспѣ

Бомаръ, изъ всѣхъ извѣстныхъ распеній имѣетъ, кажется, величайшую округность. Однакожь разные Физики пишутъ, что весьма извѣстныхъ дерева были споль подслы, что ихъ надлежало почестъ чудовищами въ царствѣ распеніи. Г. Рай выписываетъ изъ извѣстныхъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, что въ Бразиліи видѣли они такое дерево, которое въ окружности имѣло 120 футовъ. Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ о Кипаѣ повѣствуется еще о чуднѣйшихъ деревьяхъ. Одно распетъ въ провинціи Сушу близь города Кіена, называется Сіэунишъ, ш. е. тысячелѣшнее, и такъ толсто, что одна вѣшь его 200 барановъ покрываетъ; другое дерево распетъ въ провинціи Шекіанга, и въ окружности имѣетъ почти 400 футовъ.

насть его была до половины разинуша и наполнена муравьями. Альфонсѣ сжалился надѣ нимѣ, и спарался сѣ умирающаго звѣря плачкомѣ своимѣ согнасть насѣкомыхѣ, копорыя мучили его. Онѣ вынулѣ по помѣ изѣ кармана бушылочку со свѣжею водою и вылилѣ ее всю вѣ ропѣ льву; между пѣмѣ Телисмарѣ держалѣ пропивѣ самаго рша его заряженной писполешѣ, для предохраненія себя опѣ опасности, еспыли бы большой левѣ слишкомѣ скоро пришелѣ вѣ силу. Левѣ, казалось, получилѣ нѣкоторое облегченіе и помными глазами смотрѣлѣ на Альфонса, копорой думалѣ вѣ нихѣ видѣшь изображеніе благодарности; онѣ пошелѣ опѣ него полько погда, когда уже оказалѣ ему всѣ возможныя услуги.

Альфонсѣ и Телисмарѣ хотѣли возвратиться кѣ небольшему каравану своему, и шли черезѣ поле, покрытое весьма высокою правою. Когда они изѣ правы вышли, Телисмарѣ, шедшій напередѣ, не разсмотрѣлѣ глубокой ямы и упалѣ вѣ нее, такѣ что Альфонсу спалѣ онѣ совсѣмѣ невидимѣ. Альфонсѣ подбѣжалѣ и увидѣлѣ Телисмара сидящаго, копорой сказалѣ ему, что онѣ вывихнулѣ себѣ ногу и безѣ его помощи не можешѣ ни вспасть,

ни ишли далѣе. Альфонсъ хопѣлъ про-
пянушь къ нему свои руки; но въ самую
сію секунду услышалъ онѣ ужасное шипе-
ніе, и увидѣлъ въ углу ямы, прошивѣ са-
мага Телисмара, спрашную змѣю, бли-
спающими красками испеспренную, ко-
порая длиною была по крайней мѣрѣ въ
двапцать фушовѣ (*). Сіе чудовище, под-
нявши голову, ползло къ Телисмару, ко-

Л 5

порой

(*) Нѣкоторыхъ змѣй называютъ змѣями
королевства Дамельскаго. Ихъ весьма
много въ западныхъ земляхъ Африки.
Естьли онѣ укусятъ, то на рану кла-
дутъ порохъ и воспаляютъ его; а
естьли этова не успѣютъ сдѣлать, то
очень скоро умираютъ. Сереры ловятъ
ихъ сѣтями и ѣдятъ. Нѣкоторыя дли-
ною въ 15 и 20 фушовѣ, а въ діаметрѣ
полфута. Иныя всѣ зеленыя, а дру-
гія черныя съ разноцвѣтными пятнами.
Гремучихъ змѣй много въ обѣихъ Инді-
яхъ; длиною бывають онѣ едва въ пять
фушовѣ, а толщиною въ лядвію. Грем-
му ма бываешъ у нихъ на концѣ хво-
ста и состоитъ изъ множества пустыхъ
шумящихъ колецъ, копорыя сцѣпляются
одно съ другимъ и прикрѣплены къ
мускулу послѣдняго позвонка сего жи-

вош-

порой силлася встать, но не могъ удержаться на ногахъ и упалъ опять на землю. Альфонсъ прыгнулъ въ яму, спалъ между Телисмаромъ и змѣю, вынулъ свою саблю, бросился на змѣю и шакъ сильно ударилъ ее, что разрубилъ пополамъ. По томъ подошелъ къ Телисмару, поднялъ его и выпасилъ изъ ямы. Телисмаръ обнялъ Альфонса. Вы спасли жизнь мою, сказалъ онъ ему. Я не могъ ни защищаться, ни сойти съ мѣста: змѣя бросилась бы на меня; а кого она укусила, тотъ умираетъ. Даю вамъ слово увѣдомишь объ этомъ приключеніи Далинду. -- Альфонсъ, не могши ему ничего отвѣчать, въ восхищеніи прижималъ его къ сердцу своему. Тише, тише! сказалъ Телисмаръ съ усмѣшкою: поберегите немного правое

волнаго. Природа хотѣла, чтобы слышанъ былъ ходъ сей опасной змѣи. — Въ королевствѣ Юидѣ и Венинѣ дикіе обожаютъ нѣкотораго рода змѣй, называемыхъ ими Фетишъ. Сии змѣи смирны и не ядовиты. Тамъ почтуютъ этого повиннымъ смерти, кто умерщвитъ одну изъ нихъ. Арабы почитаютъ ихъ благодѣтельными божествами; между тѣмъ спараюся они испробуютъ прочихъ ядовитыхъ змѣй.

вое мое плечо: оно переломлено. --- „Боже мой!,, — А еспьли бы не шакъ, шо я вѣрно бы взялся за свою саблю. — „И вы ни однимъ словомъ не пожаловались на боль?,, — Васъ, любезной Альфонсъ, не лзя удивить мужеспвомъ. — „Ахъ! когда васъ вижу страдающаго, шакъ лишуюсь всего мужества. Поспѣшимте къ нашимъ поварищамъ.,, — Онъ взялъ Телисмара пихонько на руки и понесъ его, сколько онъ шому ни прошивился, иъ шому мѣсту, гдѣ дожидались ихъ прочіе путешеспвенники.

Телисмаръ принужденъ былъ остано-
 вившися въ шалашъ Арабовъ, которые
 приняли его весьма дружелюбно. Съ нимъ
 былъ лѣкаръ, кошорой перевязалъ его
 плечо. Черезъ десять дней могъ онъ про-
 должать свой путь. Онъ пріѣхалъ въ
 землю Фулисовъ. Король сихъ дикихъ
 называется Сирапикъ; нѣкоторые путеше-
 шеспвенники называющъ симъ именемъ и
 землю его. Онъ принялъ Европейскихъ
 путешеспвенниковъ весьма благосклонно,
 и пригласилъ ихъ на правлю льва, ко-
 шорой съ нѣкошораго времени весьма опу-
 стошалъ всю землю. Молодой и хра-
 брой Король, хотѣвши показать ино-
 странцамъ проворство и мужество свое,
 вѣду-

вздумалъ самъ напасть на льва. Какъ скоро левъ показался, остановилъ онъ иносранцевъ и свису свою, показалъ имъ мѣсто, гдѣ имъ спать, сѣлъ на прекрасную лошадь и поскакалъ прямо на свирѣпаго звѣря, которой, увидѣвши его, бросился ему на встрѣчу. Сирапикъ пустилъ въ него стрѣлу, и раненной левъ стремился къ нему съ ужаснымъ ревомъ. Тутъ забылъ Альфонсъ запрещеніе Королевское, поскакалъ какъ молнія на помощь къ Сирапику, которой по мнѣнію его былъ въ великой опасности. Онъ вынулъ свою шпагу, и скакавши чрезмерно скоро, напнулся ею на дерево такъ сильно, что она выскочила у него изъ рукъ, и, въ куски изломавшись, оплѣсла на десять шаговъ. Альфонсъ, потрясенной ударомъ, шапается, а лошадь его спотыкается и падаетъ. Въ ту самую мину левъ, увидѣвши скачущаго пропивъ себя вооруженнаго чело-вѣка, оставляетъ Сирапика, чтобы броситься на новаго врага. Злобной левъ достигаетъ Альфонса и выпякаетъ когти свои въ бока лошади. Обезоруженной Альфонсъ почищаетъ смерть свою неизбежною. Арабы, бояся засрѣлить его, не смѣютъ пускаться во льва стрѣлъ. Те-
ли-

лисмартъ хотѣлъ скакать потчасъ за Альфонсомъ, но Арабы, приведенные въ сердце дерзостію молодаго челоѣка, остановили его силою, не смотря на его вопль, свирѣпство и отчаяніе. Что чувствовалъ онъ, когда левъ бросился на Альфонса? Несчастной юноша! кричалъ онъ — — Но — какое удивленіе! какая нечаянная радость! едва бросаетъ левъ пламенные глаза на добычу свою, какъ вдругъ оставляетъ все свирѣпство свое, ложится подлѣ Альфонса, подымаетъ окровавленную свою лапу, раненную стрѣлою, кладетъ ее тихо Альфонсу на руку, показываетъ ему рану свою и проситъ, кажется, его помощи. Альфонсъ прещетъ отъ радости, и вспомнивши умиравшаго льва, восклицаетъ: звѣрь великодушной! я узнаю тебя. Да постыдитъ примѣръъ швой неблагодарныхъ и всякаго того, кто можетъ забыватьъ благодаренія! Благодарностьъ швая спасла мнѣ жизнь: почему и я съ своей стороны еще спасу швою жизнь, и, естли надобно, буду защищать ее съ опасностію моею. — Говоривши сіе, останавливалъ Альфонсъ кровь, текшую изъ раны у льва; передравши плащокъ свой, перевязалъ имъ лапу его. Телисмартъ и дикіе съ удивленіемъ

вѣмъ смотрѣли на сіе позорище. Наконецъ Альфонсъ вспалъ; упомленная, раненная и умиравшая лошадь его не могла служить ему. Левъ еще подходилъ къ Альфонсу, лижетъ ноги благодѣтели своего, всячески его ласкаетъ. По помѣ Альфонсъ попиховъку удаляется. Левъ стоитъ, смотритъ въ слѣдъ за нимъ, но помѣ вдругъ оборачивается, бѣжитъ къ сосѣдственному лѣсу и исчезаетъ, оставивши всѣхъ зрителей сего чуднаго приключенія въ величайшемъ изумленіи (*).

Тели-

(*) Нѣтъ въ помѣ никакого сомнѣнія, говоритъ Г. Бюффонъ, что левъ, если поймаешь его молодого и выкормишь между ручными живошными, скоро привыкаетъ жить и играть съ ними; что онъ будетъ смиренъ противъ свсихъ хозяевъ, даже и ласковъ, особливо въ первыхъ лѣтахъ, и еслии иногда окажется естественная свирѣпость его, по сіе бываетъ по большей части не прошивъ его благодѣтелей. Я могъ бы разсказать множество особливыхъ приключеній, въ которыхъ, признаюсь, хотя и нашелъ я нѣкоторыя излишности, которыя однакожь согласно доказываютъ ю, что гнѣвъ его благороденъ, храбрость

Телисмаръ, схвативши Альфонса въ объятія свои, облобызавши его съ горячностію нѣжнѣйшаго родителя, дѣлалъ ему выговоры за его дерзость и безразсудность. Есльми бы вы, сказалъ онъ, разспросили получше о этой охотѣ; или, лучше казать, есльми бы слушали, что намъ рассказывали: то узнали бы, что Сирашикъ совсѣмъ не былъ въ опасности, и что онъ, будучи искусенъ въ такихъ сра-

рость величественна, а сердце чувствительно. Часто видѣли, что онъ пренебрегаетъ безсильныхъ враговъ своихъ и прощаетъ имъ оскорбительную вольность ихъ; видѣли, что въ заключеніи своемъ скупаетъ онъ безъ злобы, спавиши смирень, повинуется своему Господину, ласкаетъ кормящую его руку, даруетъ иногда жизнь шѣмъ, кошрыхъ отдають ему на разшерзаніе, и какъ бы полюбивши ихъ за шо, беретъ ихъ подъ свою защиту, спокойно съ ними живеть, дѣлитъ съ ними свою пищу, а иногда попускаетъ и всю ее брать у себя, и лучше терпитъ голодъ, нежели шеряетъ плоды перваго своего благодаренія.

Въ Исторіи Путешествій находишся много описаній львиной ловли.

сраженіяхъ, ожидалъ только льва, чтобы ударить его въ шею копьемъ; послѣ того сошелъ бы онъ съ лошади и саблею изрубилъ бы льва. Обѣщаюсь вамъ, отвѣчалъ Альфонсъ, слушать впредь съ большимъ вниманіемъ и быть разсудительнѣе; однакожь я спасъ жизнь моего льва, эпова великодушнаго звѣря. — Правда, сказалъ Телисмаръ: однакожь Сирапикъ недоволенъ худымъ исполненіемъ его приказаній, и не смотря на ваше намѣреніе, не прощаетъ онъ вамъ того, что вы опиняли у него честь побѣды; по чему и не благоразумно поступимъ, еспьли долѣе при Дворѣ его оспанемся (*).

И такъ путешественники наши оспавали Гіорель и поѣхали вверхъ по Сенегалу до деревни Эмбаканы, лежащей близъ границъ Королевства Галамскаго. По томъ переѣхали они черезъ рѣку Гамбію, проѣхали Королевство Фаримское и прибыли наконецъ въ Гвинею.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей Части.)

(*) См. Исторія о Странствіяхъ вообще, Томъ II.

О С Е Н Ь.

Плодами вѣнчанная Осень съ веселіемъ вступа-
етъ на поля наши. Она совершаетъ
труды Зимы, Весны и Лѣта, и надблещъ
намъ на цѣлой годъ пищу и веселіемъ.

Вамъ всегда посвящены пѣсни мои, вамъ,
любезные Опроки! да возвеселяющъ онѣ нѣ-
жныя сердца ваши! да возбуждаютъ въ васъ
вниманіе къ дѣйствіямъ Природы, щедро
награждающей примѣчателей своихъ!

Свѣтлѣйшая лазурь, златымъ цвѣтомъ
оживляемая, разливается по щасливому міру.
Лучи солнечныя, лишившись прежняго несно-
снаго своего жара, тѣмъ пріятнѣе стано-
вятся. Не рѣдко сквозь свѣтлыя облака изли-
ваютъ они тишину, для поселянъ благосло-
венную. Тогда нивы преклоняющъ тяжелую
главу свою, и пребываютъ въ спокойствіи,
являя все богатство свое. Ни самой легкой
вѣтерокъ не колеблетъ ихъ поверхности:
тишина изобилія! Наконецъ шершатъ воздухъ
равновѣсіе свое и начинаютъ вѣять западныя
вѣтры. Раздирается покровъ неба — облака
раздѣляются — солнечное сіяніе позлащаетъ
одну сторону поля, а надъ другою носится
черныя тѣни: — пріятной видъ!

Буди благословенно, трудолюбіе! се
плоды твои, источникъ земнаго щасія!

Безъ тебя былъ бы человекъ бѣднѣйшею тварію, но ты надѣляешь его безчисленными благами. Тобою возвышенъ родъ человѣческій до сей степени величія, на коей онъ нынѣ находится. Тобсю воздвигнушы огромныя зданія Европы, приводящія въ удивленіе дикаго Американца; ты покрываешь области неизмѣримаго океана безчисленными кораблями; ты вознесло Невтона въ небесныя сферы и показало ему путь свѣта. Буди благословенно, трудолюбіе, источникъ земнаго счастья! —

На самомъ разсвѣтѣ пробуждаются трудолюбивые жнецы и съ веселіемъ идутъ къ нивамъ. Оспрягъ серпы свои и начинаютъ жать. Пріятные разговоры и просныя шушки облегчаютъ работу ихъ; не чувствуютъ они утомленія. — О вы, копорые въ праздности проводяете дни свои, жителя большихъ городовъ, теперь въ глубокомъ снѣ погруженные! проснитесь и придите взирать на сельскія пріятности, вамъ неизвѣстныя! сравните ваши шумныя забавы съ тихою радостію, сими жнецами ощущаемою: чему отдашь преимущество? Разгоряченное воображеніе находить удовольствіе въ вашихъ забавахъ: радость жнеца, осматривающаго богатые свои нивы, есть радость сердечная.

Обманчивое счастье улыбалось при рожденіи Лавиніи; она имѣла много друзей.

Но

Но въ самыхъ еще дѣтскихъ лѣтахъ лишенная всякой помощи (кромѣ невинности и покрова Небесъ), жила она съ матерію своею, старостию и болѣзнями ошягченною, въ бѣдной хижинѣ, построеной благодѣтельною рукою на долину среди дремучаго лѣса. Темныя пѣни соснѣ скрывали отъ міра ихъ жилище; но еще болѣе сокрывала его боязливая скромность ихъ. Онѣ убѣгали шого злобнаго презрѣнія, которое могло бы указать къ бѣдности ихъ модное легкомысліе и подлое высокомеріе. Онѣ жили почти одною всеобщею щедростию Природы; были довольны какъ безпечныя птицы, пѣніемъ своимъ ихъ веселившія, и не заботились о пищѣ завтрашней. Лице Лавиніи было свѣжѣе розы, упреннею росею окропленной; цвѣтъ его былъ подобенъ цвѣту чистѣйшей лиліи, или сибга, вершины Алпійскихъ горъ покрывающаго. Скромныя добродѣтели въ глазахъ у нее изображались, въ глазахъ, всегда въ землю пошупленныхъ и лучами своими одни только цвѣты оживлявшихъ. Когда мать ея рассказывала, чемъ нѣкогда льстило имъ щастіе, тогда Лавинія задумывалась, глаза ея наполнялись слезами и блипали подобно звѣздамъ полуночнаго неба. Спанъ ея былъ самой стройной. Простое платье, превосходившее всякую пышную одежду, покрывало прелести ея: красота не имѣетъ нужды въ убранствѣ, и безъ него является еще въ большемъ блескѣ. Подобно какъ смиренная

Фіалка расцвѣтъ въ густой травѣ, и сокрытая опѣ глазъ человѣческихъ, пипаетъ благовоніемъ своимъ всю пустыню! такъ и Лавинія цвѣла въ неизвѣстности. Но наконецъ, побуждаема необходимостію, съ улыбкою шербѣнія пошла она на поля Палемоновы, за малую плату жать хлѣбъ. Палемонъ былъ богатой и великодушной сельской жигель, наслаждавшійся всѣми радостями древнихъ злыхъ временъ, воспѣваемыхъ Аркадскими Пѣвцами, въ которыхъ свирѣлая мода не мучила еще рода человѣческаго, въ которыхъ Природа была во всемъ пупеводительницею. Палемонъ ходилъ по своимъ полямъ, увеселяя воображеніе свое осенними картинами. Взоры его устремились на Лавинію. Незвѣстна была ей сила красоты ея; неприхотливо покраснѣвъ, старалась она укрыться опѣ глазъ его. Онъ видѣлъ ея прелести; однакожь не видѣлъ и половины пѣхъ, которыхъ сокрыла опѣ него смиренная спыдливость ея. Въ ту же минуту возгорѣлася въ сердцѣ его любовь, хотя и не скоро въ семъ онъ самому себѣ признался; спрашила его коварная улыбка міра (только Филоссофа одного не утрашающая), ежли бы сердце свое вручилъ онъ бѣдной крестьянкѣ. Тайно воздыхалъ онъ: „Жаль, что красота сія „увянетъ въ тяжкихъ трудахъ! Кажется, „что она похожа на покойнаго Акаша. Она „приводитъ мнѣ на память стараго благо- „дѣтеля моего, котораго семейство обнищало

„и не извѣстно куда сокрылось. Говорили,
„что жена и дочь его удалились въ одинъ
„дремучій лѣсъ, чтобы не видашь предме-
„повъ, напоминающихъ прежнее сословіе
„ихъ. Напрасно я искалъ ихъ, и всѣ развѣ-
„дыванія мои были тщетны. О если бы
„сія красота была дочь моего благодѣтеля!»,

Разспросивши ее и увѣрившись, что она
подлинно была дочь добродѣтельнаго Акаста,
пришелъ онъ въ восторгъ. Въ сердцѣ его
пламя любви усилилось. Съ жаромъ онъ ее
разсматривалъ; вдругъ пощекли изъ глазъ
его слезы любви, благодарности и сожалѣнія.
Смятеніе, въ которое привели Лавнію слезы
его, увеличило ее прелести. Палемонъ из-
образилъ восхищеніе свое сими словами:

„Тебя-то долго искала безпокойная
„моя благодарность! я вижу въ тебѣ друга
„моего. Ты прелестнѣе Весны; ты одинъ
„оставшійся цвѣтъ того корня, которой
„воспиталъ мое благополучіе; холодной вѣтръ
„бѣдности не помрачилъ красоты твоея.
„Позволь же мнѣ пересадить тебя на лучшую
„землю, гдѣ весеннее солнце и теплой дождь
„будутъ питать тебя: будь украшеніемъ
„сада моего! Неприлична тебѣ такая работа
„на поляхъ того, кто всемъ своимъ богат-
„ствомъ обязанъ щедрости Акастовой. Брось
„сей снопокъ, брось его. Поля и господинъ
„ихъ тебѣ принадлежатъ. Ты можешь не-

„сравненно увеличиль всѣ пѣ блгодѣянія,
„копорыми осыпалъ меня домъ швой, ештьли
„шы удосщомшь меня сердца своего.,,

Юноша пересмалъ говорить, но красно-
рѣчивые взоры его изображали его сердце.
Не дожидался онъ отвѣта. Тронушая до-
брымъ сердцемъ его и приведенная въ при-
ятнѣйшій безпорядокъ, дала Лавинія согласіе
свое молчаніемъ и румянцемъ. По помѣ не-
медленно спѣшила съ такою вѣстію къ своей
родительницѣ, копорая нѣжно безпокоилась
о судьбѣ ея, безпреспанно ее домой ожидая.
Она пришла въ изумленіе и едва могла повѣ-
ришь словамъ Лавиніи; радость оживила ея
сердце, и возсіявшее солнце кончающейя
жизни озарило свѣтомъ своимъ вечерній часъ
ея. Она восхищалась не менѣе щасливой
чепы, копорая долго цвѣла въ нѣжномъ
благополучіи и воспипала множесство ошра-
слей, въ добродѣтели имѣ подобныхъ. —

Часто жаркой Югъ собираетъ сильную
непогоду и погубляетъ работы Года. Сна-
чала едва движущся верхи деревъ, и тихой
шумъ слышенъ среди колеблющихся нивъ.
Когда же вѣпръ усиливается; когда вся
атмосфера приходитъ въ волненіе и ужа-
снымъ ревомъ весь міръ шрепешать заспа-
вляетъ: тогда глава лѣсовъ преклоняется до
самаго корня ихъ и покрываетъ землю не-
врѣдыми листьями. Пушистыми нивы из-
обра-

ображаютъ тогда бурную поверхность океана; ничто не можеть защитить ихъ отъ порывистаго вѣтра, обивающаго класы и готовящаго недоспашокъ бѣдному поселянину.

Иногда покрывается небо черными тучами, лиются сильные дожди и попопляютъ поля, дуга и села. Съ холмовъ шумно спремются мушныя ручьи, и поднимаютъ рѣки гораздо выше береговъ ихъ. Плывутъ овцы, волы, снопы и хижины. Что пощадилъ вѣтръ, что уже было пожато и въ скирды собрано, то погубило наводненіе. Поселянинъ бѣжитъ на возвышеніе и взираетъ опшудя на погибель имущества своего. Съ ужасомъ воображаетъ зиму, бѣдныхъ дѣшей своихъ, со слезами просящихъ хлѣба. Сжалылся надъ симъ несчастнымъ, вы, во изобиліи живущіе! подайте ему руку помощи и будьте благодѣтелями — человѣка!

Раздается по лѣсамъ крикъ охотниковъ. Не славно одержать побѣду надъ робкимъ зайцомъ. Напрасно употребляетъ онъ всякую осторожность: куда ни убѣгаетъ, враги вездѣ встрѣчаютъ его. Хотя сокрывается въ самой густой лѣсѣ; хотя всю ночь не закрываются его глаза, острѣйшимъ зрѣніемъ одаренные; хотя безпрестанно съ одного мѣста на другое перебѣгаетъ: все напрасно! чудкая собака, нюхая росу

омоченные листочки, вездѣ его находишь, подымаетъ съ мѣста и гонитъ; наконецъ еще люпѣйшія собаки разперзываютъ сію бѣдную шварь. — Жадныя охотники! еслии уже необходимо надобно вамъ губить звѣрей, то погубляйте лучше свирѣпыхъ волковъ и медвѣдей: что сдѣлали вамъ несчастные зайцы? Впрочемъ знайте, что охота можетъ лишитъ васъ сердечной вѣжності, сей истинной красоты человѣка.

Насладимся благовоиѣмъ сада, плодами отягченнаго. Пышная груша пріятна обонянію, пріятна и зрѣнію нашему. Различная сладость насыщаетъ сей прекрасной плодъ. Мудрая Природа составила ее изъ огня и воды, земли и воздуха, различно все перемѣшая. Яблоки суть наилучшій плодъ сада; пріятная ихъ кислота исправляетъ вкусъ нашъ, разливая въ насъ освѣжающую жидкость по внутренности нашей. Виноградныя вѣтви вѣются вокругъ вяза, которой принимаетъ ихъ за собственное свое растеніе и ягодами ихъ украшаетъ безплодныя свои отрасли. Скоро выдавятъ изъ сихъ ягодъ драгоценной сокъ ихъ; искусство пригошовитъ изъ него разныя вина: одно будетъ развеселять зинія бесѣды, а другое прохлаждаетъ знойныя часы Лѣта.

Въ сіе время года подымается отъ земли множество паровъ; они достигаютъ средней

атмосферы, оспанавливаются, низпадаютъ и въ видѣ шумановъ носятся вокругъ пригорковъ. Постепенно сгущаяся, покрываютъ всю равнину. Лѣса исчезаютъ; рѣки кажутся черными. Солнце, помраченное въ самомъ полднѣ, пускаетъ на землю только слабыя и тусклые лучи. Отъ сего кажется иногда кругъ солнца чрезмѣрно обширнымъ: явление, цѣлые народы ужасающее! На землѣ являющіяся теперь предметы (отъ мрачнаго воздуха) весьма не ясно, но въ необыкновенной величинѣ: пасухъ идетъ по лугамъ въ видѣ дикаго исполдна. Сии носящіяся шуманы, дожди и пающій на Алпійскихъ горахъ снѣгъ, наполняютъ пищательнымъ веществомъ подземные водоемы, изъ которыхъ текутъ шумныя рѣки и журчащія ручьи. Напрасно противъ сей истины восстаютъ нѣкоторые Физики и стараются простомъ ея противоположить свое хитросплетеніе: простиная истина всегда лучше хитро выдуманной лжи.

Почувствуя приближеніе Зимы, помышляющъ пиццы объ отлѣтѣ своемъ въ мѣста пендѣйшія, или укрывающъ подъ свѣсомъ рѣчныхъ береговъ, всю Зиму проводитъ тамъ въ дремотѣ, доколѣ не вызоветъ ихъ отшуда благословенная Весна.

Увядающіе лѣса, сгущая свои тѣни, уподобляются мрачной завѣсѣ. Трепетаніемъ

оставшихся листочковъ своихъ призываютъ они къ себѣ уединенную Музу и представляютъ настоящее время года, въ послѣднемъ его видѣ.

Какая мрачность! какая пуста! Все приближается къ смерти. Уже нѣтъ плодовъ на деревьяхъ; уже сняла ихъ рука садовника. Видъ дѣсовъ, видъ луговъ пронизаетъ душу. Грядетъ, грядетъ богиня философической меланхоліи: ея приближеніе возбуждаютъ покапавшія вдругъ слезы, бьющееся и добродѣтельной скорбію пронзенное сердце. Ея священное вліяніе приводитъ въ волненіе всю душу, воспаляетъ воображеніе и возвышаетъ умъ выше всего земнаго. Быстрыя мысли лепашутъ въ головѣ Мудраго — слѣдуетъ важное рѣшеніе, изливающее новыя благодѣянія на родъ человѣческій: благословенныя минушы, благословенныя для всего рода человѣческаго!

Солнце скрывается: наступаетъ влажной вечеръ. Полная луна является сквозь разсѣявшихся облаковъ. Въ кругъ ея посредствомъ оптическихъ стеколъ видятъ горы, темныя долины и глубокія пропасти. Но оставимъ разсуждать о семъ нашимъ Философамъ. Кажется, что она опускается, по томъ опять возвышается на небесной лавури. Трепещущій ея свѣтъ разливаютъ близну по всему пространному міру, посереб-

брял

ря рѣки, ручьи и каменные горы. Но когда она сокрывается, и когда одиѣ только звѣзды освѣщаютъ ночь нашу, тогда множество метеоровъ несетя отъ Сѣвера. Сперва летятъ они по средней атмосферѣ, по помѣ возвышаются всѣ вдругѣ до самаго вѣнца небесѣ; быспро опускаются, быспро поднимаются, соединяются, раздѣляются, угасаютъ и воспаляются — такъ что въ эфирѣ образуется лабиринѣ свѣта. Суевѣрие и невѣжество видятъ тогда на небѣ цѣлыя воинства въ совершенномъ боевомъ порядкѣ; видятъ сраженіе, льющуюся кровь. По сему предсказываютъ нещастіе, низпроверженіе городовъ, язву, гибель цѣлыхъ государствъ; по мнѣнію ихъ и самая Природа приблизилась уже къ концу временности. Но не такъ судитъ Мужъ съ умомъ философическимъ; съ великимъ вниманіемъ разсматриваетъ онъ быспро текущій свѣтъ, чтобы найти сокровенныя еще причины сего прекраснаго явленія.

Теперь покрывается ночь глубочайшимъ мракомъ, въ которомъ сокрываются отъ зрѣнія и небо и земля. Порядокъ, кажется, разрушился; вся красота исчезла, исчезла отличительность каждой вещи, и пріямное различіе превратилось во всеобщую тьму. Столь велика сила свѣта, всю вселенную оживляющаго! Ужасно въ сіи часы состояніе бѣднаго путешественника, такую мрачностію обьявляго. Влѣднѣетъ онъ отъ спиралищъ
 евоого

своего воображенія. Ни изъ одной хижинѣ слабой свѣтъ его не освѣщаетъ. Продолжая въ нестерпѣннѣи путь свой, видитъ вдругъ блудящій огонь, исчезающій и съ большимъ блескомъ свѣщающійся. Естли ввѣрился обманчивому его свѣту, то и спранникъ и конь его ущонуць въ блатъ. Безпокойная супруга и плачуція дѣти напрасно со дня на день ожидаютъ возвращенія его. Иногда сей огонь, для спасенія спранника посланной, горитъ безъ всякаго вреда на гривѣ коня его, и показываетъ ему узкую стезю, ведущую между страшными пропастями, или освѣщаетъ ему опасной переѣздъ черезъ рѣку.

По прошествіи ночи, которая стала длиннѣе прежней, показывается утро во всей красотѣ своей, чтобы яснѣмъ днемъ заключить все хорошее время. Восходящее солнце разгоняетъ туманы; иней расплодается опъ лучей его, такъ что на каждомъ сучекѣ, на каждомъ правномъ листочкѣ блистають тысячи росныхъ капель.

Бѣдныя пчелы! въ нѣсколько минуць исчезаетъ все богатство ваше. Вчера, не почувствуя ничего злаго, сіи щастливья насѣкомья спокойно сидѣли въ восковыхъ своихъ домикахъ, пеклись съ общимъ благѣ, рѣшившись наблюдать умѣренность во все зимнее время, и радовались, видѣвъ, что въ зацѣхъ ихъ нѣтъ недосладка. Вдругъ напод-

яется улей горькимъ дымомъ: ибжнныя пчелы, привыкшия ко благовонію цвѣповъ, задыхаются, естли не успѣваютьъ вылетѣшь вонъ. Что трудолюбіемъ ихъ собрано, по лѣнливой человѣкъ похищаетъ, оставляя имъ весьма немного меда, чтобы онѣ, для его же прибыли, не умерли отъ голода. Подобно сему землетрясеніе погубляетъ многолюдной городъ въ самое то время, когда жителя егo веселятся, пируютъ, или въ глубокомъ снѣ погружаются (пѣкова была судьба пвоя, о Палермо!) и повергаетъ ихъ въ дымящіяся сѣрою бездны.

День, разлившійся по всему пространству неба и земли, все согрѣваетъ и веселитъ. Какъ тихъ зефиръ! какъ чисто небо! какая свѣтлая лазурь украшаетъ его! въ какомъ величїи является солнце! Уже окончана жатва; не боятся поселяне сильныхъ вѣтровъ; сложивъ хлѣбъ въ гумнѣ своемъ, не боятся проливныхъ дождей. Опложивъ всѣ заботы; чувствуютъ одну радость и благоговѣющею щедрую Природу, не оставляющую безъ награжденія трудолюбивыхъ работниковъ.

Блаженъ, кто въ сельскомъ уединенїи провождаетъ жизнь свою, въ тишинѣ внимаешь гласу Природы, и находишь сердечную радость въ разсмотрѣванїи ея печенїя! Блаженъ, кто пользуется ея дарами и не жалеетъ

даешъ ничего болѣе! Когда младая Весна раз-
 вертываетъ на деревьяхъ нѣжныя почки, тогда
 оживляется сердце его. Ничто не цвѣшетъ
 для него щедно; онъ наслаждается благо-
 воніемъ каждаго цвѣта. Во время жаркаго
 Лѣта въ прохлаждающей тѣни древнихъ ду-
 бовъ читаетъ онъ то, что Муза о сей же
 самой тѣни воспѣвала; или пишетъ, что она
 внушаетъ ему, почасту обращая веселье
 свои взоры на живопись Природы. Когда
 же златой блескъ Осени освѣтитъ міръ и
 вызоветъ поселянина съ серпомъ на желтѣ-
 ющіяся поля, тогда разпространяется сердце
 его, упоенное всеобщимъ веселіемъ; тогда
 воспѣваетъ онъ наилучшую пѣснь свою. Са-
 мая свирѣпая Зима для него благословенна.
 Сильная буря и мрачная пустыня возбужда-
 ютъ въ душѣ его важное размышленіе. Ночью
 изливаютъ блистающія звѣзды весь свѣтъ
 свой на глаза его, къ небесамъ устремленные.
 Другъ и книга замѣняютъ ему пріятности
 прочихъ временъ года, и зиму употребляетъ
 онъ на изученіе мудрости. Воображеніе его
 носится быстрымъ полетомъ по отдален-
 нымъ морямъ и землямъ, или Божественная
 Истина является уму его, возвышаетъ су-
 щество его и развиваетъ его силы. Уг-
 рюмость никогда не изображается на лицѣ
 его. Не презираетъ онъ позволенныхъ забавъ
 и общества себѣ подобныхъ, зная, что не-
 людимъ напрасно называетъ себя Философомъ.
 Такая жизнь есть тайна для городскихъ
 праздно-

празднолюбцевъ; но такую жизнь вели наши праотцы въ оныя благополучныя времена, когда Ангелы бесѣдовали съ человекомъ.

Природа могущественная! обогати меня познаніемъ дѣлъ твоихъ. Вознеси меня на небеса и яви мнѣ тамъ чудеса твои, неизмѣримыя міры, въ лазуревыхъ пространствахъ разбѣянные; изъясни мнѣ ихъ движеніе, времяпеченіе и законы. Проведи меня чрезъ царство минераловъ и растений къ царству вышшему, царству животныхъ; оми сего же веди меня къ человеку, покажи мнѣ связь его мыслей, движеніе, измѣненіе спраспей его; сообщай мнѣ науку сердца и души человеческой, науку, въ печеніи временъ неиспощимую. Но если способности мои для сего слабы; если разумъ мой закружится на высотахъ небесныхъ, и если слава Нептоновъ не есть часть моя: то веди меня въ пихія пѣни, въ неизвѣстныя пустыни на берега чистѣйшихъ ручайковъ, и одушевляй тамъ мечты мои. Тобою начнется пѣніе мое, тобою продолжится, тобою и заключено будетъ. Да никогда, никогда отъ тебя не удаляюсь!

КОНЕЦЪ XI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XI Части:

	Стран.
<i>Продолженіе прежняго.</i> - - -	3
<i>Альфонсъ и Даллинда, правоучитель- ная Сказка.</i> - - - -	49
<i>Осень.</i> - - - - - -	193
